

Вестник
АЛЪЯНС-АРХЕО

Вестник
АЛЬЯНС-АРХЕО

44

Москва
Санкт-Петербург
2023

Вестник «Альянс-Архео». Вып. 44. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2023. — 191 с.

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» осуществляет выпуск электронного издания, на страницах которого размещаются материалы, отражающие результаты исторических и историко-методических исследований, а также представляются публикации нарративных, документальных и изобразительных памятников.

Редактор *С. Н. Кистерев*

© Зарегистрированный в России товарный знак,
свидетельство № 743093

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

*Журнал индексируется в научной библиотеке КиберЛенинка
и поддерживает современный стандарт научной коммуникации —
открытый доступ к науке и открытые лицензии*

Л. А. Тимошина

КУРЬЕЗ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Некоторое время назад в издательстве «Весь мир» под грифом Института российской истории Российской Академии наук вышла книга С. М. Шамина с броским и легко запоминающимся названием «Иностранные „памфлеты“ и „куръезы“ в России XVI — начала XVIII столетия»,¹ которая сразу же должна была обратить на себя внимание читателей. Причина проста: изучение бытования в виде переводов иноязычных письменных материалов различного вида, путей их попадания на территорию России, влияния на общественно-политическую мысль и развитие книжности, выявление особенностей восприятия иноземных текстов представителями различных слоев населения, степень распространения этих источников и многие другие вопросы постоянно, на протяжении без малого двух столетий интересовали отечественных исследователей. Поэтому выход каждой, посвященной таким темам работы не может, с одной стороны, не радовать всех заинтересованных пользователей, с другой — предлагаемые читателям в каждом конкретном случае размышления и факты необходимо внимательно анализировать, чтобы, не увлекаясь внешней занимательностью сюжетов, оценить проведенную авторами тех или иных трудов работу.

Не скроем, приобретя эту книгу, мы, как, видимо, и многие другие, с большим интересом начали читать монографию С. М. Шамина, однако с умножением прочитанных страниц радость от нового исследования уменьшалась, а чувство недоумения росло. Не считая себя большими знатоками использованных в исследовании источников, большинство

---

¹ *Шамин С. М.* Иностранные „памфлеты“ и „куръезы“ в России XVI — начала XVIII столетия. М., 2020. 392 с. Рецензенты: Д. В. Лисейцев, Э. Малек, П. С. Стефанович, О. Янссон; научный редактор А. А. Романова.

которых представляют собой материалы искусственно созданного на основе архива Посольского приказа фонда-коллекции «Иностранные ведомости (куранты) и газеты»,² мы рассчитывали на появление рецензий от более «источниковедчески» или «исторически» подготовленных в отношении рассматриваемых С. М. Шаминам документов, надеясь получить в подготовленных ими разборах нового исследования ответы на наши вопросы. Отклик на работу о «памфлетах» и «курьезах» действительно появился, но большая часть изложенного на двух страницах представляет собой краткий пересказ содержания сгруппированных по номерам — 1–5, 6–11, 13–17 — глав книги с добавлением автором рецензии своих собственных размышлений над неким сборником середины XVIII в. с описанием «астрономических феноменов» и двух высказанных в самой общей, никак не касающейся конкретного содержания книги, форме замечаний о том, что С. М. Шамина «не всегда придерживается единого алгоритма описания и анализа процессов адаптации переводного источника в российской культуре» и что «недостаточно последовательно ... выглядит и жанровая классификация материала в главе 11 „Смех и юмор: мир вывернутый наизнанку“...», и с крайне расплывчато-формальным, но, судя по всему, положительным конечным выводом: «Насыщенное и глубокое исследование Шамина вносит существенный вклад в обоснование преемственности между культурными парадигмами Московского царства и Российской империи и позволяет четче определить текстовые феномены, которые выглядят маргинальными в общей системе книжности допетровского времени, но в последующие периоды приобретают характер самостоятельных жанрово-тематических образцов русской рукописной традиции Нового времени».³ Несогласие с рядом высказанных С. В. Алпатовым характеристик труда С. М. Шамина вкупе с тем обстоятельством, что эту книгу начинают так или иначе использовать, по крайней мере, упоминать и другие исследователи,⁴ подвигли нас на собственный, пусть и с большим

---

² Российский государственный архив древних актов. Путеводитель в четырех томах. Т. 4. М., 1999. С. 32–33.

³ Алпатов С. В. У истоков русской рукописной традиции Нового времени // Русская литература. 2021. № 3. С. 253–254.

⁴ См., например: Каплун М. В. Между действием и комедией: об особенностях глав первых русских пьес 1670-х годов (западноевропейский аспект и формирование древнерусской драматической традиции) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 11; Мальшев А. А. Стилистика представления должностелей в петровских «Ведомостях» (1702–1727) // Время как сюжет. Вып. 10. Тверь, 2021. С. 12, примеч. 2; Полехов С. В. Рецензия на: Петтигри Э. Изобретение новостей. Как мир узнал о самом себе / Пер. А. Громченко и Е. Ивановой. М.: Издательство АСТ, 2021. 496 с., ил. // Vox medii aevi. 2021. Т. 2 (9). С. 225, примеч. 2.

опозданием по отношению ко времени выхода книги, отклик на этот труд. Разумеется, такая, исходящая от одного лица оценка покажется кому-то субъективной, неточной, предвзятой, тем не менее и она, являясь побудительным стимулом к обсуждению как этого конкретного сочинения, так и более общих социокультурных проблем, может оказаться небесполезной.

* * *

Сделав это небольшое, но необходимое вступление, вернемся к книге С. М. Шамина и отметим возникающее сразу же, при взгляде на обложку или титульный лист недоумение — соединение с одновременным приравниванием друг к другу, о чем свидетельствует союз «и», двух совершенно разнородных понятий:

1) памфлет (*Pamphilus lat.* (название комедии от греческого имени собственного Πάμφιλος), *pamphlet ст.-фр.*, *pamphlet фр.*, *pamphlet англ.*, *pamphlet нем.*) — давно вошедшее в научный оборот обозначение публицистического, обличительного или остро-сатирического жанра литературы, представленного конкретными, воспроизведенными тем или иным (печатным или рукописным) способом, на том или ином носителе, преимущественно, на бумаге, произведениями;⁵

2) курьез (*curiosus lat.*, *kurios нем.*, *curieux франц.*) — любопытный, странный, интересный,⁶ качественное прилагательное с измененным в русском языке, что происходило не так уж редко (см., например: *intellectuel франц.* — интеллигент), грамматическим значением этого слова. В свою очередь, существительное «курьез» стало, по большей части, обозначать «странный, смешной, диковинный случай, обстоятельство, происшествие»; «редкость, диковинка»; иногда использовалось как синоним к словам «смех», «забава» — «для или ради курьеза (смеха, забавы)».⁷

Очевидно, что найти нечто общее в этих терминах в их общепринятом понимании невозможно, однако тот факт, что С. М. Шамина

---

⁵ См., например: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1980 (репринт: М., 1882). С. 14; *Словарь литературоведческих терминов.* М., 1974. С. 257–258; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Т. 3. М., 1987. С. 195; *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1984. С. 433; *Словарь русского языка.* В 4-х томах. Т. 2. М., 1999. С. 154; и др.

⁶ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1980 (репринт: М., 1881). С. 225; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Т. 2. М., 1986. С. 430; *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. С. 278; *Словарь русского языка.* В 4-х томах. Т. 2. С. 154.

⁷ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. С. 278; *Словарь русского языка.* В 4-х томах. Т. 2. С. 154.

взял слова «памфлеты» и «курьезы» в кавычки подсказывает, что автор монографии вкладывал в них какой-то особый, требующий разъяснения смысл. И действительно, во Введении, в самом первом предложении он определяет выбранную тему следующим образом: «Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена европейским информационным текстам малых форм, переводившимся в России в XVI — начале XVIII в. Эти произведения выполняли в русской культуре две важных функции» (С. 7).⁸ Одной из них была познавательно-развлекательная: «Русский человек удовлетворял свою любознательность, узнавал об истории и географии других стран, диковинах, природных явлениях, дивился чужеземным обычаям, смеялся над забавными происшествиями или выдумками. В петровское время все это получило наименование „куриозного“. Число курьезных текстов пополнялось также новостными сообщениями, отрывавшимися от актуального контекста и попадавшими в сборник исторического содержания» (С. 7). Это принципиально важное для понимания замысла автора книги высказывание сразу же вызывает несколько вопросов: в процессе познания действительности, разумеется, превосходящем перечисленные С. М. Шаминам пункты, хотя и не исключаящем их, русский, как и человек любой другой этнической принадлежности, мог использовать самые разнообразные источники. Значит ли это, что именно «европейские информационные тексты малых форм» играли «в удовлетворении любознательности» особую роль (такие мысли при отсутствии в указанном суждении тех или иных уточнений автора вольно или невольно закрадываются)?; что конкретно читатель должен понимать под новостными сообщениями, которые каким-то образом отрывались от «актуального контекста» — нечто устаревшее, заведомо недостоверное или что-то другое, при том, что познавательная функция таких сообщений в любом случае сохранялась и никак не зависела от того обстоятельства, попадали они в дальнейшем в некие «сборники исторического содержания», (кстати, почему только в них, а не в рукописи иного характера) или нет?; какова была, по мнению С. М. Шамина, цель включения таких потерявших свою новизну известий в те самые сборники, которые, исходя из контекста цитаты, составлялись через некоторое и, видимо, значительное время после появления «информационных листов»? В целом, С. М. Шамина, как представляется, не удалось хоть сколько-нибудь убедительно объяснить необходимость называть широкий круг текстов, включающих историко-географические и иного рода сведения,

---

⁸ Здесь и далее ссылки на страницы монографии С. М. Шамина будут даваться непосредственно в тексте статьи в круглых скобках.

«курьезными», а сами эти источники «курьезами», почему подобные недоуменные и не находящие своего ответа вопросы могут возникнуть и у других читателей.

Особо стоит остановиться на утверждении С. М. Шамина о получении всеми указанными в цитате, касающимися истории, географии, диковинок и т. д. текстами наименования «куриозного» в «петровское время». Автор книги не обозначил хронологические рамки используемого им понятия, поэтому будем условно говорить о 90-х годах XVII — первой четверти (или даже трети, когда основные направления деятельности Петра I так или иначе сохранялись и после смерти императора) XVIII в. Прежде всего, стоит отметить, что слово «курьезный» в любой форме написания или производные от него отсутствуют в «Словаре русского языка XI–XVII веков», составляющегося, как известно, на основании широкого круга опубликованных материалов, в том числе и переводных.⁹ Не фигурирует это слово и в предметных указателях к известной, имеющей самое непосредственное отношение к «петровскому времени» публикации «Письма и бумаги императора Петра Великого», в том числе и в последнем на сегодняшний день томе с таким указателем, охватывающем время с 14 июня по декабрь 1713 г.¹⁰ Единственный раз это слово встречается в составленном Н. А. Смирновым «Словаре иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого»: «Куріозный, нем. curios (от лат. Curiosus). Тотъ трактатъ зѣло куріозного или любопытного содержанія. Шафіровъ. Разс. о в. съ К. XII. 4 стр.».¹¹

Архаизированная форма воспроизведения этого слова С. М. Шаминым, совпадающая с напечатанным у Н. А. Смирнова, правда, без использования «и десятиричного», в сочетании с упоминанием «петровской эпохи» в более ранней публикации и «петровского времени» в новейшем труде дает основание думать, что в своем суждении С. М. Шамин мог основываться, хотя и без ссылки на источник, именно на «Словаре иностранных слов...», восприняв при этом термин «трактат» как обозначение любого письменного текста вообще.

Справедливо высказанное предположение или нет, целесообразно, в любом случае, обратиться к использованному Н. А. Смирновым пер-

---

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений. М., 1975; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981 С. 134–143 (перечень слов, начинающихся на «кур»).

¹⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 2 (14 июня — декабрь 1713 г.). М., 2003. С. 639–677. В очередном вышедшем томе (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 14. Вып. 1 (январь — июнь 1714 г.). М., 2022) указателей нет, они будут во втором выпуске.

¹¹ Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сборник ОРЯС. Т. 88. СПб., 1910. № 2. С. 171.

воисточнику, то есть к указанному в «Словаре иностранных слов...» сочинению П. П. Шафирова, которое, как известно, было посвящено обоснованию правомерности предпринятой Петром I войны против шведского короля Карла XII. В первой части изданной в 1717 г. книги П. П. Шафиров, повествуя о «древних и новых причинах» современной ему русско-шведской войны и излагая события XVI в., обращает внимание на важность текста русско-шведского договора 1564 г. о семилетнем перемирии, заключенного лифляндским наместником М. Я. Морозовым-Поплевиным со шведскими послами:¹² «И понеже тотъ трактатъ зъло куріозного или любопытного содержанія, того ради копія оного...».¹³ Следовательно, в данном контексте П. П. Шафиров применил качественное прилагательное «куріозный», сразу приводя и его синоним, в отношении совершенно конкретного двустороннего политического русско-шведского соглашения, что никак не подразумевало указанные С. М. Шаминым во Введении многочисленные и разнообразные объекты любознательности русского человека. Кроме того, видный государственный деятель и дипломат¹⁴ употреблял в своем сочинении образованное от этого прилагательного существительное «куріезіта» в качестве синонима русского существительного «любопытство» еще дважды: а) рассказывая, как Петр I во время Великого посольства «для удовольствія своей куріезіты изволил» побывать в Риге; б) описывая процедуру посещения иностранными послами русских раненых в 1705 г., «которые сами оныхъ для куріезіте осматривали».¹⁵ Иначе говоря, в обоих случаях использованное слово обозначает внутренние чувства и стремления тех или иных людей, обуславливавшие их действия, но никак не некие внешние объекты. Следовательно, П. П. Шафиров действительно имел в своем лексиконе и свободно применял, опираясь, очевидно, на опыт переводчика с немецкого и голландского языков,¹⁶ иностранные термины «куріозный» и «куріезіта».

¹² О договоре 1564 г. см., например: *Фролов Р. А.* Русско-шведские отношения в 60-е гг. XVI в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. № 8 (76). С. 309–313.

¹³ *Шафиров П.* Разсуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый царь и повелитель всероссийский ... к начатию войны против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел... СПб., 1717. С. 4; переиздано: *Шафиров П. П.* Разсуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел. М., 2008.

¹⁴ О П. П. Шафирове и его сочинении см., например: *Дудаков С. Ю.* Петр Шафиров и другие. М.; Иерусалим, 2011; *Захаров А. В.* Рукопись Дедикации П. П. Шафирова и государственная пропаганда Петра I // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2014. № 22. С. 172–181.

¹⁵ *Шафиров П.* Разсуждение, какие законные причины... С. 27, 67.

¹⁶ О работе П. П. Шафирова как переводчика см.: *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в. Материалы к словарю. М., 2021. С. 223–225.

Однако их использование было, с одной стороны, спорадическим, а с другой — тот факт, что автор сочинения о русско-шведской войне считал необходимым каждый раз приводить русский синоним, показывает, что П. П. Шафиров прекрасно осознавал если не полную чуждость для читателей, то есть русских людей второй половины 1710-х годов, этих слов, то, по крайней мере, их малую понятность.

Н. А. Смирнов, помимо составленного им самим «Словаря иностранных слов...», опубликовал в своей работе еще два подобных списка: 1) «Лексикон вокабулам новым по алфавиту» с пометой, сделанной помощником библиотекаря Академии наук Богдановым «Приправа на листах собственной руки государя императора Петра Великого»; 2) «Различная речения иностранная противо славено-российских» из сборника 1730 г.¹⁷ Ни в одном из них слова «курьезный» или производных от него в любой форме их написания, что еще раз подчеркивает прозорливость П. П. Шафирова и хорошее знание им окружавшей его среды, нет.

В «Словаре русского языка XVIII в.» приводятся четыре, зафиксированные в опубликованных источниках случая употребления до 1730 г. слова «курьез» и производных от него.¹⁸ Первые два связаны с литературно-публицистической деятельностью кн. Бориса Ивановича Куракина. Сначала в относящихся к 1705–1706 годам дневнике и путевых заметках, находясь на лечении за границей и описывая посещение в Лейденской академии в конце 1705 г. известного доктора и анатома Говерта Бидлоо, дяди находившегося в России врача Николая Бидлоо, ближайший сподвижник Петра I¹⁹ написал, что всем, кто попадает в Голландию, стоит обязательно побывать в Лейдене «и в той академіи тѣ коріузита видѣть».²⁰ Затем в не менее известном, чем труд П. П. Шафирова о русско-шведской войне, сочинении — «Гистории о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях, 1682–1694», которое князь писал в последний период жизни, в 1723–1727 годах, в Париже и Гааге, Б. И. Куракин, мысленно обращаясь к событиям прошлых лет и воскрешая в памяти две поездки моло-

¹⁷ Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык... С. 362–382, 383–384.

¹⁸ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 11. СПб., 2000. С. 84; Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984.

¹⁹ О кн. Б. И. Куракине см., например: Дружинин В. Н. «Державы Российской посол». М., 1981; Карпов Г. М. Борис Иванович Куракин // ВИ. 2007. № 9. С. 18–32; Трифанкова Ю. В. 1) Дипломат Б. И. Куракин: портрет на фоне эпохи // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. Вып. 20. № 11 (89). С. 97–101; 2) Б. И. Куракин: личность и дипломатическая деятельность. Автореф. дис. ... канд ист. наук. Владимир, 2007; и др. работы этого автора.

²⁰ Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 143.

дого царя в Архангельск в 1693 и 1694 годах, подчеркнул, что Петр Алексеевич предпринял их «...по такой своей склонности к морскому ходу и по своей курьезите».²¹

Стоит отметить три интересных обстоятельства. Во-первых, в более раннем хронологически дневнике, где анализируемое слово является синонимом слова «диговинка», Б. И. Куракин воспроизводит его транскрибированную форму несколько неуверенно. Можно поэтому предположить, что в 1705 г., несмотря на то, что молодой князь в 1697 г. среди прочих 122 человек был отправлен в Голландию, Данию и Англию «учиться всяким наукам»,²² это услышанное, видимо, от самого доктора Г. Бидлоо при характеристике им экспонатов своего анатомического музея слово Борису Ивановичу было еще непривычно.²³ Во-вторых, только через двадцать лет, состоя с 1724 г. послом в Париже, а до этой даты побывав российским представителем в Лондоне, Ганновере, Гааге и той же столице Франции (в 1716 г.), автор «Гистории», ориентируясь, по всей вероятности, на французский вариант,²⁴ пишет слово «курьезита» более уверенно, и, между прочим, не указывая, в отличие от автора «Гистории», его русского синонима, но обозначает оно, как и у П. П. Шафирова, не какой-то предмет или явление, а такое свойство ума молодого царя как «любезнательность», то есть выступает психологической характеристикой Петра I. И наконец, Б. И. Куракин в обоих случаях использовал это слово в написанных за пределами России и под влиянием иноязычной среды сочинениях, и здесь можно согласиться с мнением Е. В. Анисимова о том, что князь Б. И. Куракин «проживший длительное время за границей и впитавший культуру иного мира с его сте-

---

²¹ Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. С. 69. Об этих двух путешествиях Петра I см., например: *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М., 1940. С. 149–168, 176–185.

²² Об этом путешествии см., например: *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 4. М., 1948. С. 304–310.

²³ Существует мнение, что Борис Иванович Куракин, один из «образованнейших людей своего времени» «блестяще владел иностранными языками» (*Ясинская М. Б.* Языковая личность князя Б. И. Куракина и мотивированность лексических заимствований (на материале историко-биографической прозы) // *Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2010. № 4. С. 181–182). Не оспаривая справедливость ни того, ни другого суждения, осмелимся все же уточнить, что сказанное можно, скорее, отнести к периоду после 1705–1706 годов, когда началась его дипломатическая карьера, так как предшествовавшая этому времени военная служба с участием Б. И. Куракина во всех основных сражениях Северной войны вряд ли могла предоставить князю возможность углубленного изучения иностранных наречий.

²⁴ М. Б. Ясинская, анализируя лексические заимствования в текстах Б. И. Куракина, приводит семь французских и только три немецких слова (*Ясинская М. Б.* Языковая личность князя Б. И. Куракина. С. 184–186).

реотипами, не может обойтись без иноязычной лексики», не находя адекватного выражения заимствованным словам в русском языке.²⁵ Однако вряд ли такие условия жизни были настолько характерны для большинства русских людей петровского времени, чтобы слово «курьез» стало обиходным.

Еще раз слово «куріозный» и производное от него «куріозитеты» упоминаются в письмах Ивана Даниловича (Иоганна Даниэля) Шумахера 1724 г. В первом из них, от 4 марта этого года, направленном в Адмиралтейскую коллегию, он писал, что «Е. И. В. указал, чтоб обретающиеся въ кунштъ-каморѣ куріозныя вещи смалевать на пергаментѣ», а во втором, от 10 марта к Д. Трезини,²⁶ отметив, что «...книги и куріозитеты отъ дождя, который вездѣ сквозъ кровлю проходить, въ опасности находятся», просил архитектора найти каменщиков, чтобы поправить положение.²⁷ Очевидно, что в этих письмах речь шла об экспонатах организованной в 1714 г. по указу Петра I Кунсткамеры, коллекции которой на время строительства специального здания на стрелке Васильевского острова были помещены в дом адмирал-советника А. Кикина, «Кикины» палаты, требовавшие, видимо, ремонта. А первым директором Кунсткамеры в начале 1724 г. по распоряжению президента Петербургской Академии наук Лаврентия Блюментроста был назначен И. Д. Шумахер,²⁸ обязанностью которого была забота о всестороннем обеспечении сохранности ее экспонатов. Следовательно, использованные в обоих письмах слова являются синонимами все тех же русских понятий «диковинные», «диковинки». Причем, если в письме от 10 марта 1724 г. термин «куріозитеты» употребил директор Кунсткамеры, эльзасец по происхождению, прекрасно знавший слова «курьез» — «курьезный», то из контекста

²⁵ Анисимов Е. В. Предисловие // Государственные деятели глазами современников. Петр Великий. М.; Париж; Нью-Йорк, 1993. С. 55.

²⁶ О нем см., например: Лисаевич И. И. Доменико Трезини. Л., 1986; Овсянников Ю. М. 1) Доминико Трезини. Л., 1987; 2) Великие зодчие Санкт-Петербурга. Доминико Трезини, Франческо Растрелли, Карл Росси. СПб., 2000; Малиновский К. В. Доменико Трезини. СПб., 2007.

²⁷ Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 1 (1716–1730). СПб., 1885. № 39. С. 34; № 41. С. 35.

²⁸ Об истории создания Кунсткамеры и деятельности ее первого директора И. Д. Шумахера см., например: Липман А. Петровская Кунсткамера. М.; Л., 1945; Станюкович Т. В. 1) Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953; 2) Художественное убранство и размещение экспозиции Петербургской Кунсткамеры // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 16. М., 1955. С. 385–400; Кунсткамера вчера, сегодня, завтра. Т. 1. СПб., 1996. С. 45–68; Столяров Ю. Н. Вклад И. Д. Шумахера в развитие русской науки и культуры (К 325-летию со дня рождения первого российского библиотекаря и библиотековеда) // Научные и технические библиотеки. 2015. № 9. С. 34–47; библиографию см.: Там же. С. 48–50.

письма от 4 марта этого года очевидно, что определение «куриозных» по отношению к существительному «вещи» использовал действительно русский человек, Петр I, ставший уже к тому времени императором. Однако знание этого иностранного слова бывавшей за границей и окруженной иноземцами высочайшей особой еще не свидетельствует о широком распространении указанного термина среди ее подданных.

Наконец, еще один, относящийся к 1729 г., пример использования слова «куръезный» приводит сам С. М. Шамин, кратко отмечая, что в подготовленном для 14-летнего императора Петра II сборнике выписей среди прочих иностранных слов встречается и это выражение (С. 285). А из более ранней, но и более подробной статьи выясняется, что речь идет о помете «куриозная», сделанной 16 июля на специальной выборке материалов из обзоров внешнеполитических новостей.²⁹ В статье С. М. Шамин не пытался атрибутировать почерк, которым была сделана помета, конкретному лицу, но из приведенных в этой и других работах сведений³⁰ можно заключить, что им был руководивший внешней политикой России и, следовательно, имевший непосредственное отношение к работе Коллегии иностранных дел, сотрудники которой и занимались переводами иностранной прессы, член Верховного Тайного совета вице-канцлер Андрей Иванович Остерман.³¹ Подкрепляет возможность этого отождествления остроумная и, на наш взгляд, совершенно справедливая мысль о причинах создания в 1729 г. такой подборки с пометой «куриозная»: А. И. Остерман, помимо прочих обязанностей, был наставником юного Петра II и, борясь за влияние на своего воспитанника с кланом Долгоруких, «использовал любую возможность, чтобы заинтересовать Петра II чем-нибудь, кроме охот и недетских удовольствий, навязываемых юноше Долгорукими» (С. 289–290), тем более, что Остерман, как отмечает С. М. Шамин, сам работал с курантами и его пометы встречаются на обзорах иностранной прессы.³² После 16 марта составление таких «куриозных» курантов стало нормой, и в июле-декабре 1729 г.

---

²⁹ Шамин С. М. Кусок глины в сердце Мазарини. Петр II и «куриозные» куранты 1729 года // Родина. 2012. № 8. С. 73.

³⁰ Шамин С. М. 1) Кусок глины в сердце Мазарини. С. 72–73; 2) Россия после Петра I: реакция на преобразования в области языка (по материалам Коллегии иностранных дел) // Русский язык и литература во времени и пространстве. Сборник научных статей и докладов. М., 2011. С. 181–183; 3) Иностранные «памфлеты» и «куръезы»... С. 280–281.

³¹ О нем см., например: Любимов С. В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. С. 91–103; Маркина Л. А. Граф А. И. Остерман: штрихи к иконографии // Немцы в России: петербургские немцы. Сборник статей. СПб., 1999. С. 169–181.

³² Шамин С. М. Кусок глины в сердце Мазарини. С. 74.

их было подготовлено не менее 11 комплектов (С. 287).³³ К сожалению, С. М. Шамин не указывает, были ли подобные пометы на других подборках, однако наличие хотя бы одной из них позволяет говорить о том, что указание на характер сообщаемых «новостей», которые по отношению к русской жизни 1720-х годов можно в целом определить как «удивительные» или «диковинные», было сделано рукой конкретного человека. Для выходца из Вестфалии, получившего к тому же хорошее образование, такое слово в его немецком варианте было вполне привычно, но это обстоятельство, как и в других указанных выше случаях, не является доказательством распространения термина «куриозный» в первой трети XVIII в. в столь широком, как представляется автору книги, значении.

Таким образом, вопреки мнению С. М. Шамина, известные в настоящее время печатные тексты «петровского времени», даже если рассматривать этот хронологический период чуть более пространно, до 1730 г., свидетельствуют, что, во-первых, слово «куриозный», встречаясь в лексике иностранцев (И. Д. Шумахер, предположительно, А. И. Остерман) или немногочисленных людей, по роду деятельности связанных с романо-германскими языками (П. П. Шафиров³⁴), писавших свои, опубликованные значительно позднее первой трети XVIII в. сочинения за границей (кн. Б. И. Куракин³⁵) и использовавших этот термин, или постоянно находившихся в окружении иноземцев (Петр I), не имело сколько-нибудь широкого распространения. Во-вторых, слова «курьезный» — «курьез» и производные от них в указанный в новейшей монографии период подразумевали только два смысла — «диковинный» — «диковинка» и «любопытство» — «любопытность», но никоим образом не относились к перечисленному С. М. Ша-

³³ Шамин С. М. Кусок глины в сердце Мазарини. С. 73.

³⁴ При серьезном подходе к определению времени появления и более или менее широкого распространения слов «курьезный» — «курьез» в конце XVII в. — первых десятилетиях XVIII в. стоило бы изучить находящиеся сейчас в архивохранилищах переводы различных иноязычных текстов, выполненные именно П. П. Шафировым. О дальнейших лингвистических направлениях в изучении русского языка указанного периода см.: Круглов В. М. О задачах изучения русского языка петровской эпохи (статья первая) // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 12. № 3. СПб., 2016. С. 673–682.

³⁵ К тому же, стоит иметь в виду довольно точно, по нашему мнению, отмеченную М. И. Ясинской жанровую особенность дневника, неоконченной истории и других сочинений Б. И. Куракина: их «автокоммуникативность», так как они были «рассчитаны на внутреннее „потребление“, „секретны“ для окружающих» (Ясинская М. И. Языковая личность князя Б. И. Куракина... С. 183), соответственно, и использованная в них Б. И. Куракиным лексика не могла быть доступна сколько-нибудь широкому кругу лиц.

миным кругу объектов и явлений. И совсем уж недопустимым, полностью отрицающим единственно возможный в научной работе исторический подход, выглядит совершенно произвольное, с нашей точки зрения, распространение определения «курьезные тексты» в отношении «европейских информационных текстов малых форм» более раннего времени, включая не только XVII — начало XVIII в., но и XVI столетие.³⁶

Вторая функция рассматриваемых С. М. Шаминам информационных текстов была «...связана с формированием мировоззрения человека, его ценностных ориентиров, политических предпочтений. Переводные тексты, — продолжает автор книги, — могли поддерживать ожидание конца света или стремление к религиозному реформированию, укреплять неприязнь к врагу или веру в союзника, помогать в поисках своего места в системе отношений свой/чужой. Данная функция исследуемых текстов лучше всего передается словом „памфлет“, которое в этой работе применяется ко всем политически значимым сочинениям, вне зависимости от наличия в них определенно выраженной критической части» (С. 7). По поводу этого, также чрезвычайно важного для уяснения авторской позиции высказывания стоит заметить, что «формирование мировоззрения человека», включающее в себя самые разнообразные, а не только указанные в цитате ориентиры и предпочтения, если уж обращаться к иноязычным текстам, было связано не только, а точнее, не столько с «информационными листками», сколько с совершенно другими переводными произведениями. Равным образом, указанные далее С. М. Шаминам людские стремления и намерения опять-таки могли быть обусловлены, помимо «европейских текстов малых форм», самым широким кругом таких произведений. Поэтому автору книги, как представляется,

---

³⁶ Д. К. Уо также использовал слово «курьезы» в отношении различных, хранившихся сначала в приказе Тайных дел, а затем переданных в другие приказы «диковинных» текстов и рисунков: списанные с обелиска на Ипподроме в Константинополе египетские иероглифы, изображение появившихся в 1672 г. в Венгрии на снегу «насекомых», правда, почеркнув, что по составленной во время передачи описи дел все они назывались «знаками», имевшими, видимо, тот или иной символический смысл (Уо Д. К. Текст о небесном знаменнии 1672 г. (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 205). Очевидно, что и в этом случае синонимичный слову «диковинка» термин «курьез», не читаясь в источнике XVII в., является привнесенным и исторически неоправданным. Любопытно, что в специальной, посвященной «московским» египетским иероглифам статье Д. К. Уо такое определение, насколько мы можем судить, не использует (Waugh D. C. Azbuka znakami lits: Egyptian Hieroglyphs in the Privy Chancellery Archive // Oxford Slavonic Papers. 1977. V. 10. P. 46–50).

следовало бы сделать соответствующие оговорки или уточнить «мировоззренческие» особенности выбранных им текстов.

Немалое сомнение вызывает утверждение о «поисках своего места» человеком XVI — начала XVIII столетия при помощи этих самых «европейских информационных текстов малых форм». Очень трудно представить находящихся в плену в Османской империи представителей православия, составлявших бóльшую часть населения России указанного периода, которые при определении чужеродности или, наоборот, притягательной близости окружающей их среды, принимая решение о смене веры или отваживаясь на другие, важные в моральном отношении поступки, хоть в какой-то мере руководствовались именно информационными текстами. Скорее, их жизненные ориентиры определяли такие, действительно переводные в своей основе сочинения, как «Беседы Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла», «Поучения аввы Дорофея» или, допустим, «Слово о пророках и лжеучителях» и другие произведения богословско-учительного характера, достаточно распространенные в XVII в., которые никак не попадают под обозначение их объема как «малые формы». В результате, создается впечатление, что упомянутая С. М. Шаминам походя антиномия «свой/чужой» является всего лишь данью модному в историографии в настоящее время направлению исследований.

Не менее интересно и другое, содержащееся в процитированном пассаже рассуждение о втором, а исходя из его местоположения в заголовке, первом, ключевом слове — «памфлет», понимаемым С. М. Шаминам двояко: как определение второй, мировоззренческой, функции и как обозначение «политически значимых сочинений», даже если в них нет «критической части». Насколько справедливы обе эти трактовки для XVI — начала XVIII в.?

Отметим, в первую очередь, что использование термина «памфлет» в отношении процесса возникновения и развития собственных взглядов человека на различные стороны общественно-политической и социальной жизни и определения своего места в ней выглядит не просто странным, а явно неуместным, исходя из общепринятого и давно вошедшего в научный оборот понимания смысла этого слова (см. выше). Что же касается С. М. Шамина, то он ограничивается простой констатацией такого лингвистического нововведения, не только не опровергая имеющиеся в литературе суждения предшественников, но и никак не обосновывая собственную позицию.

Далее. Уяснение человеком своего места в мире могло происходить под влиянием самых разнообразных факторов, в том числе отмеченных С. М. Шаминам знаний по истории и географии, сведений о всевозможных диковинках и происшествиях, уже отраженных, по мнению самого же автора, в «курьезах». Поэтому подчеркнутое

выделение «памфлетов», какой бы смысл ни вкладывать в данном случае в это слово — конкретное сочинение определенного жанра, представленное в виде листка, брошюры, книги, или не имеющее осязаемой физической формы некое умонастроение, в «формировании мировоззрения» выглядит, как минимум, противоречивым.

Стоит обратить внимание и на хронологию упоминаний слова «памфлет» в русских текстах. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» это слово отсутствует,³⁷ нет его и в составленном Н. А. Смирновым «Словаре иностранных слов...» петровской эпохи, а также в опубликованных им же указанных выше лексикографических источниках первой трети XVIII в.³⁸ В «Словаре русского языка XVIII в.» слово «памфлет» с определением «публицистическое произведение остро-сатирического характера» и ссылкой на выходявший в С.-Петербурге ежегодник «Муза» имеется.³⁹ Однако говорить о его широком распространении в русском языке начала XVIII в., не говоря уже о XVI и XVII вв., не приходится.

Таким образом, С. М. Шамин, с одной стороны, необоснованно игнорируя жанровые особенности подобных произведений, распространяет понятие «памфлет» на все вообще «политически значимые тексты», а с другой — суживает значение термина, ограничивая «критическую» часть и, как следует по контексту цитаты, исключая из него сатирическую составляющую. Впрочем, автор книги, видимо, почувствовав некоторую расплывчатость своего высказывания, счел нужным внести в виде обширного примечания существенное уточнение о «специфике термина памфлет в применении к стране и эпохе», то есть к России XVI — начала XVIII столетия: «В русском языке заимствованное из европейского культурного пространства слово „памфлет“ приобрело свою специфику — так называют произведения, содержащие *обличение объекта критики* (выделено нами. — Л. Т.). Однако обличение может быть скрыто и в, казалось бы, нейтральной, фактографической форме сообщения. К примеру, если летучий листок сообщает о появлении двух пророков-обличителей и их преследова-

³⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 137.

³⁸ Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык... С. 217, 375, 383–384.

³⁹ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 18. СПб., 2001. С. 188. В комментарии к документу № 5185 от 31 марта 1712 г. (Отзывная грамота Ф. Беттигеру) сообщается, что Иоганн Фридрих Беттигер был принят на русскую службу А. Д. Меншиковым в 1709 г. как резидент, ведавший дипломатическими и торговыми сношениями России с Гамбургом, который также «...должен был сообщать русскому правительству о печатавшихся в Гамбурге памфлетах и „ведомостях“ и бороться с их распространением» (Письма и бумаги императора Петра I. Т. 12. Вып. 1. М., 1975. С. 439). Однако понять, читается ли это слово в документе 1709 г. или оно употреблено только самим комментатором (Т. С. Майкова), не удается.

нии со стороны Папы, то читатель легко догадывается, что Господь вернул на землю пророков Илию и Еноха, а преследующий их Папа — то ли слуга антихриста, то ли вообще сам антихрист. Таким образом, политический эффект достигался и без прямых высказываний по поводу объекта критики» (С. 7–8. Примеч. 1).

Если отвлечься от крайне неудачного выражения, так как любая критика никак не подразумевает восхваление «объекта» или восхищение им (по смыслу получилась явная тавтология — «масло масляное»), то обратим внимание на основное: С. М. Шамин, пытаясь определить «русскую» специфику содержащих некие скрытые обличения произведений, приводит как пример, хотя и без всяких ссылок, некий «летучий листок» со сведениями про Папу и пророков. В дальнейшем тексте книги в главе, посвященной «Сказанию о двух старцах», составитель примечания отметит три сообщения с описанием появлений старцев-пророков в Германии в Марбурге в 1620 г. и в Сицилийском королевстве в самом начале 1660-х годов то ли в Неаполе, то ли в Палермо (С. 91–92, 98–99). Однако ни в одном из этих текстов ни о каком преследовании пророков со стороны римского папы или какого-либо другого высшего церковного иерарха *вообще не говорится*. В первом случае глухо указывается, что эти два человека «духовного чину» были куда-то «засажены»,⁴⁰ во втором ни о каких карательных мерах в отношении этих людей не сообщается,⁴¹ в третьем, в выделяемой С. М. Шаминым «редакции 1660-х годов», сказано о старцах из «езуицкого монастыря», отправивших пророков в Рим, но без уточнения, к кому именно.⁴² Следовательно, читателям любой этнической принадлежности, обращавшимся к оригинальным или переводным текстам, было бы очень трудно угадать в этих сообщениях указанный С. М. Шаминым «объект критики», папу Римского, просто за отсутствием упоминания одного, почему и делать вывод о достижении какого-либо «политического эффекта» от этих «летучих листков» и «литературного» текста не приходится. Возможно, конечно, предположить, что автор книги в этом пространном примечании подразумевал какие-то другие источники, но тогда стоило бы сделать соответствующую ссылку, чтобы не вводить в заблуждение читателя и не подвергать себя излишней критике.

Итог своим размышлениям над вынесенными в заглавие книги словами «памфлет» и «курьез» С. М. Шамин подводит следующим

⁴⁰ Вести-Куранты 1600–1639 гг. М., 1972. № 3. С. 33 (далее — ВК I).

⁴¹ Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 1. Русские тексты. М., 2009. С. 98 (далее — ВК VI-1).

⁴² Шамин С. М. «Сказание о двух старцах»: К вопросу о бытовании европейского эсхатологического пророчества в России // ВЦИ. 2008. № 2 (10). С. 241.

образом: «Однако один и тот же текст мог быть или памфлетным, или курьезным, в зависимости от того, воспринимал ли его конкретный читатель как подлинный актуальный документ, или же как литературный памятник. Поскольку в такой ситуации сущность сочинения определял его читатель, а не написанный на бумаге текст, последовательно разделить серьезные и развлекательные сочинения оказалось невозможно» (С. 8). В процитированном фрагменте поставлен действительно очень важный вопрос о роли воспринимающей стороны при оценке тех или иных памятников письменности,⁴³ заслуживающий самого серьезного рассмотрения на примере в том числе и упомянутых во Введении «европейских информационных текстов малых форм», поэтому его дальнейшее рассмотрение С. М. Шаминым было бы весьма интересно. Настораживают, однако, некоторые, представляющиеся сомнительными суждения.

Прежде всего, если строго следовать за написанным, то смысл первого предложения состоит в приравнивании памфлетного текста к «подлинному актуальному документу», а курьезного — к «литературному памятнику». На основании каких аргументов автор книги пришел к такому выводу, читателю остается непонятным. Далее. Вряд ли стоит полагать, что на протяжении более чем двух, если исходить из указанной в заглавии книги хронологии, столетий сохранялись одни и те же критерии для определения «литературных памятников» (само выражение для временного периода XVI — начала XVIII в. представляется не очень удачным), с одной стороны, а с другой — стоит подчеркнуть, что любой документ приурочен к той или иной дате и событию, имеет определенный, более или менее длительный срок действия, после чего приобретает значение исторического свидетельства о происшедшем, следовательно, «актуальность» не может быть вневременной и является различной для человека первой половины XVI в. и начала XVIII столетия. Переходя ко второму предложению, необходимо подчеркнуть, что «написанный на бумаге» (кстати, а как быть с другими носителями?) *текст*, выступая только лишь одним из способов передачи авторской мысли, не может *определять* «сущность» сочинения. И, самое важное. Без каких-либо пояснений происходит смена (или подмена) объекта: исчезают связанные ранее с понятиями «памфлеты» и «курьезы» слова «европейские информационные» тексты, а вместо них появляются некие «литературные памятники». И вряд ли случайно далее во Введении в полном противоречии с его началом С. М. Шамин подчеркивает, что

---

⁴³ См., например: *Кустерев С. Н.* История как наука в воззрениях П. Л. Капицы // ВАА. Вып. 34. М.; СПб., 2021. С. 176–240.

«...рукописная книжность стала базой нашего исследования» (С. 13) и, соответственно, при характеристике (очень краткой и поверхностной) источников на первом месте весьма неожиданно, по крайней мере, для нас, оказываются рукописные сборники и только потом «приказная документация как фон для книжной традиции». При этом автор книги отмечает свой интерес только к текстам «малых форм», указывая, что этот вопрос «дискутируется как в литературоведении, так и в журналистике», и не определяет хоть сколько-нибудь внятно свой собственный критерий выбора источников, ограничиваясь мало-вразумительным замечанием: «В целом, при отборе материалов приходится исходить из расплывчатого принципа разумной необходимости» (С. 12). Таким образом, не только указанные «принципы», но и объект изучения автора книги остается чрезвычайно неточным и неопределенным.

Не лучше обстоит дело и с определением задач новейшего сочинения. В разделе «Структура исследования», повторив уже знакомую мысль о том, что «приказная документация привлекается для того, чтобы дать общее представление о массиве приказных переводов, на которые опиралась книжная традиция» (С. 20), С. М. Шамин пишет: «Одна из задач, которую требовалось решить в ходе работы над монографией, — систематизация фактографического материала» (С. 20), который «для удобства читателей» автору «...пришлось разбить на тематические группы» (С. 20–21). Однако это деление проведено некорректно. С одной стороны, автор новейшего сочинения выделяет религиозные *сюжеты* (главы 1–5), то есть «совокупность действий и событий, в которых раскрывается основное содержание» того или иного произведения,⁴⁴ а с другой — «второй комплекс сюжетов — светские *тексты*» (главы 6–11), то есть зафиксированную на любом материальном носителе человеческую речь,⁴⁵ что является попыткой сочетания несовместимых между собой характеристик и сразу же вызывает вопрос о возможности отражения конфессиональных сюжетов в светских текстах и, наоборот, включение подготовленных не в клерикальных кругах произведений в рассказы о тех или иных связанных с церковно-религиозной жизнью событиях. Если же добавить, что «последние главы» посвящены, по замечанию автора книги, «процессам, связанным с бытованием „памфлетов“ и „курьезов“ на русской почве», то появляется новый повод для недоумения: а где же те самые упоминавшиеся во Введении выше «памятники книжной традиции» и их «бытование»? И, главное, если речь идет «о системати-

⁴⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 699.

⁴⁵ Там же. С. 702.

зации фактографического материала», то насколько полно учтены имеющиеся в «текстах малых форм» сведения о конкретных событиях и явлениях да и сами эти, будь то «информационные» или «художественные», тексты?

Для ответа на эти вопросы обратимся непосредственно к главам книги.

* * *

В главе первой рассматриваются катастрофические стихийные бедствия — землетрясения, землетрясения вместе с извержениями вулканов и собственно извержения вулканов на территории Италии, Османской империи, в Альпах и Карпатах (С. 34–51).

Во второй главе уделяется внимание небесным знакам — «небесным знаменам»: круги около солнца, различные пятна и другие возникающие на этом светиле знаки, лунные затмения, кометы, появлявшиеся над Европой в конце 1664 — начале 1665 г. и на рубеже 1680–1681 годов, небесная битва двух солнц, знамение в небе над Венгрией в 1672 г., различные появлявшиеся на небе мистические изображения — кресты, животные, сражающиеся некие люди или целые рати и т. д. (С. 55–79).

Уже этот краткий перечень рассмотренных сюжетов показывает соединение С. М. Шаминам в указанных главах трудно объединяемых в одно целое материалов: описаний вполне конкретных, происходивших на тех или иных территориях геофизических или астрономических явлений и мистико-астрологических рассказов, базирующихся на далеких от повседневной жизни основаниях. Между тем, в своих более ранних, в том числе написанных в соавторстве с А. П. Богдановым, работах С. М. Шамин указывал, основываясь на сообщаемых именно в «европейских информационных текстах малых форм» сведениях, на гораздо более широкий круг природных явлений, справедливо включая в него, кроме перечисленного, описание наводнений, бурь, молний, засух, необычно теплой или холодной погоды в зимнее время, ряда природно-антропогенных проявлений — размножение вредных и опасных животных или насекомых, эпидемические заболевания.⁴⁶ В совместной статье С. М. Шамин и А. П. Богданов подробно рассматривали все указанные явления на относительно коротком хро-

---

⁴⁶ Шамин С. М., Богданов А. П. Природные явления в царствование Федора Алексеевича и человеческое сознание (по газетной информации Посольского приказа) // Историческая экология и историческая демография. Сборник статей. М., 2003. С. 240; Шамин С. М. Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 210–216, 227–231.

нологическом отрезке 1676–1682 годов, проанализировав различное — практически-бытовое, магическое, астролого-эсхатологическое, религиозное — отношение корреспондентов к этим явлениям на основе читающихся в информационных листках комментариев. Казалось бы, от новейшего труда одного из авторов этой работы, охватывающего существенно больший хронологический период, читатель был вправе ожидать продолжения рассмотрения всех этих интересных вопросов на гораздо более широком материале, связанном со всем комплексом сохранившихся русских переводов иноязычных текстов «малых форм», тем более, что в этих документах перечисленные природно-антропогенные явления встречаются неоднократно. В качестве примеров сошлемся на подобного рода сведения, имеющиеся в опубликованных томах «Вестей-Курантов»:

— наводнение вместе с бурей в Мессине с обрушением горы, на которой стоял местный монастырь (сообщение из Венеции от 21 ноября 1620 г.),⁴⁷ наводнение в германских землях (сообщение из Гамбурга от 31 октября 1626 г.),⁴⁸ ожидание половодья на Дунае (по сообщению из Вены от 31 января 1646 г.),⁴⁹ половодье на Висле (по сообщению из Франкфурта от 18 апреля 1646 г.),⁵⁰ наводнение в Лангедоке, Гиени и Провансе (по сообщению из Парижа от 10 августа 1652 г.),⁵¹ наводнение вместе с бурей в Бремене (по сообщению из Бремена от 27 февраля 1671 г.);⁵²

— буря под Ла-Рошелю (сообщение из Париже от 8 апреля 1628 г.),⁵³ в Эльзасе (по сообщению из Вены от 9 июля 1631 г.),⁵⁴ буря с громом и молнией в Голштинии (по сообщению из Страсбурга не ранее 12 декабря 1643 г.),⁵⁵ на Северном море (по сообщению из Гамбурга от 22 февраля 1644 г.),⁵⁶ бури на морях между Архангельском и Амстердамом (по сообщению из Гамбурга ноября 1645 г.),⁵⁷ буря с сильной грозой в Марбурге (по сообщению из Франкфурта от 6 марта 1646 г.),⁵⁸ буря на Северном море (по сообщению осени 1646 г.),⁵⁹ буря с грозой в Брес-

⁴⁷ ВК I. С. 47.

⁴⁸ Там же. С. 81.

⁴⁹ Вести-Куранты 1645–1646, 1648 гг. М., 1980. С. 72 (далее — ВК III).

⁵⁰ Там же. С. 105.

⁵¹ Вести-Куранты 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996. С. 74 (далее — ВК V).

⁵² Вести-Куранты 1671–1672 гг. М., 2017. С. 53 (далее — ВК VII).

⁵³ ВК I. С. 129.

⁵⁴ Там же. С. 136, 224.

⁵⁵ Вести-Куранты 1642–1644 гг. М., 1976. С. 103 (далее — ВК II).

⁵⁶ Там же. С. 128.

⁵⁷ ВК III. С. 89.

⁵⁸ Там же. С. 57.

⁵⁹ Там же. С. 148.

лау (Вроцлаве) (по сообщению из Бреслау от 29 февраля 1648 г.),⁶⁰ буря в Луненбурге (Люнебург, Нижняя Саксония) (по сообщению из Люнебурга от 2 марта 1648 г.),⁶¹ в Любеке (по сообщению из Гамбурга от 12 марта 1648 г.),⁶² на Средиземном море в районе Марселя (по сообщению из Марселя от 25 марта 1648 г.),⁶³ буря с градом в Мюнстере из Франкфурта от 9 июля 1652 г.),⁶⁴ буря, по-видимому, в Северном море (по сообщению из Копенгагена от 14 сентября 1665 г.),⁶⁵ буря, по-видимому, в Северном море (по сообщению из Гамбурга от 18 октября 1665 г.),⁶⁶ в Архангельске, повредившая корабли (по сообщению из Амстердама от 18 ноября 1668 г.),⁶⁷ в городе Комаром в Венгерской земле (по сообщению из Вены от 20 ноября 1669 г.),⁶⁸ буря с грозой и землетрясением около Лейдена (по сообщению из Гамбурга от 15 ноября 1669 г.),⁶⁹ в Карибском море около острова Барбадос (по сообщению из Амстердама от 12 ноября 1669 г.),⁷⁰ между Гамбургом и Любеком (по сообщению из Гамбурга от 28 апреля 1671 г.),⁷¹ в «Галанской земле» (по сообщению из Кельна от 4 октября 1671 г.),⁷² буря с землетрясением в Кадисе (по сообщениям из Анторфа и Кадиса от 21 и 22 марта 1671 г.),⁷³ буря на Средиземном море (по сообщению из Венеции от 18 марта 1671 г.),⁷⁴ на Балтийском море (по сообщению из Стокгольма от 16 сентября 1671 г.),⁷⁵ в провинции Зеландия и других нидерландских землях (по сообщениям из Кельна и Гааги от 4 и 5 октября 1671 г.);⁷⁶

— сильный гром в Брюгге (сообщение из Бреслау от 24 мая 1628 г.),⁷⁷ сильный дождь в Милане (по сообщению из Милана от 2 июня 1649 г.),⁷⁸ гром, молния и град около Праги (по сообщению из Праги от 7 июня

⁶⁰ ВК III. С. 179.

⁶¹ Там же. С. 182.

⁶² Там же. С. 183.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ВК V. С. 69–70.

⁶⁵ ВК VI-1. С. 146.

⁶⁶ Там же. С. 241.

⁶⁷ Там же. С. 331.

⁶⁸ Там же. С. 448.

⁶⁹ Там же. С. 450.

⁷⁰ Там же. С. 457.

⁷¹ ВК VII. С. 126.

⁷² Там же. С. 211.

⁷³ Там же. С. 104.

⁷⁴ Там же. С. 123.

⁷⁵ Там же. С. 210.

⁷⁶ Там же. С. 206–207, 211.

⁷⁷ ВК I. С. 120.

⁷⁸ Вести-Куранты 1648–1650 гг. М., 1983. С. 108 (далее — ВК IV).

1650 г.),⁷⁹ гроза в городе Пресбург (современная Братислава) (по сообщению из Угорской земли не позднее 18 июля 1650 г.),⁸⁰ гром и молния в английских городах Честер и Соуткогелдан (возможно: Saffron Walden) (по сообщению из Честера и Тилбурга от 2 и 6 июля 1652 г.),⁸¹ гроза в Мюнстере, молния попала в кирху (по сообщению из Франкфурта от 9 июля 1652 г.),⁸² «гром» в городе Ага (вероятно, Гаага) в «Галанской земле», повредивший корабли и убивший людей (по сообщению из Голландии июля 1664 г.),⁸³ «громы и молнии» в «Турской земле», выгорели многие города и погибли люди (по сообщению из Вены от 27 июля 1669 г.);⁸⁴

— 10-тинедельная засуха с последовавшим затем «кровным» дождем в датских деревнях (по сообщению из Гамбурга от 16 августа 1652 г.),⁸⁵ годовая засуха в Испании (по сообщению из «Агинской земли» от 27 июня 1664 г.),⁸⁶ «кровавый дождь в Венгерской земле (по сообщения из Венгерской земли июля 1666 г.),⁸⁷ засуха в окрестностях Венеции (по сообщениям из Венеции от 21 августа 1671 г.);⁸⁸

— падение с неба «неизвестных» червей в районе Бремена (по сообщению из Гамбурга от 16 августа 1652 г.);⁸⁹

— град с голубиное яйцо в Праге (по сообщению из Праги от 9 июня 1646 г.),⁹⁰ град в Париже и окрестностях (по сообщению из Французской земли лета 1664 г.);⁹¹

— очень сильные морозы в Гамбурге (по сообщению из Гамбурга от 15 декабря 1666 г.),⁹² морозы в Пруссии и Риге (по сообщению из «Прус» от 21 февраля 1670 г.),⁹³ в Швеции (по сообщению из «Свеи» февраля 1670 г.);⁹⁴

— эпидемии (мор) в Константинополе (сообщение из Парижа от 24 ноября 1637 г.),⁹⁵ в Вене (по сообщению из Вены от 23 декабря

⁷⁹ ВК IV. С. 189.

⁸⁰ Там же. С. 206.

⁸¹ ВК V. С. 55, 56.

⁸² Там же. С. 69.

⁸³ ВК VI-1. С. 105.

⁸⁴ Там же. С. 372.

⁸⁵ ВК V. С. 72.

⁸⁶ ВК VI-1. С. 104.

⁸⁷ Там же. С. 280.

⁸⁸ ВК VII. С. 185, 189.

⁸⁹ ВК V. С. 72.

⁹⁰ ВК III. С. 131.

⁹¹ ВК VI-1. С. 104.

⁹² Там же. С. 230.

⁹³ Там же. С. 497.

⁹⁴ Там же. С. 515.

⁹⁵ ВК I. С. 181.

1645 г.),⁹⁶ в английском городе Ниверке (Ньюарк-он-Трент?) (по сообщению из Лондона от 13 апреля 1646 г.),⁹⁷ в Севилье, Малаге и Кадисе (по сообщениям из Антверпена от 20 июня и Оберланта от 15 июля 1649 г.),⁹⁸ в Генуе и на Сицилии (по сообщению из Рима от 28 мая 1649 г.),⁹⁹ в районе Праги (по сообщениям из Праги от 31 июля и 11 августа 1649 г.),¹⁰⁰ в ирландском городе Ватерфорд (Уотерфорд) (по сообщению из Дублина от 11 июня 1650 г.),¹⁰¹ «мор» от «великих жаров» в Швеции (сообщение с реки Элвы от 17 августа 1652 г.),¹⁰² в Неаполе (по сообщениям из Неаполя от 13 июня и Рима от июня (без указания числа) 1656 г.),¹⁰³ в Польше (по сообщению из Варшавы от 14 августа 1662 г.),¹⁰⁴ в Амстердаме (по сообщению из Гамбурга от 12 июля 1664 г.),¹⁰⁵ в Лондоне (по сообщениям из Лондона от 12 июня, 4, 16 и 18 сентября, 2, 5 и 16 октября 1665 г., Копенгагена от 1 сентября 1665 г. и Штеттина от 13 января 1666 г.),¹⁰⁶ в Гетеборге (Готенбурге), в которой обвинили англичан (по сообщению из Стокгольма от 23 декабря 1665 г.),¹⁰⁷ в Мадриде (по сообщению из Мадрида от 1 ноября 1669 г.),¹⁰⁸ в Греции (по сообщению из Венеции от 7 марта 1671 г.).¹⁰⁹

Из приведенного перечня очевидно, что почерпнутые только из опубликованных переводов европейских «летучих листков» сообщения содержат большое количество, бесспорно, познавательных, хотя, учитывая печальный, а иногда и трагический исход событий, имеющих не совсем развлекательный характер сведений о географии, климате, погоде, различных природных бедствиях, касающихся Западной Европы и Восточной Индии. Регулярно просматривающие такие переводы читатель или читатели (сложный вопрос об определении круга этих лиц будет рассмотрен ниже) могли, систематизируя сообщения из разных мест, получить достаточно подробное представление, например, о снежной зиме на территории Центральной Европы и, видимо, бур-

⁹⁶ ВК III. С. 67, 205.

⁹⁷ Там же. С. 104.

⁹⁸ ВК IV. С. 116–117, 138.

⁹⁹ Там же. С. 109.

¹⁰⁰ Там же. С. 150–151, 154–155.

¹⁰¹ Там же. С. 196.

¹⁰² ВК V. С. 64.

¹⁰³ Там же. С. 115–116, 117.

¹⁰⁴ ВК VI-1. С. 101.

¹⁰⁵ Там же. С. 105.

¹⁰⁶ ВК VI-6. С. 123, 141, 142, 153, 224, 225, 231, 232.

¹⁰⁷ ВК VI-1. С. 153.

¹⁰⁸ Там же. С. 448.

¹⁰⁹ ВК VII. С. 84.

ной, ранней, теплой весне в 1646 г., о крайне неустойчивой погоде, возможно, даже о сильнейшем урагане, пронесшимся от Марселя через Нижнюю Саксонию на Гамбург в марте 1648 г., о штормах в середине сентября — середине октября 1665 г. в различных частях Северного моря, что могло иметь непосредственное отношение к русской торговле с Западной Европой, об очень плохой погоде практически на территории всей Западной Европы, от Кадиса до Стокгольма, весной и осенью 1671 г., грозовом лете 1650 и 1652 годов и многих других климатических катаклизмах. Причем описания катастрофических природных явлений, содержащиеся в европейских информационных «текстах малых форм» подчас находят свое подтверждение в других источниках,¹¹⁰ что, с одной стороны, еще раз подчеркивает достоверность содержащейся в них информации, а с другой — помогает лучше понять смысл описываемых явлений.¹¹¹

Особое место занимают известия о таком связанном как с природными факторами, так и с развитием человеческого общества явлении как «мор», то есть вспыхивавших в различных частях Европы эпидемиях, преимущественно, бубонной чумы, легко передававшегося от человека к человеку и практически не поддающегося в то время лечению инфекционного заболевания, сведениями о котором из-за постоянных контактов приезжавших на службу в Россию иностранцев или иноземных купцов, а также русских людей, отправлявшихся с торговыми или дипломатическими целями за границу и возвращавшимися обратно, располагать было просто необходимо (не случайно, русские воеводы пограничных городов постоянно расспрашивали приезжавших об эпидемиях — «морах» на зарубежных землях). В этом отношении, бесспорно, были важны сообщения 1649 г. о заболевших в испанских и итальянских портовых городах и в некоторых населенных пунктах Центральной Европы и, конечно, неоднократно повторявшиеся сведения об эпидемии в Англии 1665 г. — «великой чуме в Лондоне», перекинувшейся, по мнению некоторых корреспондентов, и на север Европы, в Гетеборг. Ценность этих важных для рус-

---

¹¹⁰ См., например: *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 332–339.

¹¹¹ В частности, падение с неба «незнакомых» червей в районе Бремена в августе 1652 г. можно связать с засухой и нашествием саранчи на северо-западе Украины (*Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись... С. 334), которую ветер соответствующего направления в грозное, то есть со стремительными воздушными потоками лето этого года имел возможность донести, оставляя в стороне Подольскую возвышенность, не говоря уже о Карпатах, до одного из ганзейских городов. Конечно, взрослая отдельная особь саранчи мало похожа на червяка, однако большое количество ее еще не линявших, не имеющих крыльев, ползающих личинок такое впечатление создать вполне могло.

ских читателей, кем бы они ни были представлены, сообщений увеличивалась тем хорошо известным обстоятельством, что после казни короля Карла I официальные внешние связи с королевством были прерваны и, соответственно, других прямых источников таких сведений в России не было.

Удивительно, но все эти, безусловно, способствовавшие широте кругозора, читающиеся в «информационных текстах малых форм» свидетельства в новейшей книге С. М. Шамина удостоились единственного, уложившегося в одну строку упоминания: «Более или менее регулярные известия о бедствиях различного масштаба (буря, гром, молния, „непогодие“ и др.) проникают на страницы вестовых документов в течение всего XVII в.» (С. 46–47). Какова же причина столь разительного изменения подхода к описаниям природных явлений и погодных катаклизмов в разделенных не таким уж большим промежутком времени работах? Может быть, на протяжении этих лет их автор разочаровался в точности и корректности представляемых в «информационных» текстах данных и поэтому решил не обращать на них внимание?

Найти подтверждение такому предположению не удастся, зато заголовков первой же главы «Знамения гнева божьего: катастрофические стихийные бедствия» и ее несколько неожиданное, если учитывать имеющиеся в начале Введения рассуждения о мировоззренческо-познавательных-развлекательных функциях «европейских информационных текстов малых форм» XVI — первой трети XVIII столетия, начало, повествующее на основании 21-й главы Евангелия от Луки, 24-й главы Евангелия от Матфея и «Откровения Иоанна Богослова» о том, как следует понимать «чудесные знамения божьей воли» или гнева, показывают произведенную С. М. Шаминым замену объекта исследования. Вместо изучения роли и места происходивших в течение многих десятилетий на территории Западной, Центральной, Северной Европы и даже Восточной Индии природных катаклизмов, сведения о которых поступали в Россию в виде переводов, иногда — пересказов различных корреспонденций из европейских летучих листков, газет и других информационных источников, в центре внимания автора без какого-либо объяснения причины такой метаморфозы оказывается идеологически ангажированный и, тем самым, заведомо суживающий исследовательские горизонты вопрос о проявлении недовольства поведением людей со стороны некоей сверхъестественной силы через вполне земные, хотя и не внушающие по своим последствиям радости природные явления. Причем эти бедствия сразу же ограничиваются только двумя — землетрясениями и извержениями вулканов, а весь текст главы за исключением трех первых абзацев и первого предложения четвертого абзаца и введения подзаголовков — «При-

родные катастрофы в приказных документах» и «Известия о катастрофах в текстах XVIII в.», — расширительный смысл которых не должен вводить читателя в заблуждение, речь идет все о тех же землетрясениях и извержениях вулканов, представляет собой не упомянутую в библиографии статью С. М. Шамина 2016 г.,¹¹² воспроизведенную с некоторыми незначительными изменениями. Разумеется, автор вправе использовать, с учетом необходимых историографических дополнений, сделанные ранее наблюдения и полученные на их основании результаты в своих последующих работах, однако соответствующая библиографическая ссылка в данном случае представляется необходимой. Кроме того, некритическое использование проведенного ранее в гораздо более широких хронологических рамках — XV–XVIII вв. — исследования в новейшем сочинении, охватывающем более узкий временной период — XVI — начало XVIII в. — приводит к хорошо заметному противоречию в определении дат во Введении (С. 10–11) и использовании источников совершенно иной хронологической приуроченности в основном тексте.

Сделав это историографическое замечание, перейдем непосредственно к рассматриваемым С. М. Шаминым в 2016 и 2020 годах сюжетам.

С. М. Шамин начинает главу книги (как ранее статью) с пересказа содержащихся в нарративных памятниках более или менее пространственных описаний проявляющегося через природные катаклизмы «божьего гнева».

Всего указываются 11 таких свидетельств:

1) землетрясение в Италии в 1456 г. по списку «Послания Феофила Дедеркина на Москву великому князю Василью Васильевичу из-за Римья из латыны», находящемся в принадлежавшей некогда книгописцу Ефросину рукописи (по опубликованному П. К. Симони тексту РНБ. Кирилло-Белозерское собрание. № 9/1086. Л. 514 об.–516 об. (по карандашной нумерации в правом верхнем углу: Л. 517 об.–519 об.)) (С. 35–37);

2) землетрясение в Царьграде ранее 1488 г. (по устному рассказу «некоего побывавшего в Царьграде новгородца», со ссылкой на исследование А. И. Соболевского) (С. 37);

3) землетрясение (без указания даты) в городе Меллиха на Мальте (по рукописи БАН. 24.5.32. Л. 231 об.–232 об. и публикации источника Г. В. Маркеловым и А. В. Сиреновым) (С. 38);

---

¹¹² Шамин С. М. «И в ту же ночь было трясение великое от Божия разгневания»: Переводы европейских известий о землетрясениях и извержениях вулканов в русской духовной культуре XV–XVIII вв. // ВЦИ. 2016. № 1–2 (41–42). С. 139–158.

4) землетрясение в Царьграде 1509 г. (по опубликованному А. И. Алексеевым тексту) (С. 41–43);

5) некое землетрясение, случившееся за 30 лет до 1521 г. (по опубликованному посланию старца псковского Спасо-Елеазаровского монастыря Филофея) (С. 38–39);

6) землетрясение 1524 г. в Венгрии (по содержащемуся в исследовании Р. П. Дмитриевой указанию на сборник Дионисия Звенигородского с этим текстом) (С. 39–40);

7) землетрясение в Италии и Турции в 1542 г. (со ссылками на летописный текст и сборник Нифонта Кормилицына) (С. 41);

8) землетрясение на Сицилии 8 марта 1669 г. и извержение вулкана Этны (со ссылкой на рукопись РНБ. F.XVII.21. Л. 875–876 об.) (С. 43–44);

9) землетрясение на Сицилии и извержение вулкана Этны января 1693 г. (без ссылок на какие-либо источники) (С. 44–46);

10) извержение вулкана Этна (без указания даты) (со ссылкой на публикацию текста в исследовании А. И. Соболевского) (С. 46);

11) извержение вулкана Везувий в 1694 или 1698 г. (по происходящей из Вятки рукописи начала XVIII в. со ссылкой на исследование Д. К. Уо) (С. 46).

Как видно из этого перечня, подавляющее большинство сообщений о землетрясениях и извержениях вулканов в XV–XVII вв. заимствовано из уже опубликованных источников или содержащихся в литературе сведений, поэтому первое, на что стоит обратить внимание при рассмотрении этой части книги С. М. Шамина, — особенности использования им трудов предшественников.

К сожалению, сразу же бросается в глаза неполнота библиографического аппарата, обусловленная то ли недостаточным знакомством автора с существующей историографией, то ли его нежеланием затруднять себя, а может быть, в представлении С. М. Шамина, и перегружать читателя излишне длинными сносками. Самым ярким в этом отношении примером являются примечания, связанные с «Посланием» Феофила Дедеркина, где читается описание землетрясения в Италии в 1456 г. (№ 1), с нахождением этого текста в принадлежавшем Ефросину Белозерскому сборнике и личностью самого составителя конволюта (С. 36–37, примеч. 5–11). Помимо указания на публикацию текста «Послания» П. К. Симони и двух ссылок на обобщающие статьи справочного характера в одном из выпусков «Словаря книжников и книжности Древней Руси», здесь перечислены шесть работ, в число которых входит рукопись диссертации (Т. А. Матасовой) и размещенный на одном из интернет-ресурсов текст (М. А. Шibaева) при том условии, что первый из указанных авторов рассмотрел источники по-

слания Феофила Дедеркина и в неучтенной С. М. Шаминам статье,¹¹³ а второй, помимо целого ряда работ, посвятил книжникам Кирилло-Белозерского монастыря, в том числе Ефросину, и их трудам обобщающую монографию.¹¹⁴ Далее, обращаясь к характеристике многогранной личности книгописца Ефросина, интересовавшегося, по словам С. М. Шамина, «богослужебными, учительными и другими текстами религиозного характера, а также летописными известиями, переводными хрониками, сочинениями по географии, зоологии, медицине и т. п.» (С. 36), С. М. Шамин ссылается на известную работу Я. С. Лурье 1961 года в «Трудах Отдела древнерусской литературы», статью справочно-энциклопедического характера М. Д. Каган и Я. С. Лурье в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» и на статью А. Г. Боброва 2008 г. (С. 36–37, примеч. 8). Допустимо думать, что отсутствие указаний на книгу Я. С. Лурье¹¹⁵ могло быть связано с научно-популярным характером этой работы. Куда труднее объяснить мотивы, по которым С. М. Шамин привел, видимо, как пример новейшего исследования всего одну, к тому же весьма спорную и вызвавшую несогласие многих специалистов статью А. Г. Боброва, где «священноинок» Ефросин Белозерский отождествлялся с князем Иваном Дмитриевичем, проигнорировав выходящие в последние десятилетия работы других авторов.¹¹⁶ Стоит подчеркнуть, что в статье 2016 г. С. М. Шамин отметил предположение А. Г. Боброва о том, что Ефросин — это принявший монашество «князь Иван Дмитриевич Шемякин».¹¹⁷ В книге 2020 г. эта фраза опущена, тем не менее, имеющаяся в более позднем сочинении ссылка только на указанную статью А. Г. Боброва при игнорировании многих других работ может рассматриваться как скрытое согласие с мнением о тождестве Ефросина и князя Ивана Дмитриевича. Разумеется, каждый имеет право давать свою оценку работам предшественников, но даже в случае признания С. М. Шамина справедливости генеалогических по-

---

¹¹³ *Матасова Т. А.* Складывание итальянского направления политики московских князей в XV в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2010. № 1. С. 26–34.

¹¹⁴ *Шибачев М. А.* Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодикологическое исследование. М.; СПб., 2013.

¹¹⁵ *Лурье Я. С.* Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988.

¹¹⁶ См., например: *Кистерев С. Н.* Лабиринты Ефросина Белозерского. М.; СПб., 2012; *Новикова О. Л.* 1) Ефросин Белозерский и московские книжники последней четверти XV в. // ОФР. М.; СПб., 2012. С. 45–83; 2) К изучению сборников книжника Ефросина // ОФР. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 41–69; 3) Минейный торжественник Кирилло-Белозерского монастыря: источники, датировка и атрибуция // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 11. М., 2013. С. 5–16; и др. работы этого автора.

¹¹⁷ *Шамин С. М.* «И в ту же ночь было трясение великое...»... С. 140.

строений А. Г. Боброва стоило бы, на наш взгляд, все же указать и работы другой направленности, коль скоро речь идет о личности кирилловского монаха, чтобы читатель мог получить представление о существовании различных исследовательских позиций и выбрать наиболее убедительную для себя лично. Впрочем, и у А. Г. Боброва есть еще целый ряд работ, посвященных различным сторонам деятельности интересовавшегося, действительно, очень многим Ефросина Белозерского,¹¹⁸ о существовании которых в книге С. М. Шамина не говорится.

Точно так же, упоминая о списке рассказа о землетрясении в Царьграде в 1509 г. (№ 4) в сборнике монаха Соловецкого монастыря Ионы и справедливо отмечая широкий круг интересов и этого инока, С. М. Шамина ограничивается указанием на посвященную этому персонажу статью В. К. Зиборова и А. А. Романовой (С. 43, примеч. 28), несмотря на то, что за прошедшие десятилетия жизнь и творчество Ионы Соловецкого привлекали внимание целого ряда исследователей.¹¹⁹

Отмечая описание природных бедствий, бури в Неаполе в 1523 г. и землетрясения в Венгрии в 1524 г. (№ 6), С. М. Шамина опирается на приведенные Р. П. Дмитриевой сведения об этих событиях, содержащиеся в сборниках Дионисия Звенигородского и Нифонта Кормилицына (С. 39–40 и примеч. 18, 21), но ни словом не упоминает о том, что текст этих двух сообщений по сборнику РНБ. Q.XVII.15 был опубликован уже несколько десятилетий назад.¹²⁰ Кроме того, обращение к источнику, где указывается, что разрушительный «трус» в 1524 г. произошел в «Стреми», а это «страна угорьская между Дуная и Савы реки»,¹²¹ позволяет исправить допущенную С. М. Шамина, возможно, случайно, неточность. Рассказывая о землетрясении 1524 г., он дважды, без всяких оговорок, пишет, что оно случилось в Венгрии (С. 37–38), заставляя читателя невольно думать о террито-

---

¹¹⁸ Бобров А. Г. 1) Попытка одного отождествления (князь Иван Дмитриевич = инок Ефросин) // Псков в русской и европейской истории (К 1100-летию первого рукописного упоминания). Т. 2. М., 2003. С. 270–278; 2) Ефросин Белозерский как историограф // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 134–144; 3) Упоминания русских князей XIV–XV веков в автографах Ефросина Белозерского // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 155–172; и др. работы этого автора.

¹¹⁹ Библиографию работ последнего времени см.: Морозов Б. Н. Иона Соловецкий // ПЭ. Т. 25. М., 2010. С. 493–496.

¹²⁰ Сумникова Т. А. Два датированных известия русской рукописи XVI в. о стихийных бедствиях в Европе // Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. И. Алексева. Л., 1976. С. 24–25.

¹²¹ Там же. С. 25.

рии современного государства. Между тем, согласно опубликованному тексту, речь на самом деле идет, что и отметила Т. А. Сумникова в комментарии, об историко-культурной области Срем (от названия римского города Сирмия), находящейся в междуречье рек Дунай и Сава, «на северо-востоке современной Югославии» и некогда входившей в состав Венгерского королевства.¹²² В настоящее время меньшая часть этой области входит в состав Хорватии (Вуковарско-Сремская жупания), а большая — в состав Сербии (Сремский округ), но никак не Венгрии. Кроме того, говоря о бедствиях 1523 и 1524 годов, С. М. Шамин приводит в кавычках, но без необходимой в таком случае ссылки довольно пространный заголовок, открывающий повествование о неаполитанском наводнении (С. 40). На самом деле этот заголовок со ссылкой именно на сборник Нифонта Кормилицына (РНБ. Q.XVII.15) имеется у А. И. Соболевского, и там же воспроизводится с некоторыми небольшими разночтениями по сравнению с публикацией Т. А. Сумниковой текст о землетрясении в «Стреми».¹²³ Разумеется, мы никак не отрицаем того обстоятельства, что С. М. Шамин мог самостоятельно списать этот заголовок непосредственно с рукописи, но тогда им, очевидно, была допущена ошибка прочтения «*умиление* истребися» (С. 40) вместо «*умиленне* истребися» (по публикации А. И. Соболевского и Т. А. Сумниковой) и, в любом случае, указание на поисковые данные при цитировании текста представляются необходимыми.

Касаясь землетрясения 1542 г. в итальянском городе Шимбория (Шембория) и входившем в то время в состав Османской империи городе Фессалоники (№ 7), С. М. Шамин ссылается, как и Н. А. Казакова,¹²⁴ на опубликованный в последней четверти XIX в. текст Новгородской летописи (С. 40–41 и примеч. 22), не учитывая того, что, во-первых, текст Новгородской II летописи, включающий рассказ о землетрясении, был еще раз издан в 1965 г.,¹²⁵ а во-вторых, то обстоятельство, что другое, не «летописное» повествование об этом же разрушительном бедствии по «соловецкой» рукописи (РНБ. Соловецкое собрание. № 922/1032. Л. 127), к сожалению, с утраченной конечной частью текста, которая была описана И. Я. Порфирьевым,¹²⁶ а затем указана и опубликована в библиографических материалах А. И. Со-

¹²² Сумникова Т. А. Два датированных известия... С. 26.

¹²³ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 236.

¹²⁴ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 219, примеч. 166.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 148. У Н. А. Казаковой ссылка на эту публикацию также отсутствует.

болевского,¹²⁷ было также относительно недавно опубликовано еще раз.¹²⁸

Удивительно, но в своей более ранней, посвященной «Курантам» XVII в. работе С. М. Шамин не только сослался на публикацию рассказа о землетрясении по сборнику из Соловецкого собрания в ВК I, но весьма доходчиво и четко, хотя и кратко, описал историю обнаружения других списков этого памятника, попутно изложив расходившиеся с мнением А. И. Соболевского суждения иных исследователей (А. Д. Седельникова, Р. П. Дмитриевой, Н. А. Казаковой, И. Майер) об источниках сообщения.¹²⁹ Однако в новейшем сочинении С. М. Шамин упомянул мнения только А. И. Соболевского и Н. А. Казаковой и довольно непоследовательно определил свою позицию. Сначала он написал: «Казакова доказала, что указанный Соболевским в качестве оригинала документ (печатный летучий листок. — Л. Т.) рассказывал о том же событии, но для русского текста оригиналом он не являлся» (С. 41).¹³⁰ Затем, отмечая предположение Н. А. Казаковой, что рассказ был записан со слов очевидцев землетрясения — пришедших на корабле в Кольвань, торговавших в Италии любекских купцов находившимся там же новгородцем, С. М. Шамин подчеркнул, что протограф «этого рассказа» (вероятно, имелась в виду запись рассказа любских немцев) не сохранился или не найден, и «им вполне мог стать летучий листок, составленный в Кольвани» (С. 41).¹³¹ Поэтому остается совершенно непонятным, чье же мнение, А. И. Соболевского или Н. А. Казаковой, разделяет современный автор. При этом С. М. Шамин не только сам не задается вопросом о возможности подготовки тех или иных печатных изданий в середине XV в. в Кольвани, но и не обращает внимания на посвященные началу периодической печати в Европе исследования, где таких сведений тоже

¹²⁶ Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 2. Казань, 1885. С. 553.

¹²⁷ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси... С. 237.

¹²⁸ *Сумкина А. И., Тарабасова Н. И.* Введение // ВК I. С. 10.

¹²⁹ *Шамин С. М.* Куранты XVII столетия. С. 35–36.

¹³⁰ Близкую оценку мнения Н. А. Казаковой высказала в свое время И. Майер: «...Н. А. Казакова убедительно доказала, что русский текст обстоятельнее немецкой версии в указанном печатном летучем листке и немецкий листок не мог послужить непосредственным оригиналом русского перевода, хотя там описаны те же стихийные бедствия» (Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 2. М., 2008 С. 53, примеч. 2 (далее — ВК VI-2)).

¹³¹ Точно такие же, значительно упрощенные по сравнению с монографией о Вестях-Курантах 2011 г. рассуждения читаются и в статье 2016 г., с одним только различием: вместо Кольвани говорится, что этот летучий листок мог быть составлен «в Таллинне» (*Шамин С. М.* «И в ту же ночь было трясение великое...»... С. 145).

не имеется.¹³² Если же обратиться к «летописному» тексту, то стилистика и общий тон повествования о землетрясении в «Шемъбории»¹³³ однозначно, по нашему мнению, свидетельствуют о его устном происхождении. Вряд ли, например, в каком-либо «летучем листке», пусть даже, в виде исключения, и подготовленном в Кольвани, могли появиться строки «они сказывают, в те поры ещо на постелех спаша...» (при описании первого толчка), после чего они от страха «убежали на поле и учели богу молитися»¹³⁴ и т. д., совершенно очевидно, что это запись живой разговорной речи, а не того или иного перевода. Поэтому высказанное, причем даже не предположение, а, скорее, уверенное суждение, отсюда и использованное слово «вполне», представляется на самом деле крайне легковесным и обусловленным желанием автора во что бы то ни стало связать «информационное» сообщение и «летописный», то есть попавший в «литературный памятник», рассказ.¹³⁵

Позволим себе несколько отвлечься от книги С. М. Шамина и еще раз обратить внимание читателей на указанный выше сборник (РНБ. Соловецкое собрание. № 922/1032), по которому А. И. Соболевский

---

¹³² См., например, историографический обзор И. Майер (ВК VI-2. С. 25–36).

¹³³ Не удается однозначно определить, о каком именно географическом месте рассказывали немецкие купцы. В настоящее время известна находящаяся в итальянских Альпах в Валле — д’Аоста коммуна Шампорше, однако довольно большое расстояние (около 200 км) от нее до ближайшего морского порта, каковым является Генуя, откуда любекские немцы могли бы «побежать на море в кораблех», не позволяет уверенно отождествить «Шемъборию» с этим пунктом. Интересно отметить, что в 1542 г. на юге Европы произошли сразу несколько землетрясений: 12 июня 1542 г. в «Шемъбории», Флоренции и ее окрестностях и в Фессалониках (ПСРЛ. Т. 30. С. 148), 10 декабря этого же года — на Мальте (*Galea P. Seismic history of the Maltese island and considerations on seismic risk // Annals of Geophysics. 2007. V. 50. № 6. P. 729, 731*). Однако не менее любопытна запись от 4 августа того же, 1542, года в Соловецком летописце о том, что «в первом часу дни бысть трясение земли великое в трех погостах в Керети и в Ковде, и в Кандалакши и до Умъбы, верст на триста и больше, и горя и лися тряслися» (*Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 235*). Получается, что этот год характеризовался сильнейшим сейсмической активностью не только в зонах постоянного риска, Аппенинском полуострове, островах Средиземного моря, северо-восточной Греции, но и в местах, где подобные геофизические катаклизмы были редкостью — в населенных пунктах в районе Кандалашской губы Белого моря. Со ссылкой на «летописное» известие сведения о землетрясении в Шембории приведены: *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись... С. 312*.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 30. С. 148.

¹³⁵ Впрочем, один раз, касаясь рассказа о землетрясении в Царьграде в 1488 г. (№ 2), С. М. Шамина признает, что «фонд» таких повествований «мог пополняться за счет источников разных типов» (С. 37), но в дальнейшем эта мысль своего развития не находит.

и авторы Введения к первому выпуску «Вестей-Курантов» напечатали начальную, сохранившуюся часть сообщения о землетрясении 1542 г. Этот конволют неплохо известен исследователями и плодотворно изучается ими, прежде всего, благодаря читающемуся там на л. 49–113 об. летописному тексту — Соловецкому виду «Сокращенного свода».¹³⁶ Вместе с тем, не менее интересны и другие, входящие в Сол. 922/1032 материалы, в частности, читающаяся в его начале (Л. 1–12 об.) часть первой книги «География» Помпония Мелы¹³⁷ или целая подборка паломнических хождений и сведений географического характера из других источников (Л. 35–43 об.).¹³⁸ На наш взгляд, именно к этим историко-географическим материалам и сочинениям тематически примыкает известие о землетрясении 1542 г., попавшее в сборник Сол. 922/1032 существенно позднее. По наблюдениям И. В. Федоровой, последние семь листов конволюта, в том числе и л. 127, написаны скорописью XVII в.,¹³⁹ то есть были присоединены к блоку через какое-то время после его формирования, и трудно ошибиться, если высказать предположение о существовании некогда целой восьмилитовой тетради с утраченным последним листом, где заканчивался рассказ о землетрясении 1542 г. Можно обратить внимание и на еще одно интересное обстоятельство. Перевод труда Помпония Мелы рядом исследователей связывается с окружением новгородского архиепископа Геннадия,¹⁴⁰ то есть создание этого текста приурочено именно к тому месту, уроженец которого впоследствии сам запишет или кому-то продиктует рассказ любекских купцов, который затем случайно (или не очень) попадет как раз в тот сборник, где уже будет находиться сочинение итальянского географа.

Возвращаясь же к книге С. М. Шамина, обратим теперь внимание не столько на характер использования работ предшественников, сколько на рассуждения автора книги в отношении одного из конкретных свидетельств. На этот раз речь идет об описании землетрясения и других бедствий, обрушившихся на город Меллиха на Мальте (№ 3).

---

¹³⁶ См., например, новейшее исследование с приведенными там в подстрочных примечаниях библиографическими ссылками: *Новикова О. Л.* «Сокращенный свод» в 70–90-х годах и его соловецкий вид // *Летописи и хроники. Новые исследования.* 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 162–234.

¹³⁷ *Новикова О. Л.* Фрагменты первой книги «География» Помпония Мелы в соловецкой рукописи XV века // *ВИА. Вып. 10.* М.; СПб., 2015. С. 35–74.

¹³⁸ *Федорова И. В.* Древнерусские паломнические «хождения» в библиотеке Соловецкого монастыря // *Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря.* СПб., 2004. С. 238.

¹³⁹ *Федорова И. В.* Древнерусские паломнические «хождения»... С. 238.

¹⁴⁰ *Ромодановская В. А.* Просветительская деятельность Геннадия // *ПЭ. Т. 10.* М., 2005. С. 594.

За последние несколько лет полный текст этого сообщения был воспроизведен два раза — факсимильно и «археографически»¹⁴¹ и дважды в довольно больших фрагментах — в статье С. М. Шамина 2016 г. и, соответственно, в книге 2020 г. (С. 38).¹⁴² Однако, учитывая тот факт, что в своих рассуждениях он только частично цитирует это известие, что мешает целостному восприятию источника, считаем полезным воспроизвести еще раз весь текст полностью, чтобы не вынуждать читателя, знакомясь с нашими, довольно многочисленными замечаниями, розыскивать публикацию Г. В. Маркелова и А. В. Сиренова:

Лета 7059-го в Цесарской земли бысть разгневание Божие, град Мельхи погибе, прииде на него туча каменная и огонь, и гром, и пожже град каменной и полаты, не токмо полаты, но и подошву каменную за беззаконие. И воста буря велика, да и место града того помыло и песок разнесло. А стоял тот град на острову. И на том же острову город от того города тритцать верст именем Тордор, и в ту же ночь было трясение великое от Божия разгневания, и пришли из града Тордора гости на телегах к Мельхи граду: аж погибе и место ровно, разве нашли в погребѣ жену мертву. И они разрезали утробу и выняли из нея младенца мужеска полу Михаила, егоже даде король Максимиан царь воспитати. Потом же бысть у Максимиана царя подручник, о немже царь глагола, яко «тому подручнику моему Михаилу быти в великой области царем».¹⁴³

---

¹⁴¹ Маркелов Г. В., Сиренов А. В. Летописец небесных знамений. Лицевой рукописный сборник XVII века из собрания Библиотеки Российской Академии наук. Т. 1. Факсимильное воспроизведение сборника. СПб., 2018. Л. 231 об.–232; Т. 2. Тексты, исследование, комментарии. СПб., 2018. С. 197.

¹⁴² Шамин С. М. «И в ту же ночь было трясение великое...»... С. 142 и примеч. 12 (с выражением благодарности А. В. Сиренову за предоставленный текст). Сравнение факсимильного изображения этого текста с его передачей дипломатическим способом в издании 2018 г. показывает хорошую археографическую подготовку сообщения о событиях на Мальте. На наш взгляд, можно отметить только одну, да и то не слишком серьезную, неточность прочтения: «разве нашли» представлено как «разве нашли». Вызывают возражения некоторые другие особенности этой публикации. В частности, кажется неоправданным соединение местоимений с частицей «же» — «егоже», «о немже»; трудно согласиться с добавлением к выносной согласной букве «б» гласной «е» в выражении «аж погибе», вполне возможно, что резко изгибающаяся вниз, соединенная с петлей буквы «б» дуга с немного загнутым правым хвостиком не подразумевала никакой добавочной буквы, тем более, что в следующем далее выражении «и место ровно» над буквой «в» просматривается дуга точно такой же формы, а в начале текста, где читается похуже «град Мельхи погибе», буквы «бе» написаны в строке, а не как выносные. Поэтому предпочтительным кажется чтение «к Мельхи граду, аж погиб» в статье 2016 г., где заодно не наблюдается слитного написания частицы «же» и более точно, по нашему мнению, расставлены знаки препинания.

¹⁴³ Маркелов Г. В., Сиренов А. В. Летописец небесных знамений. Т. 2. С. 197. Цитируем текст, не воспроизводя букву «Ѣ», но с сохранением орфографии и пунктуации публикации, несмотря на высказанные выше соображения, по вошедшей в научный оборот публикации, на которую уже появилась рецензия (Сазонова Л. И. Летописец небесных знамений. Лицевой рукописный сборник XVII века из собрания Библиотеки

Первое, что обращает на себя внимание, С. М. Шамин сразу же, не приводя никаких доказательств и не анализируя текст, пусть и выражая словами «по всей вероятности» некоторое, небольшое сомнение, заявляет: «К числу ранних, по всей вероятности, переводных сообщений о землетрясениях следует отнести рассказ о разрушении города Меллихи на острове Мальта» (С. 38), уточняя затем, что это свидетельство «определено как пришедшее из „Цысарской земли“» (С. 38). Если же обратиться к тексту, то нетрудно заметить, что подобного утверждения там нет: о «Цысарской земле» говорится, как о месте, где самым разрушительным образом проявился «божий гнев», но откуда и в каком виде поступили эти сведения, не сообщается. Имеющиеся же примеры хронологически наиболее близких переводных информационных свидетельств с подобными указаниями обычно начинались иначе: «из Андерфа» (Андорфа), «ис Колнена» (Кельна), «ис Праги», «из города из Вена» (Вены), «из Рима», из «Немецкой», «Голанской», «Аглинской» земли и т. д.¹⁴⁴ Несколько настораживает указание даты от «Сотворения мира», а не от принятого в западноевропейском летоисчислении «Рождества Христова». Конечно, в дальнейшем в русских переводах будет преимущественно применяться первый из указанных стилей, однако его использование, насколько можно судить по опубликованным материалам, начнется в переводах вестовых немецких тетрадей в 1620 г., а не в середине, ориентируясь пока на указанную дату, XVI столетия, до этого момента переводчики будут воспроизводить обозначения лет в соответствии с иноязычными оригиналами.¹⁴⁵ Обращает на себя внимание и не слишком характерный для русского светского делопроизводства язык перевода, больше напоминающий церковнославянский. Таким языком, скорее, мог пользоваться человек, для которого более привычными были богослужебные тексты, а не летучие иностранные листки, что заставляет задаться не заинтересовавшим С. М. Шамина вопросом о личности переводчика, путях попадания к нему и виде этого иноязычного сообщения.

Далее С. М. Шамин ставит на первое место именно землетрясение, сопровождавшееся, «как часто бывает в подобных сообщениях», добавляет он, «целым каскадом бедствий»: «туча каменна», «огнь»,

---

Российской Академии наук. В 2 т. Т. 1: Факсимильное воспроизведение сборника. Т. 2: Тексты, исследование, комментарии / Изд. подгот. Г. В. Маркелов и А. В. Сиринов. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2018. 588 с. + 528 с.: ил. // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 1. С. 356–367), не содержащая, впрочем, никаких замечаний, касающихся передачи археографами текста памятника.

¹⁴⁴ ВК I. С. 21–23, 25, 26–27 и др.

¹⁴⁵ Там же. С. 22–26.

«гром», «буря» (С. 38). На самом деле, из текста известия очевидно, что сильная и описанная гораздо более детально гроза, сопровождавшаяся бурей, предшествовала «трясению». Конечно, и буря с грозой, и землетрясение равнозначно оцениваются как следствие «божия разгневания», тем не менее, если читатель будет ориентироваться только на рассуждения С. М. Шамина, то он, с одной стороны, может получить не совсем точное представление о содержании заметки, а с другой — не понять, что, скорее всего, «автор» оригинального сообщения гораздо лучше представлял себе природно-климатическое бедствие, чем геофизический катаклизм.

Наиболее же важной и, одновременно, вызывающей наибольшее возражения представляется попытка автора книги объяснить отмеченное им в этом сообщении хронологическое противоречие. Отмечая связь этого свидетельства с «Цысарской землей» и упоминание «короля Максимияна», в ком следует, по мнению автора книги, видеть Максимилиана I, правившего Священной Римской империей в 1508–1519 годах, С. М. Шамин продолжает: «К сожалению, эти данные не стыкуются с датой сообщения, указанной в рукописи — „Лета 7059-го“ (1551 г.)» (С. 38).¹⁴⁶ Предлагаемое читателям объяснение состоит в следующем: «Скорее всего, в ходе переписки памятника буква I в дате была заменена на H, из-за чего 7019 (1511 г.) превратился в 7059. Датировка сообщения 1551 г. вызывает сомнения еще и потому, что в это время Мальтой уже управляли мальтийские рыцари, о которых в сообщении обязательно упомянули бы» (С. 38).

Рассмотрим сначала возможность ошибки в написании цифр. Во-первых, очень трудно представить, каким образом обладавший вполне уверенным, хотя, может быть, и не очень красивым почерком¹⁴⁷ человек, переписавший (правда, не вполне понятно, с какого именно антиграфа) текст о разрушении Меллихи, мог спутать «i» («и десятичное»), пишущееся в буквенной цифири при обозначении цифр второго десятка с точкой наверху, с буквой «n» («нашъ»), то есть цифрой «50».

Во-вторых, этот писец не только должен был заменить друг на друга имеющие совершенно разные по графике буквы, но, заодно, и поменять их местами, так как требующийся автору сочинения «7019» год был бы обозначен как «#3e1», а «7059» — «#3nø». Такой писарский произвол представляется невероятным.

¹⁴⁶ Строго говоря, следует — 1550/51 г., но, исходя из того, что в сообщении речь идет о грозе, то, вероятно, подразумеваются действительно весенне-летние месяцы.

¹⁴⁷ См.: *Маркелов Г. В., Сиренов А. В.* Летописец небесных знамений. Т. 1. Л. 231 об.–232.

Что же касается времени появления мальтийских рыцарей как датирующего признака, то указание на это пришествие при описании разнообразных видов «божия разгневания» не кажется таким уж обязательным, как представлялось автору книги. В результате, по С. М. Шамину, получается, что существовало некое оригинальное, видимо, печатное иноязычное сообщение, подготовленное в «Цесарской» земле не позднее, ориентируясь на стремление автора книги видеть в «Максимияне» императора Максимилиана I, 1519 г. (даже в западноевропейских условиях появление в этот период неких информационных текстов было не таким уж частым явлением), которое неизвестным путем, через загадочное посредство то ли русских людей, то ли иностранцев непонятно когда попало в Россию, чтобы затем оказаться среди текстов «Летописца небесных знамений». Все эти вопросы, скорее всего, возникнут и у читателей книги С. М. Шамина, поэтому попытаемся дать свое, пусть не исчерпывающее, но помогающее понять хотя бы отдельные детали рассказа о городе Меллихи, объяснение.

При внимательном чтении повествования о бедствиях на Мальте обращает на себя внимание ряд не отмеченных С. М. Шаминым моментов. Прежде всего, дело касается двух упомянутых в этом тексте расположенных на острове городов: если «Мелыхи» легко отождествляется с существовавшим там уже в период неолита поселением Меллиха, то найти населенный пункт, который, хотя бы приблизительно, соответствовал обозначению «Тордор» не удастся, да и фонетически это слово не очень созвучно местным географо-административным названиям. Кроме того, не вполне понятно, что за люди могли подразумеваться под «гостями», видимо, не местными жителями, которые пришли, да еще со специальным уточнением — «на телегах», в Меллиху после полностью разрушившего город землетрясения и сумели спасти младенца из чрева умершей матери: «... и пришли из города Тордора гости на телегах к Мелыхи граду: аж погибе и место ровно, развее нашли в погребѣ жену мертву. И они разрезали утробу и выняли из нея младенца мужеска полу Михаила...».¹⁴⁸

Очевидно, что их появление произошло довольно быстро после произошедшей природной катастрофы и было далеко не случайным, как и тот факт, что «гости» прибыли «на телегах», видимо, везя с собой некие, занимающие много места или тяжелые предметы, или, наоборот, собираясь что-то увезти из разрушенного города, допустимо, конечно, и сочетание этих намерений. Вряд ли при этом стоит гово-

---

¹⁴⁸ Маркелов Г. В., Сиренов А. В. Летописец небесных знамений. Т. 1. Л. 232; Т. 2. С. 197.

ритель, как делает С. М. Шамин, о некоем «чудесном» событии: «Бедствие сопровождалось чудесным спасением нерожденного младенца» (С. 38). По контексту фрагмента, где описание прибытия гостей следует сразу же за словами о «божьем разгневании», получается, что, по контрасту с доставившим людям много неприятностей вмешательством высшей силы, спасение не успевшего появиться на свет естественным образом младенца, рассказ о котором вполне реалистичен и лишен религиозных апелляций, было следствием действия самих приехавших в Меллиху людей. Речь, видимо, идет о действительно имевшей место хирургической операции, судя по словам о «разрезанной утробе», кесаревом сечении, благодаря которой «нерожденный» младенец сумел появиться на свет. Допустимо поэтому полагать, что прибывшие на развалины Меллихи «гости» обладали необходимыми медицинскими познаниями и навыками, чтобы, во-первых, удачно проделать хирургические манипуляции, а во-вторых, они имели с собой все необходимые и, возможно, другие медицинские инструменты, которые и могли находиться среди прочего имущества на упомянутых выше телегах. К XVI в. операции по извлечению жизнеспособных младенцев из чрева умерших матерей были давно и хорошо известны, стоит вспомнить, что Асклепий точно так же был извлечен Аполлоном из возложенного на погребальный костер тела убитой богом света из ревности дочери охроменского царя Флегия Корониды,¹⁴⁹ и мифологическая основа не должна в данном случае заслонять отразившийся в сказании факт применения таких операций уже древними греками.

Можно думать, что на развалинах Меллихи оказались неплохо разбиравшиеся в медицине люди, имевшие специальные инструменты для оказания не только первой помощи, но и проведения более сложных манипуляций, и проезд их, по всей вероятности, не был случаен. Быстро, благодаря небольшому расстоянию (30 верст = 32 км), узнав о стихийном бедствии, они, озаботившись всем необходимым, включая транспортные средства, те самые телеги, которые пригодились бы и для перевозки раненых, отправились оказывать помощь пострадавшим, причем их хорошо организованный проезд выглядит вполне целенаправленным. Следовательно, речь идет о действительно чудесных, умелых действиях спасателей, но ни о каком вмешательстве некоей высшей силы, как следует из написанного С. М. Шамина, говорить не приходится. Вместе с тем, появляется вопрос, кем же были эти, явившиеся на помощь «гости»?

Для ответа стоит вспомнить, что в 1530 г. на Мальте в соответствии с жалованной грамотой императора Карла V от 24 марта этого

---

¹⁴⁹ См.: *Овидий. Собрание сочинений*. Т. 2. СПб., 1994. С. 46–47.

года на владение островом¹⁵⁰ появились члены ордена госпитальеров — ордена братьев иерусалимского госпиталя св. Иоанна Крестителя. Одной из основных целей этого рыцарского объединения, даже когда духовная корпорация стала военизированной силой, являлась забота о неимущих, больных и раненых, что нашло отражение в Уставе воинов-врачей, автором которого традиционно считают первого великого магистра Ордена Раймонда де Пюи: третьим пунктом регламентировалось поведение братьев во время службы в церкви и приема больных, а 16-й пункт повествовал «О том, как должны быть приняты и обслужены больные Господа нашего».¹⁵¹ Стоит обратить внимание на хорошо известное латинское название этого рыцарско-духовного братства, *Ordo Hospitalis*, из которого при неоднократной, преимущественно, видимо, устной передаче, особенно людьми, не знавшими этого языка вообще или плохо владевшими им, вполне могли получиться два же, вызывающих удивление в контексте сообщения в «Летописце небесных знамений» слова — название никому не ведомого города «Тордор» и более чем странная дефиниция «гости», которая всего-навсего обозначала прибывших на развалины госпитальеров.

Следовательно, если учесть указанные выше особенности записи о бедствии на Мальте и попытаться дать им объяснение, то получается, что повлекшее человеческие жертвы землетрясение в Меллихи произошло после 1530 г., а это обстоятельство, в свою очередь, заставляет отказаться, помимо вышеизложенных палеографических наблюдений, от предложенной С. М. Шаминым обязательной приуроченности читающейся в тексте даты ко времени правления именно Максимилиана I (1508–1519 гг.) и поискать другие хронологические соответствия.

Как известно, обосновавшись на Мальте, госпитальеры не только занимались врачеванием, но и стали записывать сведения о всех наиболее значимых событиях в истории острова, в том числе и о землетрясениях. На основании этих, хранящихся ныне в Национальной библиотеке в Валетте документов исследователи выяснили, что после 1530 г. в течение всего XVI в. на Мальте произошли два землетрясения: более сильное 10 декабря 1542 г. в 15.15 по местному времени,

---

¹⁵⁰ Захаров А. В. Грамота Карла V от 24 марта 1530 г. Ордену св. Иоанна и присяга госпитальеров вице-королю Сицилийскому // Сборник РИО. Т. 9 (157). М., 2003. С. 62–68.

¹⁵¹ См.: Настенко И. А., Яшнев Ю. В. История Мальтийского ордена. Кн. 1. М., 2005. С. 298, 303. Укажем на недавно вышедший перевод важнейшего сочинения по истории этого ордена (*Верто Рене-Обер*. История мальтийских рыцарей. Т. 1–2. М., 2014), ознакомиться с которым нам не удалось.

и менее сильное утром 8 марта 1562 г.¹⁵² При обозначении этих дат по принятому в Русском государстве стилю «от Сотворения мира» читалось бы «7051» или «7070», соответственно. Следовательно, имеющаяся в «Летописце небесных знамений» дата «7059-го» никак не соответствует хронологии землетрясений, будь то 1542 или 1562 год. Видимо, действительно можно говорить о допущенной на той или иной стадии переписывания текста ошибке. В первом случае, если речь шла о землетрясении 1542 г., то допустимо следующее палеографическое объяснение: писец, правильно воспроизведя букву «н» («наш») — «50», затем принял небрежно написанную, в виде петли с длинным верхним концом букву «а» («аз»)¹⁵³ — «1» за «фиту» — «9», получив в результате искомое «7059» с правильным порядком расположения перепутанных букв, а не поменяв их еще и местами, как представлялось С. М. Шамину.

Несколько сложнее определить причины неправильного прочтения даты «7070», если дело касалось бури и землетрясения на Мальте в 1562 г. В обозначенном буквенной цифирью десятке лет — «о» («он») — «70» — при соответствующем «вытянутом» написании этой буквы также довольно легко можно было увидеть «ө» («фиту»), а в имеющемся над строкой знаке «титло», особенно при его «художественном» исполнении с подчеркнуто выписанным левым и правым окончаниями или слишком близком расположении к указывающей на тысячи букве «з» («земля»), при желании, большой фантазии или, наоборот, невнимательности можно было увидеть букву «н» («наш») — «50», что в результате так же дало бы искомое «7059».

Обратимся теперь к геофизическим характеристикам двух катаклизмов. С одной стороны, стереть с лица земли целый город так, чтобы получилось «место ровно», скорее, могло более мощное (магнитудой около 7 баллов) землетрясение 1542 г., попавшее, благодаря своей разрушительной силе на страницы сицилийских хроник XVI в.¹⁵⁴ С другой — время землетрясения 8 марта 1562 г. (утро) более соответствует записи в «Летописце небесных знамений» («в ту же ночь»), если предположить, что бедствие произошло до восхода солнца (в первой декаде марта на Мальте — несколько ранее 8 часов утра), но вряд ли может ассоциироваться с тремя часами пополудни землетрясения 10 декабря 1542 г.

В любом случае, читающуюся в дате ошибку, если таковая действительно была совершена, допустил, по всей вероятности, не писец

¹⁵² Galea P. Seismic history of the Maltese island... P. 729, 731.

¹⁵³ Образец такого написания буквы «а» см., например: Чекунова А. Е. Русское кириллическое письмо XI–XVIII вв. Учебное пособие. М., 2010. С. 43.

¹⁵⁴ Galea P. Seismic history of the Maltese island... P. 732.

«Летописца», а составитель антиграфа, которым этот человек пользовался. Доказательством служит отчетливо заметная на факсимильном воспроизведении листа страницы памятника такая палеографическая особенность, как дописанное в конце текста на правом поле листа, видимо, пропущенное слово «быти» (выделено курсивом): «тому подручнику моему Михаилу *быти* / в великой области царем». ¹⁵⁵ Следовательно, человек, написавший весь этот текст, видимо, сверял получившееся с антиграфом и, скорее всего, заметил бы не только пропуск слова, но и опisku в дате.

Не исключен, впрочем, и третий вариант: в сообщении «Летописца» дата стихийного бедствия в Меллихи указана совершенно правильно — 1550/51 г. — в пересчете на летоисчисление «от Рождества Христова». Вполне возможно, что и разрушившее город землетрясение произошло, как и записано, действительно ночью, а не в вынужденно предполагаемый предрассветный час, но по той или иной причине не попало в используемые исследователями записи госпитальеров, почему и остается до сего дня неучтенным.

К сожалению, выбрать точную дату землетрясения не дает возможности и упоминание в записи «Летописца» титула «Максимиян» — «король» или «царь», так как родившийся в 1527 г. будущий правитель Священной Римской империи ни в 1542 или в 1550/51 годах, ни даже в марте 1562 г. монарших титулов еще не имел: только в ноябре 1562 г. после коронационной церемонии во Франкфурте Максимилиан стал королем Германии и римским королем, а с 25 июля 1564 г. — императором Священной Римской империи германской нации. Иными словами, и это указание не позволяет точно датировать разрушение Меллихи и спасение госпитальерами младенца. Можно только заметить, что в 1542 г. самому Максимилиану было всего 15 лет, он воспитывался при дворе своего отца, императора Фердинанда I, и передача ему младенца в это время вряд ли могла состояться; в 1544 г. по приглашению дяди, Карла V, Максимилиан уехал в Испанию, в 1548 г. он женился на испанской инфанте Марии, в декабре 1550 г. вернулся в Германию, где в 1551 г. у них родился первый сын Фердинанд (дочь Анна, будущая Анна Австрийская, четвертая жена короля Филиппа II, родилась в 1549 г.), а в 1562 г. у этой четы

---

¹⁵⁵ Маркелов Г. В., Сиренов А. В. Летописец небесных знамений. Т. 1. Л. 232 об.; Т. 2. С. 197 (при археографическом воспроизведении текста соответствующий комментарий к этому слову отсутствует).

О дате составления памятника см., например: Сиренов А. В. Приписки на полях «Летописца о небесных явлениях» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции Москва, 14–16 апреля 2016 года. М., 2016. С. 458–460.

появился 12-й ребенок, сын Фридрих, проживший, впрочем, очень недолго. В любом случае, и в начале 1550-х, и в начале 1560-х годов необходимый штат надежной прислуги и воспитателей, на которых можно было бы возложить заботу о переданном младенце в окружении Максимилиана уже был.

Уточнить некоторые детали читающегося в «Летописце» сообщения помогает еще один памятник литературы, прошедший, наряду с некоторыми другими источниками и исследованиями, мимо внимания С. М. Шамина, и в нем также имеются сведения об извлеченном из тела умершей матери младенце, будущем «подручнике» Максимилиана Михаиле. Речь идет о так называемой «Повести о двух посольствах», произведении русской книжности, в основу которого были положены описания двух подлинных исторических событий: посольства Андрея Ищеина-Кузьминского в 1571 г. в Османскую империю и посольства князя Захария Ивановича Сугорского и дьяка Андрея Арцыбашева в Священную Римскую империю к императору Максимилиану II в 1576 г. З. И. Сугорский, А. Арцыбашев и сопровождавшие их лица отправились к императору Максимилиану II с ответной дипломатической миссией после приезда в Русское государство имперских послов Я. Кобенцеля и Д. Принца. 24 января 1576 г. они встретились в Можайске с царем Иваном IV, 26 января проходили переговоры, где обсуждались вопросы о поддержке русским царем кандидатуры сына императора Максимилиана II Эрнста на польский королевский престол при условии согласия правителя Священной Римской империи на вхождение Великого княжества Литовского и Ливонии в состав Русского государства и возможной совместной борьбы с Османской империей. 27 января на отпускной аудиенции послам было велено ехать в обратный путь — Я. Кобенцелю через литовские земли в Польское королевство, а Д. Принцу — через ливонские в «Цесарскую» землю.¹⁵⁶ Вместе с Д. Принцем отправи-

---

¹⁵⁶ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. С. 481–574 (далее — ПДС); об этих посольствах см., например: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821. С. 239–244; С. 156–163. Примеч. 439–442; *Вержбовский Ф.* Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Вып. 1. Варшава, 1898; *Лурье Я. С.* Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 г. // *ИЗ.* Т. 27. М., 1948. С. 291–300; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 44–45; *Бойцов М.* Различные взгляды на посольство Ивана IV к императору Максимилиану II в 1576 г. // *Средневековая Европа. Восток и Запад.* М., 2015. С. 327–364; *Ерусалимский К. Ю., Шварц И.* Миссия Ждана Квашнина в Священной Римской империи: к истории российско-имперских отношений XVI века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2018. № 1 (23). С. 71–99; *Бачинский А. А., Ерусалимский К. Ю., Козляков В. Н., Шварц И.* Проект раздела

лись и русские послы. Они прибыли в Регенсбург 7 июля 1576 г., 16 июля состоялась приемная аудиенция З. И. Сугорского и А. Арцыбашева у Максимилиана II, затем, в течение августа, дипломаты виделись с императором еще четыре раза, 1, 7, 27 и 28 числа, а 15 сентября прошла отпускная аудиенция.¹⁵⁷ Всего, таким образом, русская делегация прожила в непосредственной близости от двора Максимилиана II довольно долго, без малого два месяца, почти каждый день встречаясь с теми или иными представителями имперского двора.

Именно в рассказе о поездке кн. З. И. Сугорского и дьяка А. Арцыбашева в первой, по определению М. Д. Каган, редакции «Повести» читается рассказ императора Максимилиана II:

*Да едучи, сказал (Максимилиан II. — Л. Т.) притчу про своего подручника, про Михаила, что он мертвой матери сын. Было де в моей земле божие разгневание, в 59 году град погиб Мелхил именем, тому 26 лет. И пришла на него туча каменная и огонь, и гром. Пожгло град камень и полаты, не токмо полаты, но и подошву каменную за беззаконие. И став буря великая, и пришли волны морские, да и место града того помыло и песок рознесло. А тот град стоял на острове, и на том же острове город, а от того города тритцать веръст, именем Тордор. И в ту ночь было в том граде трясение великое от божия разгневания. И пришли ис того града Тордора гости на телегах к Мелхи-граду иже погиб, и место равно; развее нашли жену мертву в погребѣ, а у ней чрево терзаетца. И оне разрезали утробу и выняли из нее подручника моего младенца и привезли его ко мне. И аз его дал воспитати, и ныне стоит предо мною и пред вами, да некогда в великой области будет царь. *Тако же и у вас во царстве смятение будет, а после царя вашего рука будет высока и обладает всем и скончатца в век.*¹⁵⁸*

Сравнение текстов сообщения в «Летописце небесных знамений» и рассказа императора Максимилиана II из «Повести» показывает, с одной стороны, их очевидную близость, намекающую на общий для двух текстов протограф, а с другой — наличие некоторых разночтений; наиболее существенными из которых и сразу же бросающимися в глаза можно считать читающиеся в начале и в конце «Повести» две фразы (выделены курсивом), отсутствующие в «Летописце небесных знамений». Являются ли эти фрагменты дополнением изначальной записи или, может быть, ее сокращением?

Речи Посполитой между Россией и Священной Римской империей: краковский столбец начала 1576 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2 (26). С. 135–163.

¹⁵⁷ ПДС. Т. 1. 675–676, 681–682, 691–694, 700–701. Шесть приглашений русских послов во дворец отмечал М. А. Бойцов (*Бойцов М.* Различные взгляды на посольство Ивана IV... С. 183).

¹⁵⁸ *Каган М. Д.* «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955. С. 251–252 (текст опубликован по рукописи: БАН. № 4.7.16).

По нашему мнению, справедлив первый вариант: к сообщению о действительно обрушившемся на Мальту стихийном бедствии, проведенной госпитальерами операции и ее последствиях позднее, видимо, уже составителем «Повести»,¹⁵⁹ была добавлена его собственная оценка рассказа как «притчи» и толкование ее содержания в пророческом, благоприятном для судьбы Русского государства смысле. Такие назидательные вставки хорошо согласуются с отмеченной М. Д. Каган особенностью этого литературного произведения, где «достоверные сведения тесно переплетаются с вымыслом» и его общей публицистической направленностью — прославлением русских государей и завуалированных предсказаниях будущего государственного благополучия России после тяжелых событий Смутного времени.¹⁶⁰ А удобным поводом для такого намека-предвидения в анализируемом фрагменте послужило, как справедливо подчеркнула М. Д. Каган, совпадение имен «подручника» императора и будущего русского царя.¹⁶¹ Вряд ли кто-то, в том числе и сам автор «Повести», сомневался, что обстоятельства появления на свет Михаила Романова были несколько иными, чем описанные в рассказе; во всяком случае, мать русского царя, жена Федора Никитича Романова Ксения Ивановна (в девичестве — Шестова; в монашестве — старица Марфа) после рождения сына (12 июля 1596 г.) прожила еще довольно долго, скончавшись 26 января 1631 г. Такая противоположность описания проведенной госпитальерами операции русской действительности сама по себе, на наш взгляд, является доказательством позднейшего происхождения публицистически заостренной приписки о якобы сделанном Максимилианом II пророчестве. Кроме того, если бы эти слова читались в более раннем тексте, то составитель «Летописца небесных знамений», внимание которого было обращено именно на различные «чудесные» события, предвидения, предзнаменования и т. д., не преминул бы повторить пророчество в своем труде,¹⁶² чего он не сделал, то есть эта последняя фраза,

---

¹⁵⁹ М. Д. Каган предположительно датирует возникновение «легендарно-политической» «Повести» временем между 1612 и 1614 годами (*Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах»... С. 221*). В более поздней статье справочного характера сведения о датировке самого произведения отсутствуют, указывается только, что первая редакция памятника сохранилась в списках начала XVII в. и к этому же времени относятся ранние списки второй редакции (*Каган М. Д. Повесть о двух посольствах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 234–236*).

¹⁶⁰ *Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах»... С. 218, 226–231.*

¹⁶¹ Там же. С. 220–221.

¹⁶² Показательно, что в следующей после сообщения о бедствиях в Меллихе записи как раз говорится об одном из «чудесных» явлений — знамении от иконы Богородицы 27 ноября 1358 г. в Великом Новгороде (*Маркелов Г. В., Сиренов А. В. Летописец небесных знамений. Т. 1. Л. 232 об.; Т. 2. С. 197*).

Заметим попутно, что окончание «мальтийского» сообщения на л. 232 об. и тексты на л. 232 об. и 233 (палеографическое сравнение других листов рукописи в нашу

как, видимо, и первая, являются, по всей вероятности, позднейшими приписками. Следовательно, допустимо говорить о первичности текста в «Летописце небесных знамений» и вторичности — в «Повести».

Вместе с тем, в этих двух текстах есть еще четыре, на первый взгляд, более мелких различия (в цитате подчеркнуты). Обратим внимание на три, разрывающие текст сообщения, как оно читается в «Летописце небесных знамений», но дополняющие его по содержанию вставки в «Повести». Прежде всего, весьма важным для понимания текста являются отсутствующий в первом из произведений фрагмент «и пришли волны морские», помещенные между словами «и став буря великая» и «да и место града того помыло и песок разнесло». Действительно, без такого уточнения описание последствий для Меллихи, видимо, сильнейшего шторма остаются непонятными. Можно полагать, что писец текста из «Летописца небесных знамений» при переписывании своего антиграфа совершил гаплографическую ошибку, пропустив или целую строку, если предположить, что слова «и став...» — «и пришли...» начинали соответствующие строки, или несколько слов после союзов «и» в одной строке, а в общем для обеих записей протографе эти слова читались.

Наоборот, следующее имеющееся в «Повести» уточнение «в том граде» при рассказе о землетрясении представляется явно неудачным, так как, в этом случае, по контексту получается, что стихийное бедствие случилось в городе «Тордор», а отнюдь не в Меллихи. Можно поэтому думать, что указанные слова вставил сам автор «Повести», желая сделать текст более понятным, но не заметив при этом допущенного явного логического несоответствия: если землетрясение случилось «в том граде» Тордоре, то каким образом именно из него к «Мелхи-граду», который, кстати, тоже был разрушен, могли прийти «гости»?

задачу не входит, подробнее см.: *Сиренов А. В.* Кодикологические особенности «Летописца о небесных явлениях» // Сборник в честь В. К. Зиборова. Опыты по источниковедению. Вып. 5. СПб., 2017. С. 251–275) написаны, как представляется, двумя разными людьми. В этой связи хочется обратить внимание на ремарку Л. В. Сазоновой в рецензии на публикацию «Летописца небесных знамений», относящуюся к палеографии рукописи: «В отличие от высказанного ранее в научной литературе предположения о наличии в сборнике более 40 почерков, исследователи (Г. И. Маркелов и А. В. Сиренов. — *Л. Т.*) доказывают, что изучаемая рукопись написана одной рукой мастера-книжника. Факсимильное издание предоставляет читателю возможность удостовериться в правомерности приведенного суждения» (*Сазонова Л. И.* Летописец небесных знамений. С. 357). На наш взгляд, в последней фразе цитаты содержится завуалированное сомнение рецензента в справедливости суждений археографов, которое мы, по крайней мере, в отношении двух указанных страницы, вполне разделяем.

Нет однозначного ответа на вопрос о месте и времени появления дополнения «а у ней чрево терзаетца» при рассказе об извлечении младенца. С одной стороны, из текста записи в «Летописце небесных знамений» без подобного разъяснения действительно не вполне понятно, почему операцию «кесарева сечения» госпитальеры решили сделать именно этой женщине. Однако палеографические основания, если речь не идет о простой невнимательности, подобного пропуска весьма важного фрагмента текста остаются неясными, так как говорить в данном случае о возможности гаплографической ошибки как будто не приходится. С другой стороны, человек, написавший «Повесть» предположительно в момент еще не закончившейся Смуты, за прошедшие тяжелые, повлекшие смерть многих людей разного пола годы, мог при тех или иных обстоятельствах сам видеть таких, недавно умерших женщин, физическое состояние которых свидетельствовало об остававшихся в их телах все еще жизнеспособных младенцах. Отсюда и его собственное, дополнившее рассказ замечание. Однако, в таком случае, появляется не находящийся в настоящее время ответа вопрос: если русскому человеку были хорошо знакомы подобные симптомы, то, может быть, он имел представление и о последующих необходимых действиях, иными словами, проводились ли в Русском государстве операции, подобные осуществленной госпитальерами в Меллихи?

И, наконец, хронологическое уточнение к дате гибели города «Мелхил»¹⁶³ в «59-м» году. Очевидно, что и в «Повести» был указан тот же «7059-й» год, что и в «Летописце небесных знамений», пусть и в сокращенном виде. Следовательно, ошибочная, скорее всего, дата читалась в общем для обоих текстов протографе, так как возводить эти

---

¹⁶³ М. Д. Каган, говоря о разрушенном землетрясением «городе Мелхил» делает примечание, что речь идет о городе Митилена, но не указывает источник своих сведений (*Каган М. Д.* «Повесть о двух посольствах»... С. 221 и примеч. 1). Вряд ли такое отождествление справедливо. Подконтрольный некогда генуезской торговой семье Гаттилузио и находящийся на острове Лесбос город Митилини (Митилена) через несколько лет после падения Константинополя, в сентябре 1462 г., был захвачен войсками султана Мехмеда II и несмотря на попытки христианских войск отвоевать этот населенный пункт, в частности, во время Первой турецко-венецианской войны 1464 г., на протяжении 540 лет входил в состав Османской империи. Конечно, Лесбос, как практически все острова Эгейского моря является зоной повышенной сейсмической активности, однако сведений о произошедшем там во второй трети XVI в. землетрясении, как и о проживании там в это время госпитальеров не имеется, кроме того, палеографически и этимологически довольно трудно представить превращение «Митилены» в «Мелхил», и наконец, совсем уж трудно предположить столь тесные связи местных жителей с императором Максимилианом II в условиях весьма напряженных отношений между двумя империями — Священной Римской и Османской.

рассказы друг к другу нет, по нашему мнению, оснований. В таком случае, если к «7059-му» году прибавить 26 лет, то мы получим «7085-й» год, или при переводе даты на летоисчисление «от Рождества Христова» 1576/77 г. Получается, что автор «Повести», приняв как данность указание на год землетрясения, попытался таким дополнением соотнести дату этого события с временем якобы рассказанной Максимилианом II русским послам «притчи», имея в виду приезд и пребывание З. И. Сугорского и А. Арцыбашева в Регенсбурге в середине июля — августе 1576 г. или их отъезд оттуда в середине сентября этого года и возвращение в Москву 22 января 1577 г. Следовательно, допустимо, вслед за М. Д. Каган, полагать, что человек, подготовивший «Повесть», действительно тем или иным образом был связан с делопроизводственными документами Посольского приказа, чтобы, по меньшей мере, знать относящиеся к поездке этих дипломатов даты, с одной стороны, а с другой — видеть в этом уточнении авторскую ремарку, свойственную только «Повести».

Таким образом, все, возможно, чрезмерно затянувшееся отступление об особенностях формы и содержания читающихся в «Летописце небесных знамений» и «Повести о двух посольствах» текстов о землетрясении в городе Меллихи и последующих событиях предназначено для доказательства того факта, что источником сведений в обоих случаях послужил некий устный, скорее всего, затем переведенный рассказ, услышанный русскими послами в Регенсбурге или его окрестностях в период с 17 июля по 15 сентября 1576 г. Поделится ли собственными воспоминаниями сам Максимилиан II во время все-таки состоявшейся совместной поездки по винодельческим угодьям или об этих событиях З. И. Сугорский и А. Арцыбашев слышали от некоего третьего лица, бывшего когда-то свидетелем передачи младенца будущему императору, знавшего о распоряжении Максимилиана отдать Михаила на воспитание и о сказанных при этом словах, однозначно определить трудно. Тем не менее, указанная выше хронология свидетельствует, что из чьих бы уст ни исходило повествование, о каких бы предшествующих событиях ни шла речь, «Максимиян», безусловно, являлся императором («королем», «царем» в русском переводе). Следовательно, обращать внимание, подобно С. М. Шамину, на этот титул как на один из возможных датирующих признаков сообщения «Летописца небесных знамений» не приходится.

В опубликованном статейном списке сведений о каких-либо путешествиях русских послов вместе с императором нет,¹⁶⁴ З. И. Сугорский и А. Арцыбашев все шесть раз приезжали в посланных за ними

---

¹⁶⁴ ПДС. Т. 1. С. 675–707.

колымагах на двор непосредственно в Регенсбурге, а после 28 августа, когда вечером к ним пришел пристав Иван Шенборк и сказал о приключившейся с Максимилианом II тяжелой болезни,¹⁶⁵ от которой правитель Священной Римской империи 12 октября этого же года скончался, такие поездки стали, видимо, вообще невозможны. Кроме того, как следует из этого же статейного списка, двусторонние, вполне дружеские, но непродолжительные встречи приехавших из России дипломатов и императора носили сугубо деловой характер. Вместе с тем можно отметить два случая контактов членов русской делегации с «имперскими» людьми в не столь официальной обстановке. В первый раз приехавшие вместе с кн. З. И. Сугорским и дьяком А. Арцыбашевым «государевы дворяне» Третьяк Дмитриевич Зубатой и Мамлей Иванович Ильин, которых М. А. Бойцов совершенно справедливо, на наш взгляд, определил как урожденных немцев, помещиков из перешедшего в 1558 г. на некоторое время под власть Ивана IV Юрьева (Дорпата, Дерпта), к 1576 г. еще не обратившихся в православие,¹⁶⁶ были приглашены 22 июля 1576 г. на церковную службу в католический костел, где присутствовали не только Максимилиан II, но и его брат Фердинанд, императрица Мария Испанская с принцессами и многие придворные.¹⁶⁷ После окончания службы Т. Зубатой и М. Ильин «пошли с костела к себе на подворье, а с ними шли до подворья пристав Индрик Граф да Вецлав Гришан да Даниель Принц»,¹⁶⁸ от одного из которых они и могли услышать занимательную историю. Сведения о второй неофициальной поездке находятся в найденном Я. С. Лурье несколько десятилетий назад, но не опубликованном до сего дня гораздо более подробном описании пребывания русских послов в Регенсбурге, чем в их статейном списке.¹⁶⁹ В этом документе, в частности, описывается поездка обоих послов, З. И. Сугорского и А. Арцыбашева, и «дворян», то есть Т. Д. Зубатого и М. И. Ильина, в некий католический монастырь, который М. А. Бойцов определяет как «знаменитое регенсбургское аббатство св. Эммерама», где состоялся не только прием, но и пир с последующим обменом небольшими подарками.¹⁷⁰ Нет ничего удивительного, если бы члены русской делегации, для двоих из которых немецкий язык был родным, услышали

¹⁶⁵ ПДС. Т. 1. С. 696.

¹⁶⁶ *Бойцов М. А.* Различные взгляды на посольство Ивана IV... С. 335–337.

¹⁶⁷ ПДС. Т. 1. С. 679–681; *Бойцов М. А.* Различные взгляды на посольство Ивана IV... С. 337–339.

¹⁶⁸ ПДС. Т. 1. С. 681.

¹⁶⁹ *Лурье Я. С.* Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева... С. 291–300.

¹⁷⁰ Там же. С. 295, примеч. 18; *Бойцов М. А.* Различные взгляды на посольство Ивана IV... С. 348–349.

рассказ о благочестивом поступке Максимилиана из уст если не самого «игумена Абросима» — аббата монастыря с 1575 г. Амбросия Майрхофера,¹⁷¹ то кого-то из монахов, причем рассказчик описал не только все обстоятельства разрушения Меллихи и спасения младенца, но и привел заключающие это сообщение в «Летописце небесных знамений» слова Максимилиана. К сожалению, ни Я. С. Лурье, ни использовавший гораздо более широко описание пребывания русских послов в Регенсбурге М. А. Бойцов,¹⁷² отметивший плохое на сегодняшний день физическое состояние рукописи,¹⁷³ не отметили, имелся ли там рассказ о землетрясении в Меллихи и проведенной госпитальерами операции, как, равным образом, не сопоставили этот текст с текстами «Повести о двух посольствах» и «Летописца небесных знамений», поэтому вопрос об источниках сведений членов русского посольства требует дальнейшего изучения, а высказанные выше предположения впоследствии могут оказаться ошибочными.

В любом случае, этот, очевидно, устный рассказ был в непродолжительном времени записан кем-то из членов русского посольства. Таким писцом мог быть специально занимавшийся посольской документацией человек, подьячий Афанасий (Офоня) — Афанасий Михайлович Монастырев, который на известной гравюре с изображением московского посольства идет следом за З. И. Сугорским, А. Арцыбашевым, Т. Д. Зубатым и М. И. Ильиным и несет руках грамоту Ивана IV.¹⁷⁴ Однако, исходя из отмеченной выше стилистики записи, более близкой книжным текстам, а не делопроизводственной документации, этого писца можно видеть и во входившем в состав посольства священнике Лаврентии, которому 15 сентября 1576 г. после отпускной аудиенции от имени императора Максимилиана были пожалованы «постав мухояру черного да тритцать золотых белых».¹⁷⁵ К сожалению, каких-либо других сведений об этом лице нет, тем не менее, допустимо думать, что именно он мог заинтересоваться исходившим от представителей духовенства, пусть и принадлежавших к несколько иному направлению в христианстве, повествованием о воспринимаемом как божье наказание природном бедствии и, возможно, выглядевшем в его глазах действительно чудесным спасением младенца. Как бы то ни было, этот рассказ в передаче юрьевских ли

¹⁷¹ См.: *Бойцов М. А.* Различные взгляды на посольство Ивана IV... С. 348–349.

¹⁷² Там же. С. 344–351.

¹⁷³ Там же. С. 345.

¹⁷⁴ Подробнее см.: Там же С. 332 и примеч. 11.

¹⁷⁵ ПДС. Т. 1. С. 703; *Бойцов М. А.* Различные взгляды на посольство Ивана IV... С. 332–333.

немцев, того же владевшего русским разговорным языком Даниеля Принца¹⁷⁶ или входившего в состав посольства толмача Петра Криволицкого,¹⁷⁷ не исключено, и какого-то другого лица, был записан наспех и достаточно небрежно (может быть, неразборчиво), что впоследствии при переписывании связанных с этой поездкой документов после возвращения посольства в Москву в январе 1577 г. набело и привело к ошибочному прочтению даты. Допустим и другой вариант: год катаклизма был указан совершенно точно — 1550/51 г., что лучше всего соответствует возможному возрасту дважды фигурировавшего в «Повести», некогда спасенного подручника¹⁷⁸ императора Максимилиана II Михаила¹⁷⁹ — 26–27 лет (при землетрясении в 1542 г. — 34 года, 1662 г. — 14 лет). Возможно, дальнейшее изучение окружения Максимилиана II другими исследователями позволит более точно определить положение при имперском дворе этого человека, а заодно, и пополнить перечень случившихся на Мальте стихийных бедствий. Как бы там ни было, через несколько десятилетий этот письменный текст, возможный протограф, попал в руки составителя «Летописца небесных знамений»¹⁸⁰ и автора «Повести о двух посольствах». В первом случае текст сообщения был передан достаточно точно, за исключением одной или двух гаплографических ошибок или случайных пропусков, а во втором имевший возможность ознакомиться с документами Посольского приказа человек, руководствуясь, видимо, не вполне пока понятными соображениями, решил в своих целях воспроизвести этот текст как исходящую из уст самого императора Максимилиана II «притчу» и добавить ободряюще-пророческое окончание.

Возвращаясь же к книге С. М. Шамина, отметим, что далее, после пересказа работы А. И. Алексеева о землетрясении 1509 г. в Царьграде (С. 42), несколько нарушающем общий хронологический принцип повествования о таких видах стихийных бедствий, сразу же следует отстоящее более чем на полтора столетия описание извержения вулкана Этна и последовавшего затем землетрясения на Сицилии 8 марта 1669 г. (№ 8). Этот фрагмент главы в виде двух небольших

---

¹⁷⁶ Так, во время переговоров русских послов с «думниками» императора Максимилиана II 11 августа 1576 г. «толмачил» Д. Принц (ПДС. Т. 1. С. 687).

¹⁷⁷ *Бойцов М. А.* Различные взгляды на посольство Ивана IV... С. 333.

¹⁷⁸ «Подручник» — подчиненный, подвластный, поданный; тот, кому поручено что-либо, помощник (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 52).

¹⁷⁹ *Каган М. Д.* «Повесть о двух посольствах»... С. 250, 251.

¹⁸⁰ А. В. Сиренов полагает, что им мог быть некий местный казанский иконописец, готовивший нечто вроде «семейного летописца» (см., например: *Сиренов А. В.* Приписки на полях «Летописца о небесных явлениях». С. 458, 460).

цитат¹⁸¹ и пересказа текста источника сопровождается только ссылкой на соответствующую, весьма объемную, единицу хранения с указанием листов — РНБ. F.XVII.21. Л. 875–876 об. (С. 43–44 и примеч. 30). Однако никакого описания памятника, определения, пусть гипотетического и с использованием соответствующей литературы, составителя рукописи, выяснения путей попадания туда таких сведений, кроме читающегося непосредственно на л. 875 указания, что это «писание» на языке оригинала принадлежало перу епископа расположенного близ Этны города Катании (С. 43), читатель книги 2020 г., как и статьи 2016 г., не найдет.

Еще большее удивление вызывает следующий далее рассказ о землетрясении на Сицилии и извержении Этны в 1693 г. (№ 9), где, точно так же, как и в статье 2016 г.,¹⁸² вообще нет ссылок на источник повествования, хотя и отмечается, что «...перед нами не просто описание события, а литературное произведение», написанное неким памфлетистом (С. 45, 46).

Два последних небольших абзаца первой части первой главы С. М. Шамин посвящает недатированному описанию извержения вулкана Этна (№ 10) и извержению Везувия в 1694 или 1698 году (№ 11). Первое из этих сообщений с рассказом о бесах, которые на приставших к берегам «Секилийского» острова судах режут корабельные канаты, если к ним не привязаны кресты и «многую людям тем чинят пакость» (С. 46), имеет, на наш взгляд, откровенно мифологический характер, аккумулируя самые общие, субъективно интерпретированные сведения о находящемся на Сицилии вулкане, второе же, видимо, рассказывает о действительно имевшем место событии — извержении Везувия в середине или второй половине 1690-х годов. Заключающиеся в обоих абзацах сведения позаимствованы С. М. Шаминым из работ предшественников. Однако, если находящаяся в Национальной библиотеке Узбекистана рукопись с текстом о Везувии в настоящее время действительно труднодоступна, и здесь нельзя не признать резонными объяснения автора книги, почему ему пришлось довольствоваться сделанным Д. К. Уо описанием памятника (С. 46 и примеч. 32), то большая, целиком позаимствованная у А. И. Соболевского цитата про Сицилию и бесов (С. 46 и примеч. 31) содержится в довольно хорошо известной в литературе,¹⁸³ хранящейся в С.-Пе-

---

¹⁸¹ Удивляет неточность передачи не такого уж пространного, включающего всего три строки текста об извержении Этны (С. 44): «спущающего» и «скидающего» вместо «испущающего» и «искидающего», не «падающего» пламени, а «попядающего» пламени, «и камней» — «и каменей» (РНБ. F.XVII. Л. 875).

¹⁸² Шамин С. М. «И в ту же ночь было трясение великое...»... С. 148.

¹⁸³ См., например: Федорова И. В. 1) «Путешествие в Святую Землю и Египет» князя Николая Радзивилла и восточнославянская паломническая литература XVII —

тербурге в Российской Национальной библиотеке рукописи — Собрание М. П. Погодина № 1570, обращение к которой не представляет особых затруднений. Почему же автор новейшего сочинения опять ограничился, мы вынуждены повторить это уже не в первый раз, простой перепечаткой этих абзацев из статьи 2016 г.,¹⁸⁴ не посчитав нужным предпринять хоть какие-то исследовательские усилия при подготовке новой книги?

Завершая разбор представленных С. М. Шаминым 11 сообщений о землетрясениях и извержениях вулканов, читающихся в различного рода рукописных сборниках, обратим внимание на наиболее важное.

Очевидно намерение автора при выявлении источников таких сведений показать, что большинство из них непосредственно заимствовались из тех или иных опубликованных информационных иноязычных текстов. Впрямую об этом не говорится, но замечание С. М. Шамина при характеристике источников «Летописца небесных знамений» о том, что «иностранные тексты легко пересекали русскую границу и успешно инкорпорировались в русскую книжную традицию», вкуче с неоднократным упоминанием в тексте книги переводных сообщений о землетрясениях вполне определенно свидетельствует о таких намерениях, однако никаких выводов из представленных в этой части первой главы материалов сделано не было. Попытаемся восполнить этот пробел.

Непредвзятый анализ девяти из представленных С. М. Шаминым сообщений¹⁸⁵ показывает, что большинство из них (№ 2, 3, 5–7), при всем желании автора новейшего сочинения указать хоть на какое-то влияние европейских информационных текстов, будь то повествование о землетрясении в «Шемъбории» и «Салониках» (№ 7) или в городе Меллиха на Мальте (№ 3), никакого отношения к ним не имеет. То же самое можно сказать и об опубликованном А. И. Алексеевым «Сказании о трясении Цареградском» (№ 4), в отношении источников которого сам С. М. Шамин, постоянно пользуясь выражающими степень уверенности/неуверенности вводными словами и словосочетаниями «возможно», «скорее всего», вынужден констатировать, что этот памятник является не переводом, а переработкой некоего европейского сочинения, правда, совершенно непонятно, какого именно.

начала XVIII в. Исследование и текст. СПб., 2014. С. 125, примеч. 200; 2) Варвара Павловна Адрианова-Перетц как исследователь древнерусских «хождений» (К 40-летию со дня смерти) // ТОДРЛ. Т. 62. СПб., 2014. С. 424–425.

¹⁸⁴ Шамин С. М. «И в ту же ночь было трясение великое...»... С. 149.

¹⁸⁵ Непонятно откуда заимствованный рассказ № 9 об извержении Этны в 1693 г. и рассказ № 10 о перерезавших причальные канаты морских кораблей бесах, вряд ли отражающий хоть какое-то реальное событие, попавшее в информационный листок, учитываться не будут.

Не удастся определенно связать с переводом конкретного опубликованного итальянского сообщения «*Questa lettera del crudele malanno e successo del terremoto avvenuto nel paese la mezzanotte, vigilia di S. Nicolao, anno domini 1456, fu spedita al reverend Cardinal Colonna dal regno Sicilia e di Napoli*» с рассказом о землетрясении в Италии 1456 г. в «Послании Феофила Дедеркина на Москву великому князю Василью Васильевичу...», читающемся в одном из сборников монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. Работавшие с этим источником Н. А. Казакова и Т. А. Матасова указывали только на *возможность* связи исходившего от имени Феофила Дедеркина текста с письмом кардиналу Колонна и подчеркивали необходимость проведения дальнейших исследований.¹⁸⁶ Со своей стороны, заметим, что различное обозначение опорных дат при определении времени землетрясения в двух указанных источниках — «в полночь, накануне св. Николая», то есть накануне 6 декабря 1456 г. (письмо римскому кардиналу) и «месяца декавриа в 4 день на святых Варвары день» (РНБ. Кирилло-Белозерское собрание. № 9/1086. Л. 516 об.; «Послание Феофила Дедеркина...») — также не позволяет напрямую возводить один текст к другому, несмотря на то, что в обоих случаях речь идет об одном и том же событии.

Единственное же сообщение, которое с большой долей вероятности можно возвести к тому или иному «европейскому информационному тексту малых форм», — это рассказ об извержении Везувия в 1694 или в 1698 г. (№ 11). Записавший эти сведения в составлявшуюся им рукопись дьячок вятского Богоявленского собора, городской бурмистр Семен Федорович Попов по своей должности имел доступ к доставлявшимся в Вятку «Вестям-Курантам», а затем Ведомостям, откуда он и мог позаимствовать интересующие его материалы.¹⁸⁷ По не вполне понятной причине С. М. Шамин не только не указал на возможность такой непосредственной связи записи в сборнике-конвolute № Пи 9250 с соответствующими сведениями в «Вестях-Курантах», но и не обратился к хранящимся в РГАДА переводам статей за это время,¹⁸⁸ чтобы проверить наличие или убедиться в отсут-

---

¹⁸⁶ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности... С. 162 и примеч. 276, 278; Матасова Т. А. Складывание итальянского направления политики московских князей в XV в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2010. № 1. С. 30. О еще одном послании Феофила Дедеркина см. новейшую статью: Корогодина М. В., Сергеев А. Г., Сиринов А. В. Послание об Антихристе Феофила Дедеркина // ВАА. Вып. 42. М.; СПб., 2023. С. 3–22.

¹⁸⁷ Подробнее см.: Уо Д. К. История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003. С. 223–240.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 155. Иностранные ведомости (куранты) и газеты. Оп. 1. 1694 г. № 1–11; 1698 г. № 1–16.

вии такого сообщения. В целом же, можно сказать, что сведения о происходивших в различных частях Западной Европы землетрясениях действительно время от времени попадали в некоторые рукописные сборники, но связывать появление таких сообщений в памятниках русской книжности именно с «европейскими информационными текстами малых форм» достаточных оснований не имеется.

Второй раздел первой главы начинается вводящим ожидающих узнать что-то новое читателей в заблуждение заголовком «Природные катастрофы в приказных документах», так как на самом деле ни о каких других «катастрофах», как все те же землетрясения и извержения вулканов в разделе не говорится, а его текст является воспроизведением заключительной же части статьи 2016 г.¹⁸⁹ Более того, механическое воспроизведение «старого» текста привело к тому, что указанные в примечаниях 49 и 51 (С. 49) «приказные документы» — переводы с «цесарских и галанских печатных курантов» в промежуток времени между 2016 и 2020 годами были уже опубликованы в подготовленном при участии того же С. М. Шамина издании,¹⁹⁰ однако никаких исправлений или добавлений в уже устаревшую к моменту выхода книги ссылку внесено не было. Впрочем, нет худа без добра, и читатель при идентичности двух текстов об этих геофизических бедствиях может обращаться к любому из двух указанных и наиболее доступных ему изданий, не обременяя себя совершенно ненужными заботами о необходимости проследить развитие авторской исследовательской мысли на протяжении лет, разделивших статью и книгу.

Что же касается изложения конкретных событий в этом разделе первой главы, то С. М. Шамин указывает на землетрясения в «Норсесской земле» 1600 г., в окрестностях Вены в 1620 г., на Барбадосе в 1650 г., в Италии в 1652 г., в Турции (в районах Константинополя и Анкары), Персии, окрестностях Вены в 1668 г., извержение Этны в 1669 г., землетрясения в Страсбурге в 1669 г., Гамбурге, Пярну (Пернау) и Регенсбурге в 1670 г., в Волошской земле и испанском Кадисе в 1671 г., на острове Хиос, в Патрах и в Фессалонике в 1677 г., в Шотландии в 1680 г., Львове, Теревовле и Костышеве и Кандии в 1681 г., в Яссах в 1682 г., в Венеции в 1683 и 1695 годах, Константинополе в 1687 и 1697 годах, Венеции и Неаполе в 1688 г., Порт-Рояле в 1692 г., Неаполе в 1694 г. (С. 47–51). К такому, надо признать, весьма пространному перечню, надо добавить два пропущенных автором книги свидетельства о природных катастрофах: а) не упомянуто сообщение из Неаполя от 1 апреля 1671 г. об извержении Везувия — «от горы Визувииуса

¹⁸⁹ Шамин С. М. «И в ту же ночь было трясение великое...»... С. 149–153.

¹⁹⁰ ВК VII. С. 92, 99, 104.

паки учал огонь изходити и тем многие мглы и пепел исходит»;¹⁹¹ б) отметив землетрясения в Константинополе, Анкаре и их окрестностях по сообщениям из Вены и Амстердама от 9 и 23 ноября 1668 г., соответственно (С. 47–48), С. М. Шамин не обратил внимания на хронологически близкое известие из Венеции от 1 декабря остающегося загадочным года¹⁹² о «великом колебании земли» в Далмации.¹⁹³

¹⁹¹ ВК VII. С. 115.

¹⁹² В издании это сообщение из Венеции от 1 декабря без указания года входит в довольно большую, по мнению публикаторов, подборку сведений с 1 по 24 декабря и за 5 января также остающихся неизвестными годов, которая была датирована археографами как «1 декабря [1667 г.] — 5 января [1668 г.]» (ВК VI-1. С. 333. № 128), что как будто намекает на 1 декабря 1667 г. Однако вся подборка сообщений под этим номером помещена между опять же не датированными в столбце сведениями за «8–24 ноября [1668 г.]» (ВК VI-1. С. 332. № 127) и «7–23 декабря 1668 г.» (ВК VI-1. С. 337. № 129), то есть по принятому в издании хронологическому принципу расположения материалов подразумевается 1668 г. В комментариях же к оригиналу иноязычного текста сообщения, правда, не из Венеции, а из Мадрида от 2 декабря И. Майер, исходя из того, что оригинал содержащей это сообщение гарлемской газеты датируется 1666 г., написала об «ошибочном помещении единиц издания 128, 130–131 среди курантов 1668–1669 гг.» (ВК VI-2. С. 539) со ссылкой на подготовленную С. М. Шаминым и опубликованную в первой части этого тома «Вестей-Курантов» таблицу 8. А в таблице № 8 («Датировка единиц издания») в отношении № 128 в графе «Крайние даты входящих в состав единицы микротекстов» указано «1.12.1666–5.01.1667» (ВК VI-1. С. 49), то есть приуроченное ко 2 декабря 1666 г. мадридское сообщение было заодно распространено и на датирующиеся днем ранее сведения из Венеции; та же мысль повторилась в сделанном С. М. Шаминым предельно кратком описании столбца (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. № 10. Л. 1–395): «...сводки под № 128, 130, 131, 64, как свидетельствует их содержание и найденные оригиналы, были составлены в конце 1666 — начале 1667 г.» (ВК VI-1. С. 28). Любопытно то обстоятельство, что в «сводке под № 128», помимо переводов сообщений из Мадрида от 2 декабря, Вены 11 декабря и Парижа 17 декабря, оригиналы которых находятся, по мнению И. Майер, в одной и той же гарлемской газете за 1666 г., содержится еще 13 переводов пришедших из различных, от Лондона до Гданьска, городов, иноязычные первоисточники которых не найдены. Можно ли на этом основании утверждать, что все они происходят из западноевропейских, голландских или немецких газет именно за этот год? На наш взгляд, оснований для такого утверждения, без проведения тщательного источниковедческого изучения всего столбца нет, а такого исследования, за исключением занимающего одну страницу сделанного С. М. Шаминым описания с невнятной, мало что объясняющей фразой, что «разбиравшие дела Посольского приказа подьячие разместили их в случайном порядке» (ВК VI-1. С. 28), предпринято не было. Существеннее, все же другое: непонятно, как в такой ситуации поступать читателю, который, заинтересовавшись каким-то, вполне определенным известием в «сводке № 128», захочет просто обозначить год указанного там в большинстве случаев месяца декабря.

Попутно заметим, что еще большее недоумение вызывает никем не оспоренная датировка оригиналов «сводки № 129», помещенная перед основным текстом и выделенная курсивом в знак того, что хронология была установлена археографами, — «7–23 декабря 1668 г.» (ВК VI-1. С. 337), так как далее в самом тексте читается:

На основании этого, правда, с двумя пропущенными сообщениями, перечня землетрясений и извержений вулканов С. М. Шамин высказывает несколько суждений более общего плана, с которыми не всегда можно согласиться. Прежде всего, отмечая 30-летний разрыв в сообщениях о землетрясениях в 1620-х — 1650-х годах и подчеркивая, что упоминание о бедствии на Барбадосе «выглядит случайным», автор далее пишет: «Устойчивый интерес к теме возник в связи с реально усилившейся в 1668 г. сейсмической активностью» (С. 47). Действительно, период конца 1660-х — начала 1670-х годов характеризовался подземными толчками и колебаниями земной поверхности на огромной территории от Средиземного до Северного и Балтийского морей, что не могло не найти отражения в иноязычных западноевропейских летучих листках и, соответственно, в их русских переводах. Однако уверенно говорить о больших перерывах в такого рода сведениях в более ранний период из-за отсутствия «устойчивого интереса» или отмечать «случайность» этих данных можно было бы при учете ряда факторов. Во-первых, для периода первой половины — середины XVII в. С. М. Шамин ограничивается, без обращения к архивным документам, только опубликованными источниками — известными томами «Вестей-Курантов», не желая сам обращать внимания на то обстоятельство и не уведомляя читателей, что в это издание вошли отнюдь не все хранящиеся в РГАДА подборки переводов, а в избранные для печати комплексы археографы точно так же включили не все имевшиеся в архивных подлинниках тексты, ограничившись собственными субъективными представлениями о важности тех или иных сообщений.¹⁹⁴ Понятно, что такой подход как публикаторов, так и пользовавшегося их трудами, а иногда и участвовавшего в них С. М. Шамина может привести к фрагментарности учтенных сведений о землетрясениях и извержениях вулканов и невозможности делать на основе очевидно неполных данных те или иные обобщения.¹⁹⁵ Во-вторых,

---

«Перевод с немецких печатных курантов, что снесены в Посолской приказ ис Приказу тайных дел в нынешнем во 176-м году генваря в 1 день», то есть 11 января 1668 г. Каким (может быть, «чудесным»?) образом в приказе Тайных дел сумели получить немецкие газеты почти за год до их выхода, остается только гадать.

¹⁹³ ВК VI-1. С. 334.

¹⁹⁴ Приведем только один пример: в последнем на сегодняшний день томе «Вестей-Курантов» из хранящегося в РГАДА комплекса материалов на 253 листах (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. № 7) за рамками публикации остались документы на 132 листах, что составляет более половины (52%) всего столбца (ВК VII. С. 15–21).

¹⁹⁵ Замечательное доказательство отрывочности имеющихся в опубликованных переводах сведений о землетрясениях и извержениях вулканов, а, допустимо полагать, и о других природных явлениях, есть непосредственно в книге С. М. Шамина: за период 1677–1697 годов, когда ее автор вынужденно, из-за отсутствия публикаций

если при просмотре всех сохранившихся за первую половину-середину XVII в. русских переводов сообщений об этих природных катаклизмах там действительно нет, то говорить об отсутствии интереса со стороны русской воспринимающей стороны, кем бы в данном случае она ни была представлена, к таким описаниям стоит с большой осторожностью. Сначала было бы неплохо определить количество происшедших в этот период более или менее сильных землетрясений, которых, возможно, было в действительности не так уж и много, затем проследить частоту появления подобных рассказов в первоисточниках, «европейских информационных текстах малых форм». Не исключено, что редкость упоминания землетрясений в русских переводах объясняется простым отсутствием таких сведений в иноязычных оригиналах, что могло быть связано как с необычностью самих событий, так и с относительно небольшим количеством и нерегулярностью попадания в Россию в первой половине XVII в. таких листков. Без выяснения всех этих вопросов рассуждения автора книги выглядят малообоснованными.

Кроме того, весьма странным представляется вывод о причине исчезновения сведений о землетрясениях из русских переводов в промежуток между 1671 и 1677 годами, когда, после рассказа о «земном трясении» и буре в Кадисе в 1671 г. с указанием, что это известие «не подлинно», «череда „сейсмических“ известий прервалась» до 1677 г. — до двух сообщений о землетрясении из Венеции. «Очевидно, — пишет С. М. Шамин, — что переводчикам надоело разыскивать упоминания о землетрясениях в газетах, и они выбрали удачный для завершения темы материал» (С. 49). С таким суждением вряд ли можно согласиться: почему именно в течение этих пяти недолгих лет проявилась столь странная, односторонняя избирательность сотрудников Посольского приказа в отношении только одного рода сведений? что могло способствовать возобновлению этого интереса именно в 1677 г.? уход А. С. Матвеева из Посольского приказа? воцарение Федора Алексеевича? и главное — неужели автор книги действительно предполагает возможность подобной свободы (если не сказать — произвола) действий у занимавших отнюдь не первые ступени на служебной лестнице внешнеполитического ведомства служителей — переводчи-

---

обращался к архивным материалам, он сослался на 14 сообщений о землетрясениях в Старом и Новом Свете (С. 49–51) против десяти за весь предшествующий, начиная с 1600 г., период (С. 47–49). И дело здесь совсем не в постоянном интересе, проявляемом именно с конца 1670-х годов, а в существенно большем количестве появлявшихся в последней трети XVII в. в России иностранных курантов, с одной стороны, и более полном, на основании архивных документов, а не выборочном, по опубликованным текстам, учетом соответствующих русских переводов.

ков? кто же в таком случае (имена переводчиков с западноевропейских языков в этот период известны) мог позволить себе заканчивать или начинать работу над теми или иными сообщениями исключительно по собственному желанию? Думается, дело обстоит гораздо проще: в попавших в Россию в 1672–1676 годах «европейских информационных листках» и, соответственно, их переводах сообщений о землетрясениях действительно не было, однако это обстоятельство не отрицает возможного наличия таких сведений в других, не попавших в Москву или оставшихся без перевода западноевропейских периодических изданиях, что требует серьезного изучения всех сохранившихся иноязычных оригиналов, в противном случае такой вывод мало кого сможет убедить.

Далеки от идеальных и пересказы или трактовки С. М. Шаминым использованных им сведений. Говоря об описаниях в приказных документах природных катастроф, а на самом деле только землетрясений и извержений вулканов, и отмечая, что самое раннее подобное сообщение находится в вестовой тетради 1600 г., автор книги пишет: «Здесь сообщается о землетрясении в некоей „Норсесской земле“, где развалились многие дворы, из-за чего возникли великие убытки» (С. 47). Однако в действительности «сообщается» несколько иное: «В Норсесской земле учинилось пристрашно земное тресение, что не токмо в том городе дворы порозвалялися, но и по иным многим странам и убытки великие в том учинилися».¹⁹⁶ Основной смысл переданной новости состоит в подчеркивании столь большой мощности произошедшего землетрясения, что оно было разрушительным не только для этой земли, но и для других территорий, также понесших «великие убытки», а С. М. Шамин существенно сузил смысл сказанного. Наоборот, говоря о бедствиях в Италии в 1652 г. автор книги среди прочего упоминает, что «необычный град в разных *городах* (выделено нами. — Л. Т.) побил людей и скот» (С. 47), на самом деле в корреспонденции говорилось, что этот самый град (некоторые градины достигали веса в 21 золотник) нанес ущерб людям и животным «под городом Кандитом» (город-коммуна Кандид в регионе Кампания, провинция Авеллино),¹⁹⁷ то есть речь шла только об одном населенном пункте и одном же поле с погибшими людьми и скотом.

Нельзя не остановиться и на еще одном очень интересном факте. Во всех этих, в большинстве своем перечисленных С. М. Шаминым «приказных» текстах о землетрясениях и извержениях вулканов очень

¹⁹⁶ ВК I. № 1. С. 25.

¹⁹⁷ «...также де не повыклои великой град под городом Кандитом и находили де куся в 21 золотник весом и тем де градом людей и скотину на поле побило» (ВК V. С. 50).

редко указывается, что эти катаклизмы, связанные с сильными разрушениями и человеческими жертвами, были обусловлены вмешательством в дела людей неких высших сил и являлись наказанием за грехи. Точно такое же наблюдение можно сделать и в отношении рассмотренных выше описаний других природных бедствий и эпидемий. Из 63 зафиксированных нами (возможно, таких свидетельств в неопубликованных документах содержится больше) сообщений только три включают упоминания чего-то сверхъестественного: пронесшаяся в 1643 г. по Голштинии буря с громом и молнией была воспринята как знамение большого кровопролития,¹⁹⁸ «гром» в 1664 г. Гааге в «Галланской земле», повредивший корабли и убивший людей, оказался расценен как «гнев божий»¹⁹⁹ и, наконец, сообщение от 21 августа 1671 г., переведенное на русский язык, как отмечено в комментариях, «совершенно правильно, с минимальными купюрами»,²⁰⁰ которое было посвящено наступившей в окрестностях Венеции засухе, при описании хорошо известного действия «моления о дожде», когда «князь», то есть венецианский дож Доменико II Контарини, «велел поставить чюдотворной образ и господа бога о дождю молити приказал».²⁰¹

На эту особенность «информационных» текстов, видимо, обратил внимание и С. М. Шамин, поэтому, чтобы оправдать заявленную в названии главы характеристику катастрофических природных явлений как «знамений гнева божьего», он предложил следующее объяснение: «Краткость новостных сообщений не позволяла их авторам размышлять о причинах явлений, как это делалось в развернутых памфлетах, однако „чудесный“ контекст сообщений свидетельствовал, что землетрясения продолжали восприниматься как знамения» (С. 47).

Анализируя этот вывод, сразу же стоит заметить, что отнюдь не все информационные сообщения были такими уж короткими: свидетельства об извержении Этны в 1669 г., землетрясениях в Пярну и Регенсбурге в 1670 г. и, особенно, в Кадисе в 1671 г.²⁰² по своему размеру сопоставимые с повествованиями о разрушении Меллихи в «Летописце небесных знамений» и «Повести о двух посольствах», поэтому добавление нескольких слов о «божьем гневе» или чем-то подобном не намного увеличило бы объем текста, тем более, что никакой особой регламентации величины изложения, скорее всего, не предполагалось. Кроме того, совершенно непонятно, каким-образом автор книги сумел определить «чудесный» контекст сообщений о землетря-

¹⁹⁸ ВК II. С. 103.

¹⁹⁹ ВК VI-1. С. 105.

²⁰⁰ ВК VII. С. 440.

²⁰¹ Там же. С. 185.

²⁰² ВК VI-1. С. 358, 505, 533; ВК VII. С. 104.

сениях (а где же извержения вулканов?), доказывающих их восприятие как неких знамений, правда, не уточнив, каких именно. Следовательно, стоит поискать другие причины отсутствия в «приказных» текстах указаний на «божий гнев».

Из контекста высказывания С. М. Шамина и имеющихся ссылок следует, что речь идет только о русских переводах, поэтому, прежде всего, стоило бы выяснить, читались ли подобные грозные предупреждения непосредственно в иноязычных первоисточниках. И. Майер, выявляя иностранные оригиналы русских переводов, отметила исходные тексты на голландском и немецком языках для сообщений о землетрясениях в Вене в 1668 г.,²⁰³ в окрестностях Константинополя и Анкары в этом же году,²⁰⁴ в Пярну²⁰⁵ и Регенсбурге²⁰⁶ в 1670 г., в Волошской земле²⁰⁷ и Кадисе²⁰⁸ в 1671 г. Ни в одном из них, насколько мы можем судить по опубликованным исследовательницей иностранным оригиналам, о божественном вмешательстве в естественные природные явления, каковыми, безусловно, были землетрясения и извержения вулканов, не говорилось. Сказанное подтверждают и результаты проведенного И. Майер подробного текстологического анализа иностранных текстов и их русских переводов. Филолог, специалист по европейским периодическим изданиям, чаще отмечала точность работы переводчиков, иногда указывала на сокращение описаний некоторых других природных явлений, читающихся в этих же сообщениях, или обращала внимание на небольшие преувеличения понесенного из-за землетрясения урона,²⁰⁹ но ни разу не написала о проигнорированных в переводах размышлениях о землетрясениях как «знамениях божьего гнева». Следовательно, не только иностранные информаторы, рассказывая о природных катастрофах, свидетелями которых им довелось быть, не полагали нужным прибегать к упоминаниям вмешательства небесных сил в земные дела, ограничиваясь более или менее подробным описанием самих явлений, но и русские приказные служители различных рангов не считали необходимым или возможным добавлять «от себя» нечто подобное, заботясь, преимущественно, о точности передачи текста,²¹⁰ чего, видимо, нельзя с пол-

²⁰³ ВК VI-1. С. 305; ВК VI-2. С. 570.

²⁰⁴ ВК VI-1. С. 332; ВК VI-2. С. 583–584.

²⁰⁵ ВК VI-1. С. 505; ВК VI-2. С. 621–622.

²⁰⁶ ВК VI-1. С. 533; ВК VI-2. С. 631.

²⁰⁷ ВК VII. С. 99 и 375–376.

²⁰⁸ Там же. С. 104 и 379–380.

²⁰⁹ Там же. С. 99 и 375–376.

²¹⁰ Впрочем, были и исключения. И. Майер приводит пример добавленных переводчиком слов «за помощью великаго бога» в русскоязычный вариант «галанских курантов» с поступившими из Мадрида 2 декабря 1666 г. сведениями о заключении

ной уверенностью сказать об «авторах» или составителях других, более «художественных» по форме изложения памятников. Мы имеем в виду дважды повторенные слова о «божием разгневании» в рассказе о бедствиях мальтийского города Меллихи в «Летописце небесных знамений» и «Повести о двух посольствах», которые могли принадлежать как самому рассказчику, Максимилиану II или какому-то другому, знавшему об этих событиях лицу, так и человеку, записавшему перевод интересного рассказа, скорее всего, сопровождавшему русских послов священнику Лаврентию. Второй вариант выглядит более вероятным. Описать в весьма отстраненной и лишенной эмоций форме случившуюся в очевидно чужой и чуждой «Цысарской» земле природную катастрофу, указав при этом на вмешательство высшей небесной силы как на главную причину приключившегося с людьми, исповедующими чуждую веру, бедствия, вполне мог, как представляется, православный священник, который, как духовное лицо, во всех происходивших вокруг него событиях видел, прежде всего, те или иные проявления «промысла божья».

Что же касается характеристики землетрясений как неких «знамений», то и в этом случае дело обстоит не совсем так, как это представляется С. М. Шамину. Из 20 отмеченных выше опубликованных сообщений о 18 землетрясениях и извержениях вулканов, произошедших в период с 1600 по 1671 год, в 17 корреспонденциях, включая повествовающую о сильнейшем извержении Этны в 1669 г., которое и должно было бы, в первую очередь, вызвать у свидетелей катастрофы мысли о «знамениях», описываются только сами стихийные бедствия и причиненные ими разрушения, без каких-либо комментариев или размышлений о сверхъестественной природе происходящего: Норсесская земля (1600 г.),²¹¹ остров Барбадос (1650 г.),²¹² Персия (1668 г.),²¹³ Вена (1668 г.),²¹⁴ Анкара (1668 г.),²¹⁵ Этна (1669 г.),²¹⁶ Страсбург

мира между Испанией и Португалией (ВК VI-2. С. 409). При публикации переводов археографы, к сожалению, не посчитали полезным определять имена переводчиков и выявлять подготовленные теми или иными конкретными людьми тексты, по крайней мере, там, где это возможно было сделать при помощи, например, палеографического анализа или других данных. Поэтому имя человека, придерживавшегося строго религиозной позиции, но позволившего себе при этом исказить порученный ему для работы текст, остается неизвестным.

²¹¹ ВК I. С. 25. Здесь и далее мы будем указывать, рискуя совершать ошибки, имеющиеся в публикациях даты, так как анализ хронологических указаний в семи вышедших к настоящему времени сборниках выходит за пределы наших возможностей.

²¹² ВК IV. С. 198.

²¹³ ВК VI-1. С. 282.

²¹⁴ Там же. С. 305.

²¹⁵ Там же. С. 332.

²¹⁶ Там же. С. 354, 357, 358.

(1669 г.),²¹⁷ Регенсбург (1670 г.),²¹⁸ Далмация (1666, 1667 или 1668 годы),²¹⁹ Волошская земля (1671 г.),²²⁰ Везувий (1671 г.).²²¹ В трех других сообщениях указывалось, что землетрясения сопровождалось, как нередко случается в действительности, сильными грозами и бурями: Лейден (1669 г.),²²² Пярну (1670 г.),²²³ Кадис (1671 г.).²²⁴ Очень характерный, житейский, далекий от любых религиозных помыслов комментарий содержится в рассказе о землетрясении в Волошской земле в 1671 г. с сопутствующими сильными морозами и пожарами: «...и по тому видим, что над нами збываются древняя пасловица, что беда одна не приходит, но многие с собою влечет».²²⁵

Таким образом, повторим, что в 17 из 20 сообщений нет никаких доказательств того, что землетрясения и извержения вулканов воспринимались свидетелями или газетными информаторами как предзнаменования, несмотря на более или менее подробное описание причиненных этими бедствиями разрушений и гибели людей, неких недобрых, грядущих в более или менее отдаленном будущем событий. Имеются, однако, еще три корреспонденции, на основании которых С. М. Шамин мог бы придти к выводу о «чудесном» контексте таких свидетельств.

В двух из них, помимо рассказов о землетрясениях или «просыпающихся» вулканах, говорится о кометах, которые, действительно, довольно часто воспринимались людьми как провозвестники чего-то неминуемо страшного и грозного, но такое толкование в данном случае не кажется уместным.

В сообщении из Рима от 18 мая 1652 говорится о появившейся в небе над Неаполем комете, о прошедшем в городе Кандиде граде с градинами весом около 90 г и о появлении пепла и огня из горы Сома.²²⁶ Все они выдержаны в строго описательной манере и не имеют каких-либо дополнительных комментариев или характеристик, свидетельствующих о неких предзнаменованиях, проявлениях действий сверхъестественных сил и т. п., что позволяет видеть и в этих рассказах простое перечисление нескольких, случившихся одновременно

---

²¹⁷ ВК VI-1. С. 420, 427.

²¹⁸ Там же. С. 533.

²¹⁹ Там же. С. 334.

²²⁰ ВК VII. С. 92.

²²¹ Там же. С. 115.

²²² ВК VI-1. С. 450.

²²³ Там же. С. 505.

²²⁴ ВК VII. С. 104.

²²⁵ Там же. С. 99. Об использованном в немецком оригинале фразеологизме пишет и И. Майер (Там же. 375).

²²⁶ ВК V. С. 50.

не слишком приятных для восприятия природных явлений, подобно перечислению нескольких же бедствий, случившихся в Волошской земле в 1671 г.

В заметке из Вены от 9 ноября 1668 г.,²²⁷ которая, по мнению И. Майер, была переведена целиком, «без существенных купюр и довольно точно»,²²⁸ сообщалось: «Пишут ис Царяграда августа 29 числа, что тамо видели на небе комету, и во 12-м числе того же месяца был в Цареграде трус земной, от которого многие места попортились, а город Валон, шесть дней от Царяграда, тем трусом вконец згиб, и сквось землю прошел, и ныне на том месте токмо великая яма».²²⁹ И. Майер определила, что сообщение касалось действительно разрушенного в результате землетрясения 12 августа города Болле (Валон) в 150 км к северо-западу от Анкары.²³⁰ Причем это событие, если исходить из указанной хронологии, произошло до появления 29 августа (по уточнению И. Майер — 28 августа) кометы, то есть никакой хронологической связи между зловецким небесным телом и землетрясением нет, предполагать же, что, наоборот, землетрясение предвещало комету, нелепо. Следовательно, и говорить о некоем «чудесном» контексте данного сообщения не приходится.

Остается корреспонденция из Вены от 3 июня 1668 г., «...что в Турской земле великое трясение земли было и то турки признавают не к добру».²³¹ С одной стороны, заключительные слова, как будто, дают основание оценивать отношение к происшедшему землетрясению как некоему «знамению». Однако, с другой стороны, допустима и вполне бытовая, основанная на обычном здравом смысле (странно, если бы «трясение земли» с естественно ожидаемыми разрушительными последствиями могло бы предвещать что-то благое) трактовка этого комментария. Не стоит забывать, что сообщение исходило

---

²²⁷ И в этом случае нельзя не отметить странную путаницу с датами в публикации и комментариях: в опубликованном тексте сообщение датировано «из Вены ноября 9-го числа» со ссылкой на оригинал под № 490 (ВК VI-1. С. 332). В помещенном в «эдиционной части» тексте на голландском языке читается то же самое «Weenen den 9 November» (ВК VI-2. С. 583). Однако ниже, в комментарии к этому тексту И. Майер пишет, что «в газете-источнике подряд напечатаны две корреспонденции из Вены, от 10 и 11 ноября» (Там же). Идет ли в данном случае речь о простой опечатке или И. Майер нашла некие доказательства неправильной датировки непосредственно в оригинале на голландском языке, неизвестно, но читатель опять вынужден задуматься, каким же все-таки числом — 9, 10 или 11 ноября — датируется корреспонденция из Вены.

²²⁸ ВК VI-2. С. 583.

²²⁹ ВК VI-1. С. 332 (орфография и пунктуация наши. — Л. Т.).

²³⁰ ВК VI-2. С. 583.

²³¹ ВК VI-1. С. 275.

из Вены, и эти слова вполне могли принадлежать корреспонденту — подданному Священной Римской империи, который косвенно выражал свое беспокойство осложнением международных отношений в связи с решением гетмана Правобережной Украины П. Д. Дорошенко и казацкой рады марта 1669 г. о переходе под власть Османской империи. В любом случае, этот полунамек является единственным свидетельством оценки землетрясения как некоего «знамения». Иными словами, только одно из 20 переведенных и опубликованных в «Вестях-Курантах» сообщений, да и то содержание которого можно трактовать двояко, дает хоть какой-то повод включить его в «чудесный контекст» и рассматривать как провозвестника тех или иных проявлений высших сил.

Разумеется, у читателя сразу же может возникнуть возражение, что оценка землетрясений и извержений вулканов как «знамений» содержится в неопубликованных текстах последней трети XVII — начала XVIII столетия, которые и послужили С. М. Шамину основанием для соответствующего вывода. Однако вряд ли это так. Во-первых, слова о «чудесном» контексте и т. п. находятся посередине фрагмента с перечислением таких катастроф в 1650-х — самом начале 1670-х годов, где ссылок на архивные документы нет (С. 47–48. Примеч. 33–47). Во-вторых, рассматривая ранее такие, остающиеся до сего дня неопубликованными сообщения о землетрясениях периода царствования Федора Алексеевича, С. М. Шамин и А. П. Богданов отметили только одно, встретившиеся там, «оценочное», по их выражению, суждение, справедливо связав его с особым страхом, так как бедствие случилось в религиозный иноверческий праздник — «на торжество Магометово».²³² Другую же попытку авторов статьи трактовать сообщение о землетрясении как о некоем предзнаменовании считать удачной не приходится. «Например, в Шотландии, — пишут С. М. Шамин и А. П. Богданов, — землетрясение сопровождалось необычными ликами на небе. Автор (сообщения. — Л. Т.) связал с этим явлением и случившийся позже лондонский пожар».²³³ Тем не менее, приведенная далее цитата из архивного документа — «В городе Думбуре Шкодские земли близь четверти часа великое учинилось земли трясение и затмение в небе, так, что друг друга видеть никто не мог. И тем учинилось великое разорение и шкоды. И объявились в то ж время на небе великие лики и образы. После того, спустя недели с две, учинился в Лондоне великой пожар, которым многие дворы и люди погибли»²³⁴ — показывает неточную, по нашему мнению, трактовку

²³² Шамин С. М., Богданов А. П. Природные явления... С. 248–249.

²³³ Там же.

²³⁴ Там же. С. 248.

содержания. Основной смысл сообщения состоит, как представляется, в стремлении подчеркнуть вполне бытовое наблюдение о том, что «беда не приходит одна», и к разрушениям, причиненным «трясением земли», довольно скоро добавилась гибель дворов и людей в Лондоне, «знамением» чего явилось отнюдь не землетрясение, а появившиеся на небе «великие лики и образы».

Без обращения к архивным источникам, что никак не входит в задачи рецензента, трудно сказать, трактовались ли землетрясения и извержения вулканов как «знамения» в неопубликованных переводах последней четверти XVII в. — начала XVIII в., и как часто это происходило. Однако весь, охватывающий предшествующие 80 лет материал показывает, что подавляющее большинство информаторов западноевропейских изданий отказывалось интерпретировать их как предвестников будущих бедствий, катастроф или «божьего гнева».

Таким образом, суждение С. М. Шамина о краткости переводных сообщений о землетрясениях и извержениях вулканов как причине, якобы не позволяющей их авторам размышлять о них как проявлениях «божьей воли», при одновременном, по мнению автора книги, включении этих свидетельств в некий «чудесный» контекст, представляется крайне субъективным. В чем же причина именно такой интерпретации источников? Ее допустимо видеть в изначальном месте публикации статьи 2016 г., основной текст которой, повторим, без всяких изменений вошел в первую главу книги 2020 г., — периодическое издание ярко выраженной конфессиональной направленности, но можно предложить и не столь прямолинейно-утилитарное, а связанное с некоторыми тенденциями в современной историографии объяснение. В частности, Д. К. Уо, работы которого очень часто упоминаются в книге С. М. Шамина, в одной из своих монографий писал: «Нельзя забывать, что не только в России, но и на Западе газеты и брошюры того времени еще включали известия о чудесных видениях, о небесных знамениях и об угрожающих природных явлениях. Необыкновенные явления природы считались доказательством божьей воли и истолковывались как наставление человечеству и предсказание будущих событий. Только постепенно, под влиянием идей эпохи Просвещения в Европе, в образованных кругах стали сомневаться в правдоподобности чудес и объяснять их в свете научного понимания мира».²³⁵ Разумеется, землетрясения и извержения вулканов вместе с другими природными и климатическими катаклизмами были «угрожающими явлениями», всегда одновременно и привлекавшими особое внимание людей, и пугавшими их. Однако необходимо заметить,

---

²³⁵ Уо Д. К. История одной книги. С. 50–51.

что Д. К. Уо, подкрепляя свой вывод, ссылается исключительно на различного рода *литературные* памятники или *агиографические* сочинения,²³⁶ не приводя ни одного доказательства из оригинальных текстов западноевропейских *информационных* изданий или их русских переводов. При этом, несколько далее сам исследователь, описывая различные «страшные знамения» в Соли Камской и Чердыни — затмение, «молния неугасимая» и т. д., заимствованные им из Сказания о чудотворных иконах, признает, что «известия об этих событиях» были взяты из произведения отчетливо выраженной религиозной направленности, а «не из петровских „Ведомостей“», то есть газетных сообщений.²³⁷

К точно таким же по характеру источникам, в частности, к апокрифической литературе («Громовник», «Молнияник», «Птицеграй»), были вынуждены прибегнуть и авторы совместной статьи о природных явлениях в царствование Федора Алексеевича, стремясь во что бы то ни стало доказать возможность трактовки землетрясений как неких «знамений». Результатом стал весьма сомнительный вывод о том, что «внимание составителей *курантов* (выделено нами. — Л. Т.) к различным природным силам объясняется также и склонностью к их интерпретации в качестве предзнаменования грядущих событий».²³⁸ Спрашивается, кто именно из «составителей курантов» — переводчики, подьячие, дьяки — могли иметь насколько широкое представление об указанных апокрифических памятниках, чтобы использовать их в своих целях, с одной стороны, а с другой — каким образом действительно имевшие отношение к этим гадательно-предсказательным сочинениям люди могли бы воспользоваться делавшимися в центральном государственном учреждении переводами? или таковыми были переводчики, подьячие и дьяки?

Разумеется, всеми этими рассуждениями мы не хотим сказать, что корреспонденты западноевропейских изданий почти поголовно стояли на строго научных и материалистических позициях, как, равным образом, не собираемся проводить исследование влияния совершившихся на протяжении XVII в. научно-практических открытий и разработок (Галилео Галилей, Эванджелиста Торричелли, Блез Паскаль, Кристиан Гюйгенс, Исаак Ньютон, Антони ван Левенгук, Дени Папен и др.) на «образованные круги», по выражению Д. К. Уо, выяснять смысл этого определения и социально-общественную принадлежность входивших в эти «круги» людей, в том числе корреспон-

²³⁶ Уо Д. К. История одной книги. С. 50–51. Примеч. 32 и 34.

²³⁷ Там же. С. 51 и примеч. 34, 35.

²³⁸ Шамин С. М., Богданов А. П. Природные явления... С. 249.

дентов западноевропейских газет, изучать степень распространения и, соответственно, доступности в России XVII в. таких астролого-гадательных книг как «Громовник» или «Молнияник», рассматривать превалирование религиозного или светского начал, степень их сочетания в умонастроениях людей и т. д. Причины подчеркнутого внимания к тем или иным проявлениям сверхъестественных сил в текстах о различных природо-климатических явлениях или отсутствие такового объясняется, прежде всего, различной направленностью и отличающимися целями и обстоятельствами составления крайне непохожих друг на друга источников.

Возникавшие, как правило, в духовной среде конфессионально отчетливо ориентированные литературные сочинения, авторы которых в своем творчестве зачастую опирались на предшествующие произведения с их сложившимися на протяжении долгого времени лексико-стилистическими особенностями изложения, чаще всего и содержали в своих текстах комментарии религиозно-нравственного характера с оценкой природных катастроф как именно проявлений «божьей воли», «знамений божьего гнева» и т. д.

Вместе с тем, вполне практический, деловой смысл сообщений «летучих листков», которые были призваны в самые короткие сроки познакомить возможно большее количество людей с самыми «свежими» новостями и базировались не на текстах Священного Писания, а на бытовых наблюдениях различных природно-климатических явлений и их эмпирическом описании, в частности, такого хорошо известного со времен античности факта, что молния (или, в представлении людей, «гром») чаще попадает в отдельно стоящие высокие объекты, например, в кирхи, очевиден. Неудивительно поэтому, что основное внимание в большинстве свидетельств уделялось причиненным разгулом стихий разрушениям, различным видам экономического ущерба — утонувшим во время бурь шедшим из Ост- или Вест-Индии кораблям с дорогостоящим грузом, погибшим сельскохозяйственным угодьям, пропавшим от града, засухи или мороза виноградникам, разрушенным домам — или никак не связывавшейся с потусторонним вмешательством массовой гибели людей во время эпидемий.²³⁹ А крайне немногочисленные ссылки на «гнев» или, наоборот, «милость» божию, были, видимо, связаны с особенностями мировоззрения

---

²³⁹ Показательно отсутствие каких-либо оценочных комментариев в опубликованном полном тексте перевода входящего в сборник Нифонта Кормилицына сообщения («Изложение истинно...») «воеводы» Неаполя о буре в этом городе в 1523 г. и землетрясении в земле Стрем в 1524 г., связанное, без сомнения, с тем обстоятельством, что сведения исходили от представителя светской власти (см.: *Сумникова Т. А.* Два датированных известия... С. 24–25).

отдельных, поставлявших те или сведения людей, среди которых, как указывает И. Майер, находились не только «профессиональные корреспонденты», но и писавшие письма с новостями дипломаты, военные, юристы, купцы²⁴⁰ со своими идеологическими воззрениями. Конечно, приведенными примерами мы не стремимся во что бы то ни стало доказать высокую степень обмирщения или, как принято сейчас писать, секуляризации западноевропейской и русской культуры. Хотелось бы только подчеркнуть необходимость дифференцированного, исследовательского подхода к текстам используемых исторических источников, чтобы не просто избегать ситуаций, когда из единичных документов не просто заимствуются отдельные выражения или слова, на их основе строится «удобная» по тем или иным параметрам концепция и под нее искусственно подгоняются все другие данные, но и проводить возможно более подробное изучение истории создания и бытования тех или иных свидетельств.

Заканчивая рассмотрение первой главы книги С. М. Шамина, заметим, что, заявляя во Введении о выполняемых «европейскими информационными текстами малых форм» функциях «курьезной» — познавательно-развлекательной и «памфлетной» — способствующей формированию мировоззрения, сам автор книги при характеристике любых, «литературных» или «новостных», текстов не пользуется введенными им же самим терминами. Единственный раз слово «памфлет» с весьма странным для этого жанра дополнительным определением «развернутый», что заставляет думать о вряд ли существовавших в действительности «кратких» памфлетах, С. М. Шамин использует в приведенной выше цитате об отсутствии размышлений о природных явлениях в «информационных» сообщениях и наличии таковых в этих самых «развернутых памфлетах». В таком случае, по контексту высказывания, если довести его мысль до логического завершения, получается, что «памфлетами» в понимании С. М. Шамина, являются «Послание Феофила Дедеркина...», тексты о землетрясениях в Царьграде, на Мальте, в «Шимбории» и «Солонихии» в «Сказании о потрясении Цареградском», «Летописце небесных знамений», «Повести зело страшна...» и др. (определение «курьез» подходит к ним еще меньше). Даже нам, с нашим атеистическим сознанием, использование такого термина в применении к произведениям русской книжности XVI в. представляется неуместным, а людям, находящимся на иных идеологических позициях, может показаться и вовсе кощунственным. Вполне возможно, что нечто подобное чувствовал или осознавал и сам автор книги, почему вольно или невольно отказался, несмотря на се-

---

²⁴⁰ ВК VI-2. С. 26.

рзное «теоретическое» обоснование во Введении существования «курзной» и «памфлетной» функций, от их использования.²⁴¹ Заметим попутно, что слово «памфлет» по отношению к таким произведениям использовала И. Майер, применяя его к опубликованному Т. А. Сумниковой тексту «Изложение истинно...» о наводнении в Неаполе в 1523 г. и землетрясении в области Срем в 1524 г.²⁴² Правда, в данном конкретном случае И. Майер прибегала к данному термину как синониму слова «брошюра» для обозначения отличия такой формы новостных изданий от листовых.

* * *

Вторая глава книги С. М. Шамина посвящена «небесным знакам» (С. 55–79), под которыми автор подразумевает «затмения, „падающие звезды“, необычное свечение в небе, странной формы облака и иные подобные явления» (С. 55). Эта глава также состоит из двух разделов, первый, не имеющий подзаголовка, посвящен «небесным знакам» в памятниках книжности, второй, выделенный соответствующим подзаголовком, — «знамениям в приказных документах». Что же предлагается читателю на этот раз?

К сожалению, уже в самом начале этой главы сразу же бросается в глаза досадный повтор, связанный с уже читавшейся ранее, в начале первой главы, характеристикой такого памятника письменности, как «Летописец небесных знамений» (место составления, «автор», краткое описание) со ссылкой на статью Г. В. Маркелова 2005 г. и упоминавшиеся С. М. Шаминым ранее тезисы А. В. Сиренова 2016 г., но, как ни странно, без имевшегося в первой главе указания на издание в 2018 г. самого сочинения (С. 55 и примеч. 1), не говоря уже об отсутствии ссылки на совместную работу этих исследователей, где, среди прочего, рассматривались изображения комет, то есть тех самых «небесных знаков».²⁴³ Однако это не единственный повод для удивления.

С. М. Шамин открывает первый раздел второй главы опять-таки никак не связанным с поставленными во Введении задачами утверж-

---

²⁴¹ Впрочем, отказ от использования этих терминов в первой главе книги, в основу которой была положена статья 2016 г., может объясняться гораздо проще — отсутствием их в более ранней работе, когда еще не было создано их «теоретического» обоснования.

²⁴² ВК VI-2. С. 53–54.

²⁴³ Маркелов Г. В., Сиренов А. В. Иконография Лицевого летописца о небесных явлениях // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 320–336.

дением, что для «обычного человека» различные астрономические и метеорологические явления «оказывались знаками на небе, при помощи которых Господь хотел донести до своих чад некие предупреждения» (С. 55). Где же здесь те самые развлекательно-познавательные и мировоззренческие функции «европейских информационных текстов малых форм», которые автор книги собирался изучать для выявления свидетельств «распространения культуры Нового времени в России» и «процесса европеизации русского общества» (С. 7–8)? В результате, читатель в очередной раз сталкивается с весьма субъективно отобранными и поэтому не позволяющими представить все разнообразие содержания переводившихся на русский язык сообщений западноевропейских периодических изданий известиями религиозно-мистического характера. Более того, увлекшись поиском различных свидетельств о кометах, автор монографии, почти полностью забыв о своих основных материалах, начинает повествование с рассказа о рисунках «небесных знаков» в Радзивилловской летописи,²⁴⁴ но даже человек с самым богатым воображением не отважится утверждать, что одним из ее источников могли быть эти самые «информационные тексты». Большинство следующих переводных сообщений о «небесных знаках» как провозвестниках неких грядущих грозных событий относятся или к литературным произведениям (например, обширное художественное описание знамения в небе над Венгрией в 1672 г.²⁴⁵) (С. 58–63), или к более или менее научным сочинениям

---

²⁴⁴ О миниатюрах этого летописного свода см., например, новейшее исследование: *Кибинь А. С.* Радзивилловская летопись: о месте и времени создания иллюстраций Повести временных лет. М., 2022.

²⁴⁵ Литературное происхождение этого текста, авторство которого принадлежит ректору Киевской академии Варлааму Ясинскому, отмеченное ранее А. И. Соболевским и Д. К. Уо (*Соболевский А. И.* Переводная литература... С. 247–248; *Уо Д. К.* Текст о небесном знамении 1672 г. С. 201), не оспаривалось и в дальнейшем (см., например: *Рыков Д. Ю., Шамин С. М.* Новые данные о бытовании переводного известия о Венгерском небесном знамении 1672 г. в русской рукописной традиции XVIII века // *Историография, источниковедение, история России X–XX вв.* Сборник статей в честь Сергея Николаевича Кистерева. М., 2008. С. 263–267). Собственно, и в книге 2020 г. принадлежность присланного в Москву текста перу В. Ясинского также не отрицается (С. 58–59). Однако связь этого произведения с немецкими или какими-либо иноязычными рукописными листками остается недоказанной. И даже если принять предположение С. М. Шамина, что не все русские варианты описания знамения 1672 г. восходят к сочинению ректора Киевской академии, то и тогда, исходя из неоднократно публиковавшегося текста отписки киевского воеводы Ю. К. Трубецкого (АЮЗР. Т. 11. СПб., 1879. № 47. Стб. 129–130; *Уо Д. К.* Текст о небесном знамении 1672 г. С. 201; у С. М. Шамина при ссылке на работу Д. К. Уо ошибочно указана с. 207) (С. 62, примеч. 20), очевидно, что присланный в Москву лист с толкованием не имел отношения к направленным при этой же отписке информационным листкам:

о кометах С. Невского, Я. Розера, Э. Штрауха, С. Дамбровского, связанным с появлением в небе над Европой на рубеже 1680–1681 годов астрономического объекта C/1680 V1 (Большая комета, комета Кирха, комета Ньютона) (С. 63–66), но никак не к почерпнутым из западноевропейских периодических изданий сообщениям.

Такое странное, учитывая сказанное во Введении, произошедшее изменение авторской позиции в отношении и объекта изучения, и используемых источников объясняется по-прежнему просто. Большую часть начального раздела второй главы точно так же, как и ранее, составляет перепечатанная практически без изменений, но не упомянутая в книге 2020 г. статья С. М. Шамина 2018 г.²⁴⁶ Однако эта более ранняя работа, во-первых, была посвящена, о чем говорит опущенная в новейшем сочинении ее заключительная фраза (об обоснованности и справедливости этого вывода предоставляем судить читателю) — «Таким образом, научное знание, характерное для культуры Нового времени, не уничтожило старые традиции, а как бы встраивалось поверх них»,²⁴⁷ совсем другим вопросам: — рассмотрению прослеживающегося в XVII в. научного подхода к астрономическим явлениям и их старо-традиционному, по словам С. М. Шамина, толкованию как «небесных знамений». Кроме того, она основывалась на других источниках — различных «литературных», а не «информационных» произведениях. Стараясь в этом случае, в отличие от первой главы, хоть как-то увязать предшествующий текст с новейшим сочинением, С. М. Шамин, в частности, чуть-чуть изменил начало и окончание обеих работ, и в описании знамени в Риге в 1524 г. была добавлена ссылка на мнение А. В. Сиренова из комментариев к изданному в том же 2018 г. тексту «Летописца небесных знамений», каковое, разумеется, не могло быть учтено в статье 2018 же года. Тем не менее, эти незначительные, чисто внешние, «косметические» изменения не смогли повлиять на главное, на произошедшую, как и в первой главе, замену объекта исследования, если, конечно, не считать описания «знамений» «свидетельством распространения культуры Нового времени» и не видеть в их перечислении «изучение процесса европеизации».

Однако стремление пойти по наиболее легкому пути, не затрудняя себя проведением новых исследований, а просто перепечатав с мини-

---

«...а как то знамение было, подал (гетман Иван Самойлович. — Л. Т.) нам, холопом твоим, писано на листу, а на тот лист толковое письмо на листу же, да о вестях три листа (выделено нами. — Л. Т.)» (АЮЗР. Т. 11. № 47. С. 129–130).

²⁴⁶ Шамин С. М. «Чудо» сопротивляется научному знанию: переводные известия о «небесных знамениях» в русских рукописных сборниках XVI — первой половины XVIII в. // Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени. К 80-летию со дня рождения Анатолия Евгеньевича Иванова. М., 2018. С. 32–42.

²⁴⁷ Там же. С. 42.

мальными изменениями старый текст, сыграло с С. М. Шаминым злую шутку. Поменяв заглавие одной и той же фактически работы с «Чуда» на «Небесные знаки», он не заметил, что ряд явлений, вполне подпадающих под первое определение, вызывают недоумение, если рассматривать их как некие реальные, пусть и имеющие несколько особый характер астрономические явления. В частности, в тексте о знамении 6 ноября 1652 г. в Царьграде, каким бы ни был его источник, устное сообщение, как считал А. И. Соболевский, или, по мнению Д. К. Уо, некая немецкая брошюра середины XVII в., говорится об огромных, убивавших людей градинах, севшем на султанские палаты огненном змее, о появившемся в воздухе Спасителе с крестом и о воронах, заклевавших отправлявшихся на Русь полоняников (С. 58). Эти явления с определенной долей условности можно трактовать как «чудеса», но рассматривать все их как «небесные знаки» при всем желании не удастся.

Трудно согласиться и с некоторыми определениями источников русских переводов свидетельств о «небесных знаках» или трактовкой содержания отдельных памятников письменности, которые предлагаются читателю С. М. Шаминым в первом разделе второй главы.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на так называемый «Копенгагенский сборник» (рукопись в 4°, на 770 листах), где, среди прочего, имеются два текста о небесных знамениях, учтенные в двух имеющихся на сегодняшний момент росписях содержания конволюта:

1) о случившемся 9 июля «чуде в Линберской земле», когда на фоне месяца показались различные человекообразные существа с рогами на голове, превратившиеся в льва, черную собаку и пр. (л. 679 об.);

2) о «великом знамении» на солнце, которое сначала становилось красным и черным, а затем от него «пали кровавые ядра в 15 гривенок» (Л. 762–762 об.).²⁴⁸

---

²⁴⁸ *Svane G. Slavonic manuscripts in the Roayl Library: A Catalogue // Hendskrifttafdelingens arkivregistraturer. № 4. Copenhagen, 1993. P. 80–89; Бобров А. Г. Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Демидка Воинов // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 475–476.* Существенно больший объем описания Г. Сване объясняется тем, что составитель каталожных статей приводил начальные инципиты входящих в сборник произведений, тогда как А. Г. Бобров ограничивался только составленными им самим заголовками. Можно отметить и некоторые другие, имеющиеся в двух описаниях различия. В частности, А. Г. Бобров специально выделил такие важные для определения границ отдельных входящих в конволют сочинений или блоков нескольких памятников показатели, как листы без текста и киноварные заголовки и буквицы (Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 474, 475). К сожалению, сведения об имеющихся в сборнике художественных украшениях представлены А. Г. Бобровым не полностью: перечислив чуть более трех десятков листов, далее автор статьи ограничился кратким «и др.» (Там же.

В своем рассказе об этих свидетельствах С. М. Шамин опирался исключительно на статью А. Г. Боброва, однако трактовал содержание этой работы весьма своеобразно. Так, А. Г. Бобров, описывая конволют, отметил владельческую помету «Демидки Воинова» на л. 64–139, то есть в начальной части большого летописного фрагмента (л. 64–499 в «Копенгагенском сборнике»), что отмечено и в самой скрепе — «К сей книге летописца (так в статье А. Г. Боброва! — Л. Т.) от (так!) Демитъка Воинова...». На основе совпадения имени и фами-

---

С. 474). Более подробно, с указанием листов, а не просто с отмеченными теми или иными водяными знаками, в появившемся через шесть лет после работы Г. Сване описании указаны филигранные (Svane G. Slavonic manuscripts... P. 80; Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 474). Вместе с тем, воспроизведение Г. Сване некоторых из довольно многочисленных, имеющих в «Копенгагенском сборнике» помет представляется более точным. На наш взгляд, помета на л. 61, начинающаяся словами «Благородному и высокопочтенному господину, господину...» с упоминанием «брата Максима Григорьевича» и словами «здравствуй на многия лета», которая, по мнению А. Г. Боброва, состоит из трех фрагментов (Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 475), является достаточно характерным для русского эпистолярного жанра XVII в. началом частного письма (см., например: Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). М., 1965; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. С. 15–43; Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 1. М., 2001; Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1–2. М., 2012–2013; Тимошина Л. А. Элементы формуляра в письмах Ивана Андреевича Шергина // Монфоко. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Т. 1. М.; СПб., 2077. С. 442–471; Новохатко О. Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018), адресованного неким человеком своему родственнику, и, тем самым, представляет единую запись, что вполне точно и отражено в описании Г. Сване (Svane G. Slavonic manuscripts... P. 87). Впрочем, обратившегося одновременно к этим двум работам читателя ждут и более серьезные затруднения, связанные с различным прочтением Г. Сване и А. Г. Бобровым имеющей большое значение для воссоздания истории «Копенгагенского сборника» владельческой пометы Ф. В. Дохтурова (разночтения выделены курсивом): «Си есть книга глаголемая Летописецъ Федора Васильева, сына Дохтурева, досталася сия книга с роздолу послу» (Svane G. Slavonic manuscripts... P. 87) — «Сия книга глаголемая летопись Федора Васильева, сына Дохтурева, досталася сия книга с розделу после» (Бобров А. Г. Копенгагенский сборник ... С. 475). Определить, кто из археографов при передаче этой записи был более скрупулезен, при отсутствии в обоих случаях ее факсимильного воспроизведения читатель не сможет. Точно так же, без надлежащего палеографического материала невозможно понять, кто же из археографов прав: Г. Сване, указавший, что рукопись написана различными почерками (Svane G. Slavonic manuscripts... P. 80), или А. Г. Бобров, считавший, что весь текст, отметки счета тетрадей и киноварные пометы принадлежат одному писцу (Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 464). Кроме того, серьезным недостатком обоих описаний является то обстоятельство, что ни один из археографов не представил роспись тетрадей конволюта, хотя и тот, и другой отметили наличие нескольких систем счета тетрадей на полях (Svane G. Slavonic manuscripts... P. 80–81; Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 464).

лии-прозвища владельца «летописца» отождествил его с упомянутым единственным раз в исследовании М. Н. Тихомирова одним из вождей Псковского восстания 1650 г. стрельцом Демидом Воиновым²⁴⁹ и увидел в этом человеке писца всей рукописи.²⁵⁰ Допустимо ли на основании единственной, не охватывающей все читающиеся в сборнике разного, а не только летописного содержания тексты, скрепы, без подробного палеографо-кодицилогического описания конволюта и полного изучения истории его создания атрибутировать весь сборник Д. Воинову? Ответ должен быть отрицательным, и, видимо, автор статьи 1999 г., не чувствуя полной уверенности в точности определения имени единственного, по его мнению, писца «Копенгагенского сборника», посчитал необходимым выразить некоторые сомнения словами «вероятный составитель». Однако отразившееся хотя бы в заголовке работы 1999 г. *предположение* под пером автора новейшего сочинения превратилось в *полную уверенность*: С. М. Шамин постоянно пишет, подразумевая весь «Копенгагенский сборник» с читающимися на расположенных весьма далеко от летописного текста с указанной пометой повествованиями о знаменях (Л. 679 об., 762–762 об.), о принадлежности рукописи стрельцу Демидке Воинову, искажая тем самым историографическую ситуацию и создавая у читателей теперь уже своей книги ложное представление о якобы твердо установленном факте, что не соответствует действительности.

Если же обратиться к первому привлекаемому С. М. Шаминым тексту — «О чуде в Линберской земле», то сразу же обращает на себя внимание одно интересное обстоятельство. Автор книги посчитал необходимым полностью воспроизвести указанный текст, обосновав свои действия следующим образом: «Поскольку сообщение имеет очень небольшой размер, то приведем его полностью» (С. 56). И далее в кавычках, но без ссылок на источник заимствования следует рассказ о «чуде» (С. 56–57). Однако в статье А. Г. Боброва этот же текст по хранящейся в Копенгагенской королевской библиотеке рукописи уже был опубликован в сопровождении почти тех же самых слов: «Приведем этот небольшой текст полностью».²⁵¹

Можно было бы думать, что автор книги решил не затруднять пожелавшего обратиться непосредственно к тексту этого повествования читателя поисками вышедшего более 20-ти лет тому назад тома «Трудов Отдела древнерусской литературы», но почему же, в таком случае, из второго, занимающего немногим более места сообщения о различ-

²⁴⁹ Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России в XVII в. М., 1969. С. 57.

²⁵⁰ Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 471, 475. В описании Г. Сване эта скрепа не указана.

²⁵¹ Там же. С. 470.

ных действиях турецкого флота у побережья Италии, С. М. Шамин процитировал, опять-таки без необходимых сносок, только фрагмент о «знамени на солнце» (С. 57), также не упомянув, что весь этот рассказ в полном виде уже был опубликован А. Г. Бобровым?²⁵² Представляется, что и здесь можно говорить о проявлявшейся и ранее тенденциозности авторской позиции, когда основное внимание привлекает описание только чего-то заведомо сверхъестественного, неких зримых проявлений «высшей воли», в противовес, например, сугубо «земному» повествованию о действительно имевших место морских походах. Такой подход к материалу, если не оправдан, то понятен в более ранней статье, основным объектом которой, повторимся, являлось рассмотрение именно выражавшегося в «небесных знамениях» «чуда» и никакие морские маневры были не нужны, но почему же в новейшее, посвященное совсем другим вопросам (см. Введение) сочинение не были внесены необходимые дополнения? Что же касается отсутствия и в статье 2018 г., и в книге 2020 г. ссылок на конкретные страницы статьи А. Г. Боброва с публикацией этих двух текстов, кроме самого общего указания на всю появившуюся в 1999 г. работу этого исследователя (С. 56, примеч. 5),²⁵³ то будем расценивать данное обстоятельство как досадную небрежность.

Остановимся теперь на трактовке С. М. Шаминым этих, читающихся в «Копенгагенском сборнике», «знамений».

Повествование «О чуде в Линберской земле», исходя из указанной географической приуроченности, связано с расположенным в Нижней Саксонии в 50 км от Гамбурга немецким городом Люнебургом и его окрестностями, в XVI–XVII вв. — столице герцогства Брауншвейг-Люнебургского, откуда, видимо, и появилось более широкое определение «Линберской земли».²⁵⁴ В рукописи «Копенгагенского сборника» отмечено, что «чудо» произошло 9 июля, но год не указан, точно так же, как в начинающем этот текст слове «Лета» нет начальной буквы «Л». А. Г. Бобров считал, что отсутствие и того, и другого элемента объясняется тем, что «писец оставил место, предполагая

---

²⁵² См.: Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 463. Впрочем, этот рассказ в полном виде был повторно, вслед за А. Г. Бобровым, опубликован С. М. Шаминым в более ранней, весьма интересной, содержащей большой объем сведений статье (Шамин С. М. Новости о церковной жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-ой половине XVII века // ВЦИ. 2009. С. 253). Не исключено, что автор книги посчитал излишним печатать этот текст в третий раз, но и не уведомил читателей о двух предшествующих публикациях.

²⁵³ Шамин С. М. «Чудо» сопротивляется научному знанию. С. 33, примеч. 4.

²⁵⁴ А. Г. Бобров отождествляет «Линберскую землю» непосредственно с городом Люнебург (Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 470, примеч. 42), что не вполне точно.

вписать буквицу и кириллические цифры киноварью».²⁵⁵ Однако, перечисляя, пусть и не полностью, при общем описании конволюта киноварные заголовки и буквицы, исследователь не отметил ни одного указания на год, выполненного киноварью, чего вполне можно было бы ожидать, например, на пространстве обширных текстов с летописными статьями,²⁵⁶ с одной стороны, а с другой — не упомянул об оставленном между словами «[Л]ета» и «июля» свободном для вписывания буквенной цифири месте. Просто же поместить между ними три или четыре (в таком случае — добавлением знака «тысяч») выполненные киноварью буквы было бы крайне затруднительно. Конечно, при необходимости, писец мог бы воспользоваться полями листа, прежде всего, его левым полем, так как текст «Чуда» написан на л. 679 об., но и такое, судя по описанию, не имеющее в сборнике аналогов решение не кажется вероятным. Не отмечает наличие пустого пространства между словами в начале повествования «О чуде в Линберской земле» и Г. Сване, хотя отсутствие в этом месте указания на год не ускользнуло от его внимания.²⁵⁷ Позволим поэтому предложить свое объяснение этого интересного «палеографического» обстоятельства.

Допустимо полагать, что указание на год отсутствовало уже в использованном писцом антиграфе, видимо, русском переводе сообщения «О чуде в Линберской земле» из какого-то западноевропейского информационного, скорее всего, немецкоязычного издания. Из факсимильно воспроизведенных И. Майер страниц немецких газет следует, что в каждом номере помещалось по несколько, сопровождаемых указанием только на *число* и *месяц* сообщений, а год отмечался всего лишь раз — в верхней части первого листа; то же самое, с единственным различием, относится и к голландским газетам — год обозначался внизу последнего листа. Следовательно, можно думать, что в руки этого человека, не исключено, совсем не случайно, если согласиться с мнением А. Г. Боброва об интересе составителя всего «Копенгагенского сборника» или, добавим мы, только заключительной части конволюта, одновременно и к небесным знамениям, и к зарубежным событиям, попал перевод (немецкоязычный список допустим, учитывая пограничное положение Пскова и постоянные контакты его жителей с иностранцами²⁵⁸), но этому предположению мешает совершенно «рус-

---

²⁵⁵ Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 470. В публикации А. Г. Боброва начало этого текста представлено как «[Л]ета [], июля в 9 день...» (Там же). У С. М. Шамина вторые квадратные скобки заменены отточием (С. 56).

²⁵⁶ Там же. С. 475–476.

²⁵⁷ Svane G. Slavonic manuscripts... P. 86.

²⁵⁸ См., например: Хорошкевич А. Л. Ремесло Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII в. // Города феодальной России. Сборник статей памяти Н. В. Устюгова.

ское» начало «[л]ета») только одного из опубликованных в некоей газете сообщений, посвященного описанию именно этого события с указанием на число и месяц, но никак не на год.

Впрочем, такая хронологическая неточность не помешала С. М. Шамину сделать вывод: «Перед нами яркие фантастические образы, которые дают читателю широкий простор как для толкования в контексте текущей политической обстановки в регионе, так и для эмоционального переживания чуда» (С. 57). Сразу же хочется спросить, что имеется в виду под этой самой «текущей» политической обстановкой, если год в опубликованном А. Г. Бобровым и перепечатанном С. М. Шаминам тексте не указан? Понятно, что читатели западноевропейской газеты могли соотнести друг с другом все отмеченные там, пусть и в разных местах, даты, но переписавший перевод русский человек, сейчас неважно, Д. Воинов или кто-то другой, такой возможности не имел. Как же в таком случае он мог «толковать» происходившее в «Линберской земле», если этот житель Пскова действительно интересовался указанным регионом?

Еще удивительнее читающееся далее и в статье С. М. Шамина 2018 г., и в книге 2020 г.: «Любопытно, что при поиске в Google по случайным фрагментам данного текста поисковик выдает ссылки на народные заговоры, а также поэзию А. А. Ахматовой, В. В. Набокова и другие литературные произведения» (С. 57). Признаемся откровенно, мы не в силах понять, как полученные подобным образом «ссылки» на творчество отдельных поэтов и писателей или даже «народные заговоры» могут помочь при изучении совершенно иного по своему содержанию, предназначению и хронологии памятника письменности. Это все равно, что в любую поисковую систему ввести слово «блок» и по полученным результатам анализировать творчество известного русского поэта Серебряного века, пытаясь найти в произведениях А. А. Блока отражение работы неких механизмов.

Кроме того, излагая полученные результаты, С. М. Шамин несколько лукавит. Если ввести предложенную им в качестве примера строку «Небо было сине, а месяц был полн и светел, и со входу с правые стороны показался в месяце человек» (С. 57, примеч. 6) в поисковик Google, то любой, проделавший такую операцию (предлагаем читателям провести этот несложный опыт самостоятельно), действительно получит огромное количество ссылок на произведения не только указанных им авторов, но и А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. А. Бунина, того же А. А. Блока, Н. Н. Носова, если угодно, В. Ерофеева, А. И. Сол-

---

М., 1966. С. 207–215; Стефанович П. С., Морозов Б. Н. Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатъевича: псковский архив английского купца 1680-х годов. М., 2009.

женицына и многих других. Только в качестве поисковых элементов будет выделяться не все предложение, а его отдельные элементы — «небо синее», «месяц полный», «со стороны входа» и т. д., то есть самые обычные выражения, возможно, привнесенные в текст «О чуде в Линберской земле» переводчиком, но, не исключено, читавшиеся и в иноязычном оригинале (этот вопрос автором книги даже не ставится). А если все же попытаться поискать процитированное в полном виде, то можно получить ссылки только на работы тех же А. Г. Боброва и С. М. Шамина.

Что же заставило автора новейшего, благодаря грифам двух, связанных с историческими исследованиями учреждений и именам четырех уважаемых рецензентов представляющегося в качестве научного сочинения прибегнуть к такой, крайне сомнительной практике, если не считать стремления во что бы то ни стало идти в ногу со временем? Ответ найдется, если прочитать следующее далее за экзерсисом с Google суждение. Обращение к именам А. А. Ахматовой и В. В. Набокова (заметим, впрочем, что отношение к их творчеству у различных читателей может быть неоднозначно) понадобилось С. М. Шамину для доказательства того обстоятельства, что Демидку Воинова «явно привлекали сочинения с беллетристической составляющей», с дальнейшим перечислением «литературных», по мнению С. М. Шамина, памятников, входящих в состав «Копенгагенского сборника» — Слово «о Стефане корчмарце, како царя Фоку погуби и братию его на едину ночь», «Задонщина» и «Повесть о царице Динаре» (С. 57). Мы не беремся судить о литературных достоинствах переводного, подчеркнем это обстоятельство еще раз, текста «О чуде в Линберской земле», на наш взгляд, их не так уж и много, но заметим, что простого перечисления имеющих, по мнению С. М. Шамина, «в большей мере литературный, чем исторический» характер включенных в конволют памятников,²⁵⁹ для сделанного в книге вывода недостаточно. Слово «о Стефане корчмарце...», как бы ни оценивать его содержание, входит в начальную в настоящий момент часть конволюта (л. 1–30), основное содержание которой связано, по определению Г. Сване, с болгарским оригиналом византийского Физиолога с включенными в его текст, но не имеющими ничего общего с этим произведением отрывков.²⁶⁰ В таком случае, кем бы ни был писец составитель конволюта, в своем интересе к этой рукописи он руководствовался отнюдь не пристрастием к художественным произведениям, а стремлением включить

---

²⁵⁹ Очевидно, что их названия были почерпнуты из описания сборника А. Г. Боброва, но опять-таки без ссылок на соответствующие страницы статьи предшественника.

²⁶⁰ *Swane G. Slavonic manuscripts... P. 81.*

в него текст с описанием животных, птиц, минералов, с перечислением их особенностей и свойств и их символическим толкованием.²⁶¹

Не вполне убедителен и декларируемый С. М. Шаминам интерес составителя рукописи к «Сказанию о Мамаевом побоище» именно как к литературному произведению, которое, по мнению автора книги, «хотя и входит в число важнейших источников наших знаний о Куликовской битве, но все же является литературным памятником» (С. 57). В «Копенгагенском сборнике» в его настоящем виде, помимо «Сказания о Мамаевом побоище», есть еще два, не отмеченные С. М. Шаминам, повествования: «Повесть о нашествии Тохтамыша в 1395 г.» (л. 613–628 об.) и «Повесть о нашествии Темир-Аксака на Русь в 1395 г.»²⁶² о которых не обратившийся непосредственно к статье А. Г. Боброва (или описанию Г. Сване) читатель так и не узнает. Налицо созданная, видимо, совершенно сознательно подборка из трех тематически близких памятников, посвященных борьбе русских людей с татаро-монгольскими и тюрко-монгольскими завоевателями в последней четверти XIV в.²⁶³ Эти произведения привлекли внимание составителя, по всей вероятности, именно сообщавшимися там сведениями исторического характера, что хорошо соотносится с преобладанием в «Копенгагенском сборнике» летописных текстов — 413 листов из 770,²⁶⁴ чем своими литературными достоинствами.

Что же касается «Повести о царице Динаре», оценка содержания которой на протяжении XVI–XVII вв. менялась от публицистически-повествовательного и нравоучительного до развлекательного благодаря

---

²⁶¹ О Физиологе см., например: *Белоброва О. А. Физиолог // СКЖДР. Вып. 1. Л., 1987. С. 461–462; Юрченко А. Г. Александрийский «Физиолог»: зоологическая мистерия. СПб., 2001.*

²⁶² *Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 476.*

²⁶³ Прочитанное Г. Сване заглавие «Сказания о Мамаевом побоище» из «Копенгагенского сборника» — «Сказание о задонском бою, похвала великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю» (*Svane G. Slavonic manuscripts... P. 82–83*) — полностью совпадает с приведенными Л. А. Дмитриевым заглавиями этого памятника по спискам в датированных исследователем XVII в. сборниках из собраний И. Е. Забелина (ГИМ) и М. П. Погодина (РНБ) (*Дмитриев Л. А. Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 489* (текст сказания по «Копенгагенскому сборнику» в этом описании не учтен)). Остается, к сожалению, не вполне понятным одно, связанное с этим памятником обстоятельство. А. Г. Бобров отмечает, что в «Копенгагенском сборнике» на л. 64–458 находится текст Софийской I летописи до 1381 г. (*Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 475*). Если это так, то там должен иметься и текст летописной повести о Куликовской битве, читающийся в этой летописи под 1380 г. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 455–471). Однако установить из предложенного описания, так ли это, не удается.

²⁶⁴ *Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 475–476.*

характерной для «Повести», по словам Т. С. Троицкой, «слитности» «„чудесного“ и „воинского“ начал»,²⁶⁵ то, рассматривая ее место в ряду других, включенных в «Копенгагенский сборник» произведений можно отметить ее смысловую близость сразу к двум имеющимся там подборкам. Во-первых, «хождения» и посольства за рубеж — Василия Позднякова, Антония Новгородца, Андрея Шеина или описание различных далеких территорий — «Сказание о Святогорских монастырях», «Роспись Китайскому государству»;²⁶⁶ во-вторых, указанные повествования о борьбе с чужеземными захватчиками. Соответственно, «Повесть о царице Динаре», действие которой происходит, с одной стороны, за пределами Русского государства в «Иверском царстве», а с другой — посвящено описанию войны грузинской царицы с персами, что, по мнению исследователей, сближает этот текст и с воинскими повестями, и с летописцами, придавая ему характер опять-таки исторического повествования.²⁶⁷

Таким образом, на наш взгляд, ни один из приведенных С. М. Шамина примеров не дает автору книги, даже с учетом всех его поисков и находок в интернете, оснований утверждать, что «автора» «Копенгагенского сборника» привлекали именно «беллетристические сочинения. Наоборот, этот человек, будь-то Демидка Воинов или кто-то еще, скорее, интересовался памятниками исторического характера.²⁶⁸

Второе, читающееся в «Копенгагенском сборнике», связанное с некими «небесными знаками» свидетельство о «великом знамени» в солнце предваряется текстом с изложением истории появления русского перевода в Пскове и рассказом о действиях турецкого флота, который С. М. Шамин, как отмечалось выше, не посчитал нужным не только повторно опубликовать, но и внимательно прочитать. Иначе

---

²⁶⁵ См.: Троицкая Т. С. Повесть о царице Динаре // СКЖДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 290–293.

²⁶⁶ Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 475–476.

²⁶⁷ Троицкая Т. С. Повесть о царице Динаре. С. 291.

²⁶⁸ Заметим попутно, что текст «О чуде в Линберской земле» не единственное, связанное с Псковом известие об этой территории: 15 июня 1646 г. в Москву именно из этого города были присланы «писменные немецкие вести» о различных внешнеполитических событиях, в том числе с перечислением имен послов, включая представителя Брауншвейг-Люнебургского герцогства, присутствовавших на переговорах в Оснабрюге о мирном договоре (см.: Прокопьев А. Ю. Тридцатилетняя война. СПб., 2020. С. 268–275; ВК IV. С. 113). Налицо интерес властей, а не исключено, и жителей пограничного города, то есть той самой воспринимающей стороны, о которой С. М. Шамин писал во «Введении», к событиям, происходившим на расположенных не так уж далеко землях Нижней Саксонии, однако эта возможная, интересная для анализа бытования на русской почве «европейских информационных изданий малых форм» связь осталась за пределами внимания автора книги.

трудно объяснить заявление автора новейшего сочинения о том, что «в рукописи сообщается, что изначально это было немецкое вестовое письмо, которое ходило „у датских немец свеискими ... меж собою“» (С. 57). На самом деле, ничего подобного в тексте не говорится: 20 апреля 1645 г. находившийся в этот момент в Пскове переводчик Посольского приказа Матвей Верес²⁶⁹ подал псковскому воеводе А. Ф. Лыкову и дьяку Г. Углеву русский перевод с «немецкого письма», которое передал ему на псковском Гостином немецком дворе приказчик голландского купца Альбрехта ван дер Блока Яган ван Стаден.²⁷⁰ Далее говорится, что это письмо приказчик получил 5 июня, по-видимому, предыдущего, 1644, года от своего находившегося в Псковском Печерском монастыре хозяина, а к самому Альбрехту ван дер Блоку письмо было прислано из Риги, где этим же летом обращалось в среде датчан и шведов.²⁷¹ Из рассказанного переводчиком понятно, что, прежде чем попасть да еще в русском переводе псковскому воеводе, это письмо прошло через многие руки, но так же очевидно, что иноязычный оригинал представлял собой некое частное послание, возможно, изначально и основанное на прочитанной в какой-то немецкоязычной газете корреспонденции, однако уже потерявшее характер информационного сообщения. Да и разрыв в год между датами описываемых событий и подготовкой русского перевода существенно снижал его новостную, сиюминутную ценность. Поэтому можно согласиться с А. Г. Бобровым, что «по жанру» текст с описанием действий турецкого флота весной 1644 г. и «великого знамения» в солнце «близок „Вестям-Курантам“», подразумевая первоисточник попавших в доставленное воеводе А. Ф. Лыкову и дьяку Ф. Углеву послание сведений, но напрямую оценивать этот документ как «вестовое письмо», на наш взгляд, не приходится.²⁷²

²⁶⁹ О нем подробнее см.: *Бобров А. Г.* Копенгагенский сборник... С. 465–466; *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа... С. 76–77. В этом справочнике «фамилия» переводчика воспроизводится как «Вейрес» («Вейерс», «Вересов»), форма написания «Верес» не учтена.

²⁷⁰ О внешнеторговых связях Пскова см., например: *Юрасов А. В.* Внешняя торговля Пскова в XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Котилайне Я. Т.* Борьба за русский рынок: голландские купцы в Архангельске и на Балтике в конце XVII столетия // *Нидерланды и Северная Россия.* СПб., 2003. С. 74–100.

²⁷¹ *Бобров А. Г.* Копенгагенский сборник... С. 463.

²⁷² Одновременно вряд ли прав А. Г. Бобров, назвавший этот документ «Письмо воеводе Лыкову»: в опубликованном им тексте никаких указаний на адресата или на то, что Альбрехт ван дер Блок, пересылая письмо из Печерского монастыря своему приказчику в Псков, попросил его или приказал обязательно передать послание воеводе или дьяку, нет. Показательно, что и Матвей Верес получил это письмо на Гостином дворе, где, видимо, находился Яган ван Сведен, а не в воеводской избе,

Еще одно «литературное», попавшее в рукописный сборник, но тесно, по мнению С. М. Шамина, связанное с западноевропейскими изданиями малых форм свидетельство относится к появившейся в 1692 г. комете в «Венгерской земле». Сравнивая тексты русских переводов об этом астрономическом явлении из хранящегося в ГИМ в собрании графа А. С. Уварова сборника и столбца из фонда-коллекции «Иностранные ведомости (куранты) и газеты» РГАДА, С. М. Шамин приходит к выводу: «Очевидно, что оба текста являются разными переводами одной газетной публикации» и, отмечая далее некоторые имеющиеся в этих источниках различия, подчеркивает, правда, уже не столь уверенно: «Скорее всего, оригиналом для перевода стал один и тот же экземпляр издания из Посольского приказа» (С. 67–68). Однако, если воспользоваться предложенной С. М. Шаминым таблицей с текстологическим сравнением двух переводов, то, помимо отмеченных им многословности текста из уваровского сборника, допущенной там при передаче координат ошибке, в результате которой градусы (степени) превратились в селения, а в столбце — пропуском переводчиком названия горы, около которой было видно комету, и различным определением длительности «знаменательного» происшествия, к ним можно добавить различия в обозначении даты — «в мае месяце в прошлого (так!) 1692 году» (уваровский сборник) и «марта в 15 день» (приказной перевод), упоминание на «всход» и запад», где показа-

---

причем и приказчик голландского купца не спешил отправиться в городскую администрацию, чтобы непременно выполнить поручение хозяина, если такое действительно существовало, а дождался удобного и избавляющего его от излишних хлопот случая. Точно так же, вряд ли стоит связывать интерес псковского воеводы к этому письму, как это делает автор описания «Копенгагенского сборника», «с тревожными слухами и предчувствиями весны и лета 1645 г.», подразумевая, с одной стороны, неудачные попытки склонить находившегося в Москве датского королевича Вальдемара к принятию православия и стремление «датчан выбраться из Москвы», а с другой — все более явное и усиливающееся недомогание царя Михаила Федоровича (Бобров А. Г. Копенгагенский сборник... С. 468–469). Он, видимо, не заметил, что описываемые в письме события относятся не к 1645, а к 1644 году. Читающееся в письме описание походов 20 и 21 апреля 1644 г. десятков турецких военных кораблей из «Серосеуса» (возможно, Сиракуз) мимо Мальты и в направлении «Тилианской» земли связано с напряженными отношениями Османской империи с итальянскими государствами и мальтийскими рыцарями, которые в недалеком будущем приведут к Критской войне, но никак не касаются русско-датских отношений и неудачного сватовства сына датского короля Кристиана IV к дочери царя Михаила Федоровича. Между прочим, о побывавшем на Мальте турецком корабле сообщалось в корреспонденции из Лиона от 13 сентября 1643 г. (ВК II. С. 48, 241), причем это и другие содержащиеся в различных «печатных и письменных вестовых листах» сообщения были доставлены в Москву 22 ноября того же года именно из Пскова, который, таким образом, в 1640-х годах является одним из пунктов поступления иностранных газет в Русское государство.

лись две «свечи» (уваровский сборник), превратилось в указание на те же стороны света, только между ними оказалось еще и облако, а свечи были заменены «столпами огненными» (приказной перевод), войско появилось «на горах и у виноградных садов также и на долинах» (уваровский сборник) или «на холмах и в ровех» (приказной перевод), это явление видели «не токмо в городе Финкирхене ... все граждане, но и цесарские воинские люди, которые на залоге в Венгерской земле наипред еще жителей финфъхернских» (уваровский сборник) или «караулщики и посадные (так!) и градские люди многие» (приказной перевод, без упоминания названия города) и др. Все вместе взятое не позволяет, как представляется, обоснованно утверждать, что оба перевода делались с имевшейся в Посольском приказе одной и той же иноязычной газеты, а читающееся в уваровском сборнике определение 1692 г. как «прошлого», свидетельствующее о более позднем попадании этих сведений в рукопись, требовало бы внимательного источниковедческого изучения всего состава этой рукописи для выяснения остающихся читателю неизвестными времени, места и обстоятельств ее создания, а не простого цитирования вкупе с довольно странной по форме ссылкой на место хранения.²⁷³ По всей вероятности, в данном случае, как и в отношении землетрясения 1542 г. в итальянском и греческом городах, речь идет о двух, посвященных одному и тому же *событию* — появлению в 1692 г. кометы в «Вен-

---

²⁷³ «ГИМ. Собр. А. С. Уварова № 5. Формат 4. С. 620–621 (Л. 309–310)» (С. 66, примеч. 28). Как известно, собрание графа А. С. Уварова, переданное в 1917 г. по его завещанию из усадьбы Поречье в Государственный Исторический музей (*Щепкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958. С. 36–39), было впоследствии разделено, исходя из видовой принадлежности и содержания входивших в него памятников, а также, по-видимому, ориентируясь на два отдельных справочника с описаниями этого собрания (*Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-российского рукописного собрания графа А. С. Уварова в четырех частях. Ч. 1–4. М., 1893–1894; *Катаев И. М., Кабанов А. К.* Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Акты исторические. М., 1905) между двумя хранилищами — Отделом рукописей и Отделом письменных источников, которые в настоящее время находятся в разных, относящихся к музейному комплексу зданиях. Поэтому при обращении к материалам из коллекции графа А. С. Уварова стоило бы оговаривать конкретное место их хранения. Впрочем, не отличаются точностью и некоторые другие ссылки на архивные материалы. Так, в предшествующей указанию на уваровский сборник сноске можно видеть: «РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Устюг). Ед. хр. 16а. Л. 350» (С. 66, примеч. 27). Если точно следовать за напечатанным, то получается, что вся первая опись фонда-коллекции «Боярские и городские книги» посвящена связанным с Великим Устюгом материалам. На самом деле, это разумеется не так (см.: *Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись. 1495–1718 гг.* М., 1972), и указание на город должно сопровождать только номер конкретной единицы хранения, так как относящиеся к различным городам книги имеют свою, отдельную, систему нумерации.

герской земле», документах, но видеть для них один и тот же *про-тограф* в виде находившегося в стенах Посольского приказа экземпляра европейской газеты оснований нет.

Второй раздел этой главы в книге С. М. Шамина имеет заголовок «Знамения в приказных документах» и открывается своеобразным предуведомлением читателю книги 2020 г., которое считаем необходимым воспроизвести, так как следующий далее текст, не являясь повторением напечатанного ранее, представляет собой нечто новое, и, тем самым, эти вводные фразы раскрывает замысел автора сочинения:

Тема знамений в курантах уже рассматривалась в монографии «Куранты XVII столетия», где показано, что люди раннего Нового времени видели знаки Божьей воли в насланных или остановленных эпидемиях, а также опасных или необычных природных явлениях. Проанализирован целый блок чудесных знаков, сопровождавших кровавые битвы, а также знамения, касающиеся веры и церковной жизни. В данной работе будут отмечены лишь те случаи, когда непосредственно в документах присутствует определение «знамение» или «знак», а также наиболее интересные сообщения, не вошедшие в предыдущую книгу (С. 68).

Из этих слов, прежде всего, очевидна очередная, даже не будем пытаться определить, какая по счету, несогласованность: если вторая глава в целом называется «Небесные знаки», то подзаголовок раздела — «Знамения в приказных документах» — должен, как будто, подразумевать астрономические или атмосферные явления, которые о чем-то, пусть и сверхъестественным образом, предупреждали людей. При чем же тут «эпидемии» и гораздо, более широкий круг «опасных и необычных природных явлений» в целом? Что же касается монографии 2011 г., то большая часть приведенных в ней сведений относится к периоду царствования Федора Алексеевича, поэтому от книги 2020 г. читатель и в отношении астрономических объектов, как и в случае с землетрясениями и извержениями вулканов, вправе был ждать расширения хронологических рамок, а вместо этого получает чрезвычайно странную, никак не объясненную и не обоснованную автором оговорку о *сужении* количества рассматриваемых свидетельств только теми, где есть слова «знамение» или «знак». Почему именно ими? Может быть, именно эти «волшебные» слова играли особую роль в указанных во Введении «распространении культуры Нового времени в России» и «европеизации»? Читались ли эти выражения в иноязычных оригиналах или были привнесены только в русские переводы? Каковыми являлись количественные показатели — большее или, наоборот, меньше число сопровождаемых подобными определениями свидетельств? Все эти и многие другие вопросы остаются без ответа.

Недоумение вызывает и, видимо, происшедшее с течением времени, но никак не оговоренное, изменение авторской позиции. Если в книге 2011 г. указано, что от времени правления Федора Алексеевича сохранилось 49 сообщений об эпидемических заболеваниях — в большинстве из них кратко описывался ход болезни, последствия мора или карантинные меры и только в трех (!) случаях (около 6% от общего количества свидетельств) упоминалась «божья воля» или «божий гнев» как причина распространения или прекращения эпидемий,²⁷⁴ что подтверждает и изложенные нами выше наблюдения о почти повсеместном отсутствии религиозно-мистической составляющей при описании различных природно-антропогенных катаклизмов, то в новой книге эпидемии безусловно относятся к знакам проявления некоей сверхъестественной высшей силы.

Читая же основной текст второго раздела второй главы, можно сразу же отметить два обстоятельства. Во-первых, С. М. Шамин, помимо «небесных знаков», включает в круг «знамений» пожар (С. 70–71), видение шедшего по воздуху Христа вместе с распятием и соединенного с этим сообщением сведения о рождении у некоей женщины «страшного чуда» — наполовину жабы, наполовину рыбы (С. 71), появление в 1681 г. на турецкой границе 700 волков (С. 74), падение гроба Магомета в Мекке (С. 76), севшую в Константинополе на древнюю колонну сову (С. 75) и др., которые никоим образом не связаны с кометами, затмениями, облаками и другими объектами, включенными самим автором в начале второй главы в понятие «небесные знаки». Во-вторых, примерно половина таких, не имевших никакого отношения к астрономическим объектам, «знамений» и «знаков» описывается С. М. Шаминым при свидетельствах, относящихся к периоду Великой турецкой войны 1683–1699 гг. (С. 74–77).²⁷⁵ Однако из-за отсутствия соответствующих комментариев причины такого явления читателю остается непонятным: то ли именно этот, безусловно, серьезный военный конфликт вызвал (опять возникает вопрос: почему?) столь бурный рост религиозно-мистических настроений, то ли автор книги уделил, руководствуясь своими, также оставшимися неизвестными соображениями, основное внимание документам последней четверти XVII в. В-третьих, такой сугубо формальный, ограниченный подход не дает читателям возможности узнать о многих других, переведенных на русский язык сообщениях отчетливо выраженного пророческо-провидческого характера, где эти слова из-за особенностей лексики

²⁷⁴ Шамин С. М. Куранты XVII столетия. С. 212–213.

²⁷⁵ Рост числа сообщений о различных «чудесах» и «знамениях» в период военных действий или общего обострения международной обстановки уже отмечался в литературе, см., например: Уо Д. К. Текст о небесном знамении 1672 г. С. 201, 204–205.

то ли иностранных корреспондентов, то ли переводчиков на русский язык, то ли «редакторов», служителей Посольского приказа различного ранга, не встречаются. Приведем несколько примеров.

Так, из первого тома «Вестей-Курантов» С. М. Шамин взял уже упоминавшееся им в первой главе (С. 47) сообщение от 10 марта 1620 г. из Вены о землетрясении, сопровождавшемся двумя «чудесными» знамениями, не отметив, впрочем, что одним из них было появление трех, как и в известии о знамени 1672 г. в Венгерской земле, солнц (С. 68–69²⁷⁶), краткие рассказы о знамени в виде радуги с крестом и мечом над Брауншвейгом в 1631 г. и о появившихся в небе над Саксонией и Бранденбургом в 1638 г. «розных кровавых знаменах» (С. 69). Незамеченным же оказалось пространное и красочное описание, содержащееся в корреспонденции из «Швейцарской земли» от 1 февраля 1622 г., где действительно нет слов «знамение» или «знак», о появившихся «в ночи» на небе огне и крови, днем — сначала трех солнц, два из которых «учинились» «великим человеческим образом» и начали биться между собой, а на следующую ночь в небе видели три звезды, центральная из которых «подалась» к «Швейцарской земле».²⁷⁷ Исходя из упоминания в тексте города Бундена (возможно, город Бурхен в кантоне Урзенбах), епископа Ягана Флюха и подступавших к Эльзасу воинских «неаполитанских» («неополитцких») людях, речь шла о тех или иных религиозных столкновениях периода контрреформации. Тем самым, появление нескольких солнц, борьба двух людей и, особенно, появление одной из звезд над «швейцарской землей», безусловно, являлись символическими образами борьбы с католиками кальвинистов или представителей каких-либо других протестантских учений, широко распространенных именно в Швейцарии, и их победы.

Точно так же во втором выпуске «Вестей-Курантов» не удостоился упоминания еще один интересный текст-предвидение, содержащийся в вестях из Страсбурга 1644 г. При описании одного из сражений Тридцатилетней войны и вторжения в Голштинию шведских войск сообщалось о том, что «небесной круг покалыблялся», а после сильной грозы и бури на Эльбе из-за подъема морской воды случилось сильное наводнение, о котором «мошно говорить, что свейские з громом да с моланей в землю пришли».²⁷⁸ Налицо толкование природного явления, соединяющего в себе некий атмосферный катаклизм

---

²⁷⁶ На этот факт обратил внимание Д. К. Уо (Уо Д. К. Текст о небесном знамени 1672 г. С. 208, примеч. 17).

²⁷⁷ ВК I. С. 68.

²⁷⁸ ВК II. С. 103. См. также: С. 58 (радуга как предзнаменование удачного завершения мирных переговоров).

и сильную бурю, как знамения воинского нашествия, хотя само это сакраментальное слово в тексте отсутствует.

В третьем выпуске «Вестей-Курантов» в сообщении из города Оснабрюге (Снабрюга) от 12 февраля 1646 г. содержится рассказ о радуге как предзнаменовании удачного окончания мирных переговоров главы имперской делегации графа Максимилиана фон Траутмансдорфа (графа Трутмансдорфа) с представителями других стран в ходе Тридцатилетней войны — «бог милостию своею нам радугу показал, и многие люди то доброю признакою ставят».²⁷⁹ Одновременно трудно согласиться с предложенной С. М. Шаминам трактовкой читающегося в этом же томе краткого упоминания о ежедневном появлении «кровок знаменей» в сообщении от 18 апреля 1646 г. из немецкого города Глюкштадта (Люкстата) в земле Шлезвиг-Голштейн. По мнению автора книги, в 1646 г. «кровок знаменей» видели в нескольких регионах Дании, и причины возникновения подобного явления «составитель статьи», якобы, «связывал с тем, что в Дании „нелюбие“ между „настоятели Датские земли“ и королем, поскольку он „госпожи Христининых ... детей за выблятки почитал», в результате чего «пессимистически» настроенный «газетчик» завершил свою статью «словами „только Бог нас ото всякого зла защитит“»²⁸⁰ (С. 69).

Если отбросить в сторону возможное желание С. М. Шамина обязательно процитировать пикантный текст да еще с употребленным там кажущимся современному человеку не совсем приличным, хотя и вполне обычным для XVII в. словом,²⁸¹ то при более внимательном анализе этого сообщения вырисовывается совсем другая картина. Стоит обратить внимание на структуру самой происходящей из немецкой земли корреспонденции: сначала сообщается о намерении датского короля Христиана IV перелить большие медные пушки на малые, чтобы их можно было легче установить на кораблях, затем говорится об отказе голландских мореплавателей платить пошлины за проход через Зунд, далее следует текст о королевских, в том числе незаконнорожденных детях, между которыми «воина может учинитца и может много дивных дел быть, от которого бог милостиво защити» и сразу же после этих слов следует: «в розных местех в Шонской в Голстенской в Детмарской и в Фюнских землях кажутца ежедневно крововые знаменей которого для многово писма писать невозможно

---

²⁷⁹ ВК III. С. 58. Об этих переговорах и позициях сторон см.: *Прокопьев А. Ю.* Тридцатилетняя война. С. 268–282.

²⁸⁰ Цитируя этот небольшой фрагмент, С. М. Шамина допустил сразу две неточности: в публикации слово «бог» написано со строчной буквы, а вместо «защитит» читается «защити» (ВК II. С. 111).

²⁸¹ См.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 3. М., 1976. С. 179.

только бог нас от всякого зла защити».²⁸² Филологи, публикаторы текстов русских переводов в этом и других томах «Вестей-Курантов», придерживаясь принятых ими «лингвистических» правил издания, при сохранении имеющихся в рукописи значков в виде точек отказались от привнесения в текст современной пунктуации, раскрывающей понимание содержания источника археографами. В результате, два, следующих одно за другим, но, как представляется, разных сообщения — о королевских детях и о неких атмосферных явлениях в Голштинии и других местах — в восприятии читателей, в том числе, автора новейшего сочинения, стали одним целым. Однако это не так. Речь на самом деле идет о двух разных сообщениях, причем «кровавые знамена» упоминаются только во втором из них и, следовательно, никоим образом не связаны с чьими то ни было детьми, с дважды же повторенным в конце каждого из них обращением к высшей силе с просьбой о защите, в первом случае — от возможной междоусобной войны, во втором — в более общем виде, от любого зла, которое и предвещают эти самые, появившиеся на небе «кровавые знамена».

Интересное сообщение с явно выраженным пророческим характером, касавшееся животрепещущих и интересовавших корреспондентов «европейских информационных изданий малых форм» тем, имеется в четвертом выпуске «Вестей-Курантов», хронологически связанном с наиболее острым периодом Английской буржуазной революции — 1649–1650 годами. В корреспонденции из Лондона от 9 июля 1649 г. описывается появление в Истере (видимо, Эксетере) на небе, «меж севера и запада», двух черных облаков, как будто — двух ратей, причем «северное» облако одолело южное.²⁸³ Мы не беремся судить, какие-именно события английской гражданской войны подразумевались при этом, но упоминание тех самых «небесных знаков», воспринимаемых как предзнаменования, которым теоретически посвящена вторая глава книги С. М. Шамина, как и игнорирование автором сочинения этого свидетельства из-за формального отсутствия в данном тексте произвольно выделенных им слов, очевидны.²⁸⁴

²⁸² ВК III. С. 111.

²⁸³ ВК IV. С. 129.

²⁸⁴ В ВК IV есть еще одно символическое свидетельство о борьбе сторонников республиканского правления с представителями королевской власти и, одновременно, протестантов с католиками, подразумеваемое сообщения из английской столицы от августа 1649 г. (Там же. С. 152). Правда, в этой корреспонденции речь идет о знаменьях не в виде тех или иных атмосферных явлений, а о появлении на поле около города Герефорда (вероятно, Херефорд) умеющего говорить трехмесячного младенца, который предрек трехлетнее существование парламента, а затем переход власти к сыну казненного короля, Карлу II. Все эти тексты намного лучше, чем чрезвычайно краткие и неопределенные замечания о неких, пусть и кровавых «знаменьях»,

Известия о связанных с внутривосточной борьбой в Англии предзнаменованиях читаются и в пятом выпуске «Вестей-Курантов», материалы которого С. М. Шамин так же, как второго и четвертого выпусков этого издания, не принял во внимание. В очередной корреспонденции из Лондона от 7 апреля 1652 г. описывается «чудо, которое показалось на воздухе» на западе — пламенный меч, огненный змей и два сражающихся между собой полка,²⁸⁵ олицетворявших, возможно, участников Шотландской войны 1650–1651 годов — шотландские войска и армию лорда-протектора Оливера Кромвеля.

В этом же выпуске «Вестей-Курантов» есть два сообщения из Стокгольма и Норенберха (видимо, Нюрнберг) в «Цысарской земле» от февраля не указанного в текстах года, который составители публикации определили как 1656 г. В обоих говорится о некоей «звезде с хвостом», то есть комете, появляющейся ночью, примерно за два часа до рассвета. Автор сообщения из имперских земель значение этого «небесного знака», воспринимавшегося им как некое предзнаменование, точно определить не смог — «а х чему значит, того не вестимо», шведские же власти связывали это астрономическое явление с ожидаемыми ими вестями от находившегося в это время в Москве своего представителя — «видают на небе звезду с хвостом, а хвост на север указывает, а на всякой день ожидают вести от московского посланника», хотя и здесь смысл появления «звезды с хвостом», благоприятный для шведской короны или нет, остается непонятным.²⁸⁶

После перечисления «знамений» и «знаков», упоминавшихся в приказных документах первой половины XVII в., и переходя ко второй половине этого столетия, С. М. Шамин сразу же, без рассмотрения необходимого для подобных заключений комплекса источников, делает весьма многозначительный, но никак документально обоснованный вывод: «Со второй половины 1660-х гг. число известий о чудес-

---

возвещающих о не менее абстрактных опасностях, демонстрируют стремление людей узнать любыми способами в условиях политического и религиозного раскола общества о возможном дальнейшем развитии событий, о будущем.

²⁸⁵ ВК V. С. 37.

²⁸⁶ Там же. С. 101. В этом томе «Вестей-Курантов» есть еще один перевод, связанный, правда, не с собственно «небесными знаками», а с видимыми в небе знаменами несколько иного характера. Однако, исходя из перечисленных выше, никак не относящихся ни к астрономическим телам, ни к атмосферным эффектам появлению 700 волков на турецкой границе, падению гроба Магомета, совы и т. д., на которые сам С. М. Шамин ссылается в этой же, второй, главе, считаем возможным упомянуть сообщение от 31 марта 1655 г., где довольно красочно описывается произошедшая недалеко от Гданьска битва в небе двух птиц, и автор корреспонденции предлагает «умным людям рассудить» эту «притчу» (Там же. С. 97), соотносимую, возможно, с начавшейся менее года назад войной России с Речью Посполитой.

ных знамениях существенно выросло. Возможно, что толчок к этому дала комета, появившаяся в небе в самом конце 1664–1665 гг.» (С. 69). Действительно, астрономический объект С/1664 W1 — непериодическая параболическая комета из-за своей необычайно яркости причисленная к «Великим кометам», впервые была замечена 17 ноября 1664 г.²⁸⁷ в Испании, 18 ноября — в Китае, 2 декабря К. Гюйгенс наблюдал ее в Лейдене (комета была видна примерно до 20 марта 1665 г.), за этим небесным телом следили также в Германии, Италии, Англии, Франции, Корее, Японии. Английские ученые К. Рен и Дж. Уоллис разработали теорию о движении кометы, предположив равномерность ее скорости, итальянский астроном Джованни Альфонсо Борелли рассчитал ее орбиту, являющуюся параболической, появлялись и другие, связанные с этим небесным телом исследования.²⁸⁸ Конечно, в таких работах, несмотря на то, что в некоторых из них появление кометы С/1664 W1 связывалось и с Великой лондонской чумой 1665 г., и с Великим лондонским пожаром 1666 г., появление этого космического объекта не причисляли к «чудесным знамениям». Если же число подобных сообщений (на самом деле С. М. Шамин имеет, очевидно, в виду только русские переводы) со второй половины 1660-х годов действительно и увеличилось, то, скорее, можно говорить об общем возрастании в связи с организацией более или менее регулярной почтовой связи количества поступающих в Москву иностранных периодических изданий, на что уже обращалось внимание в литературе,²⁸⁹ а соответственно, и переводов содержащихся в них свидетельств, в том числе о различных знамениях. А чуть ниже, С. М. Шамин, пытаясь хоть как-то подтвердить сделанное *a priori* заключение и указать попавшие в Россию сообщения об этой комете, пишет:

Столь яркий небесный объект (комета 1664–1665 годов. — Л. Т.) ... вызвал большой интерес во многих странах. Несколько сообщений попало в Россию. Отметим то, в котором используется соответствующее определение. Правильнее будет сказать, что это не одно сообщение, а несколько объединенных

---

²⁸⁷ Середина ноября 1664 г., когда астрономический объект С/1664 W1 стал виден на небе в различных частях земного шара, вряд ли соответствует словам С. М. Шамина о «самом конце» этого года.

²⁸⁸ См., например: *Kronk G. W. Cometography. A Catalog of Comets. V. 1. Ancient — 1799.* Cambridge, 1999. P. 350–357.

²⁸⁹ См., например: *Уо Д. К. Истоки создания международной почтовой службы Московского государства в европейском контексте // ОФР. Вып. 19. М.; СПб., 2016. С. 394–442.* И. Майер специально отмечала, что «в 1665 г. ситуация с иностранными газетами в Москве изменилась коренным образом. Немаловажную роль сыграло в этом создание первой русской почтовой линии, соединившей Россию с Западом (через Ригу). ...газеты теперь стали приходить довольно регулярно» (ВК VI-2. С. 57, 58).

газетчиком в один блок, где сначала сообщалось, что в Стокгольме каждый день видят «звезду с хвостом, а хвост на север», затем о падающем с неба на землю «огоне» в Померании, и лишь в последней новости из Нюрнберга видимый в небе хвостатый объект назван «знаком» (С. 69).

Заметим, прежде всего, что С. М. Шамин не указывает оригинал иностранной газеты, где все эти сведения действительно бы следовали друг за другом, почему и утверждение об объединении их неким «газетчиком» в один комплекс представляется голословным. Не вполне понятна логическая связь падавшего в «Поморье» с неба на землю огня, из-за которого страдали дома и люди, с «хвостатыми звездами» Стокгольма и Нюрнберга. Недостаточно знакомый с опубликованными в «Вестях-Курантах» текстами читатель не сможет догадаться, о какой именно корреспонденции идет речь, так как необходимая для определения источника сноски в книге отсутствует. На самом деле, эти три следующие друг за другом, как и отметил С. М. Шамин, сообщения были опубликованы в пятом выпуске «Вестей-Курантов» в составе довольно большого фрагмента из столбца, хранящегося в еще одном искусственно созданном фонде-коллекции РГАДА «Приказные дела старых лет» (РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1652 г. № 122. Л. 71–81), где эти конкретные сведения читаются на л. 76–77.²⁹⁰ Подготовивший весь этот выпуск В. Г. Демьянов, ориентируясь, по всей вероятности, на читающуюся на л. 78 дату «1656-го году генваря в 12 день» и упоминания на других листах, правда, без года, 3, 9, 11, 20 декабря, 22 и 25 января 9 и 19 февраля,²⁹¹ датировал весь комплекс временем 3 декабря [1655 г.] — 19 февраля 1656 г.²⁹² Такая датировка вступает в явное противоречие с мнением С. М. Шамина, который, судя по контексту приведенной выше цитаты, безусловно связывает сообщения из Швеции и Баварии, даже если не обращать внимание на сведения из Померании, непосредственно с кометой середины 1660-х годов, то есть астрономическим объектом C/1664 W1. Следовательно, и датироваться эти свидетельства должны временем от 17 ноября 1664 г. до примерно 20 марта 1665 г., а не указанным в публикации периодом. К сожалению, автор книги не привел никаких, своих собственных или принадлежащих кому-то из коллег обоснований, столь явного и уверенного изменения датировки. Поэтому нам не остается ничего иного, как реконструировать возможный ход авторской мысли.

Есть все основания полагать, что столь радикальное уточнение даты этих сообщений было связано с проведенным И. Майер чрезвы-

²⁹⁰ ВК V. С. 101.

²⁹¹ Там же. С. 99–102.

²⁹² Там же. С. 99.

чайно интересным изучением оригиналов иноязычных периодических изданий и их сопоставлением с русскими переводами в период подготовки шестого тома «Вестей-Курантов».

Действительно, говоря о довольно пространным первом сообщении в этой подборке, обозначенном без указания года как «декабря в 20 день», где на основе грамоток из Алкарии, Александрии, Иерусалима, Хеврона и Хора рассказывалось «о новом иудейском пророке» Нафане Леви, его «чюдесех» и пророчествах, «что он в Газе пророчествовал о востании народа жидовского и о царстве их...»,²⁹³ исследовательница справедливо и строго доказательно связала это повествование с занимавшими большое место в переводах 1665–1666 годов текстами из немецких и голландских газет и отдельных брошюр о появлении иудейского «мессии» Саббатаи Цви, его пророке Нафане и движении их сторонников.²⁹⁴ В отношении же этого конкретного текста И. Майер пришла к выводу, что первоначально он был напечатан в Данциге или Кенигсберге в несохранившейся немецкой газете с датой 20 декабря 1665 г., и на этой основе появилась русская версия.²⁹⁵ Конечно, такое изменение даты, на первый взгляд, хронологически гораздо ближе к времени прохождения кометы мимо Земли. Вместе с тем, разрыв в девять месяцев между временем, когда астрономический объект C/1664 W1 перестал быть виден с нашей планеты (середина марта), и выходом газеты со свидетельством о Нафане Леви заставляет задуматься о причине публикации сообщений о давно ушедшем в глубины космоса этого небесного тела, при условии, что речь идет об одном и том же периодическом издании с разными новостями. Если же дело касается разных газет, то насколько правомерно распространять и на это издание предложенное И. Майер уточнение хронологии совершенно другой корреспонденции?

Для выхода из этой затруднительной ситуации вернемся еще раз ко всему комплексу опубликованных в пятом выпуске «Вестей-Курантов» из столбца № 122 текстов л. 71–81.

²⁹³ ВК V. С. 99–100.

²⁹⁴ ВК VI-2. С. 110–115.

²⁹⁵ Там же. С. 115–117. Высоко оценивая проделанную И. Майер источниковедческую работу, все же отметим небольшую, допущенную исследовательницей неточность в следующем утверждении: «...в РГАДА эти листы (с сообщением о пророке Нафане. — Л. Т.) ошибочно отнесены к 1652 году, а издателями ВК они датированы 1655–1656 годами» (Там же. С. 115–116). Л. 71–73 входят в состав довольно большого столбца (95 л.), датированного сотрудниками Н. Н. Бантыш-Каменского во время проводившейся в конце XVIII в. архивной реформы, которая выразилась в расформировании хранившегося в МАКИД единого архива Посольского приказа на целый ряд фондов-коллекций, а затем указание на этот год было просто перенесено на наклейку на папке со столбцом.

И. Майер, описывая структуру столбца № 122, выделила в нем, правда, не указав критерии такого деления, три части:

а) л. 71–75 с относящимися к 1666 г. переводами;

б) л. 76–77, тексты, источники которых (европейские периодические издания) исследовательница не смогла установить, но на основе анализа их содержания предположила, что они написаны в 1660 г.;

в) л. 78–81 с читающейся на первом из них датой — 1656 г. января 12.²⁹⁶

С таким трехчастным делением согласился и С. М. Шамин, в том числе и с датировкой л. 71–75 как подготовленных (русские переводы) в 1666 г., а описываемых на л. 76–77 событий — к 1660 г. От себя он добавил их палеографический анализ: л. 71–75 написаны одним почерком, а л. 76–81 — другим.²⁹⁷ Однако, в таком случае, читающиеся на л. 76–77 сообщения из Стокгольма и Нюрнберга о звезде с хвостом и некоем «знаке» также с хвостом наверху никак не могут относиться к 1664–1665 годам, времени появления кометы C/1664 W1. Иными словами, содержащееся в книге 2020 г. и основанное именно на этих сообщениях утверждение о попадании, в связи с общим, вызванным этой кометой интересом в разных странах, в Россию нескольких сообщений о данном небесном теле полностью противоречат написанному в 2009 г., и это несоответствие в новейшем сочинении никак не оговорено.

Со своей стороны, предложим принципиально не отличающееся от построений И. Майер — С. М. Шамина, но с некоторыми уточнениями деление этих листов не на три, а на четыре микрокомплекса, обращая внимание на расположение отдельных сообщений на столбцовых листах — занимают ли они один или несколько листов целиком или в том или ином сочетании соседствуют на пространстве одного листа с другими корреспонденциями:

первый микрокомплекс — сообщения из Венеции от 20 декабря о пророке Нафаниэле и от 3 декабря о восстании паши города Сория (л. 71–73);

второй — сообщения из Парижа и Вены от 11 и 9 декабря о положении епископа Мюнстерского (л. 74–75);

третий — сообщения от 9 февраля из Вены о взятии турецкими войсками венгерского города Большого Вардына, от 19 февраля из Копенгагена о многолюдном собрании в этом городе и не имеющие вообще никаких дат свидетельства из Стокгольма о «звезде с хвостом», из Померании о падающем с неба огне и из Нюрнберга о «знаке с хвостом» (л. 76–77);

²⁹⁶ ВК VI-2. С. 18, примеч. 8.

²⁹⁷ Шамин С. М. Введение // ВК VI-1. С. 23.

четвертый — сообщения от 12 января 1656 г. из Вены о сборе ратных людей, против турок, от 22 января из Гданьска мерах по обороне города от шведских войск и от 25 января из Королевица (Кенигсберга) о положении шведских войск (л. 78–81).

Палеографический анализ показывает, что л. 71–73 и 74–75, то есть тексты первого и второго микрокомплексов, и здесь мы согласны с С. М. Шаминам, написаны одним почерком — мелкой, беглой, несколько небрежной скорописью с нечетко прописанными буквами, с чуть уходящими вверх строками, л. 76–77 — вторым, более крупной, «выписанной», можно даже сказать, изящной скорописью, с подчеркнуто крупно написанными буквами «л», «к», «н», «п», «с» и выносными, а л. 78–81, то есть тексты четвертого микрокомплекса — тоже довольно крупной, но менее красивой и не столь аккуратной скорописью без изысков в виде подчеркнуто выделяющихся отдельных букв. С. М. Шамин считал, что л. 76–81 были выполнены одной рукой, мы же в подтверждение своего суждения о трех писцах, помимо чисто зрительного впечатления, добавим еще несколько палеографических доказательств: писец л. 76–77 выполнял, в частности, букву «я» всегда единообразно — в виде буквы «а» в нижней части и с приписанной к ней сверху большой петлей, писец л. 78–81 — или в виде «юса малого», или в обычном и для наших дней написании; при открывающих то или иное сообщение датах писец л. 76–77 указывал, например, «въ 9 день», а на л. 78–81 — предлог писал без «ера», но с буквой «о», причем и буква «в», и выносные «де» в двух текстах также совершенно различаются; в производных от глагола «послать» словах писец л. 76–77 изображал все буквы отдельно, без каких-либо связей между ними, а писец л. 78–81 использовал лигатурное написание «ос»; и др. Вместе с тем, совершенно очевидно, что все три почерка принадлежат русским подьячим, а не переводчикам, и представляют собой беловики с минимальным количеством правки изготовленных переводчиками автографов-черновиков.

Такое, очевидно связанное с границами листов расположение русских текстов, написанных, к тому же, одной и той же рукой позволяет высказать некоторые предположения об особенностях нахождения первоисточников в зарубежных периодических изданиях даже в тех случаях, когда соответствующие иноязычные оригиналы до настоящего времени не сохранились или не найдены. Представляется, что написанные на л. 71–73 друг за другом без соотнесения границ листов с содержанием новостей, но оба связанные с Венецией и тематически сходные, так как их герои протестовали против существующего положения вещей, были позаимствованы из одной и той же немецкой газеты, о чем свидетельствует и заголовок на л. 71 — «пе-

ревод с немецких курантов», и так же вместе были переведены в Польском приказе. Тем самым, подтверждается мнение И. Майер о том, что источником сообщения об иудейском пророке была утраченная или пока не обнаруженная газета, но никак не та или иная, посвященная специально Нафану брошюра. Стоит лишь добавить, что ориентиром для будущего возможного поиска этого информационного западноевропейского периодического издания как раз и может стать сочетание обоих известий.

Вместе с тем, единство почерка л. 71–75 показывает, что, сделав одну работу, подьячий принялся переписывать следующий, тоже тематически единый блок со сведениями из Парижа и Вены о собиравшихся на помощь «бискупу Минстерскому» дружественных ему войсках Священной Римской империи, Испании, Англии и Португалии и соединении против них враждебных французских, шведских и голландских ратных людей. Очевидно, что речь шла о событиях Второй англо-голландской войны 1665–1667 годов, затронувших и такое своеобразное государственное образование, как владетельное княжество-епископство Мюнстерское, и правившего там в 1650–1678 годах, проводившего активную военную политику князя-епископа Кристофа-Бернгарда фон Галена. Летом 1665 г. князь-епископ выступил союзником Карла II в войне против Нидерландов и готов был вторгнуться по суше на территорию Голландской республики, что, видимо, и вызывало интерес к различным силам, или поддерживавшим фон Галена, или противостоящим ему.²⁹⁸ Следовательно, и читавшиеся на л. 74–75 два текста были также позаимствованы из европейского периодического издания 1665 г., но определить, из того же самого, что и сведения о пророке Нафане и восставшем паше, или из какого-то другого с уверенностью не удастся. Более вероятным видится предположение, что первоисточником являлась какая-то другая, но также относящаяся к 1665 г., возможно, второй половине года, западноевропейская, скорее, нидерландская газета, так как именно голландцы были наиболее заинтересованы в сведениях о военных силах расположенного не слишком далеко от границы республики Мюнстера. Таким образом, первые два, составляющие единый блок микрокомплекса с сообщениями о пророке Нафане, восставшем против власти

---

²⁹⁸ Подробнее о событиях Второй англо-голландской войны 1665–1667 годов см., например: *Англо-голландские войны // Военная энциклопедия в 18-ти томах. Т. 2.* СПб., 1911. С. 468–471; *Штенцель А.* История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики. Ч. 3. Пг., 1917. С. 139–183; *Rommelse G.* The Second Anglo-Dutch War (1665–1667). *Raison d'état, mercantilism and maritime Strife.* Verloren, 2006. P. 143–174.

турецкого султана египетском паше и о коалициях за и против мюнстерского князя-епископа действительно надо датировать 1665 г.²⁹⁹

Что же касается третьего и четвертого микрокомплексов, то необходимо подчеркнуть, что основное содержание входящих в них сообщений сводится к описанию численности, местоположения и намерений польских и шведских войск, что как нельзя лучше соответствует указанию года — 1656 г. — на л. 78. Дело касается Второй северной войны антипольской коалиции во главе со Шведским королевством и Речи Посполитой с поддерживающими ее странами 1655–1660 годов, когда шведские войска под командованием маршала Арвида Виттенберга пересекли польскую границу под Чаплинком и двинулись на Великопольшу.³⁰⁰ Конечно, эти события не могли не заинтересовать корреспондентов западноевропейских газет, принадлежавших, как, повторим, отмечала И. Майер, к самым разным слоям общества, в том числе и военным, отсюда и несколько сообщений от января 1656 г., в одном из которых упоминается «полковой маршалок Виттенберх»,³⁰¹ без сомнения, отмеченный выше командующий шведской армией А. Виттенберг.

При этом обозначение полной, с годом, даты только один раз, а затем перечисление только дней месяцев, января или февраля, дает основание полагать, что 1656 г. относился ко всем сообщениям на л. 76–81, только их переводы были переписаны не одним, а двумя подьячими, возможно, работавшими для ускорения процесса одновременно. Однако

---

²⁹⁹ Составители шестого выпуска «Вестей-Курантов» посчитали целесообразным из-за допущенной в предыдущей книге ошибки в хронологической приуроченности сообщения о пророке Нафане повторно воспроизвести текст этого свидетельства (ВК VI-1. № 36а и примеч. 1). Однако переопубликована была только запись, относящаяся непосредственно к пророку, чтобы, по словам издателей, «собрать все сообщения о Саббатае Цви (провозвестником появления этого «мессии» и был Нафан. — Л. Т.) в одном издании» (Введение // ВК VI-1. С. 7) без учета того обстоятельства или хотя бы соответствующей оговорки, что и другие корреспонденции, о паше и епископе Мюнстерском, имеют неправильные даты, что крайне затруднит поиск сведений о них возможным потребителям. По-нашему мнению, в шестой выпуск «Вестей-Курантов» лучше было бы поместить все, относящиеся к 1665 г. листы из столбца № 122 (Л. 71–75).

³⁰⁰ О войне 1655–1660 г. см., например: *Нагельский М.* Великая Смута и Потоп в контексте поиска Речью Посполитой и Московским государством выхода из кризисных ситуаций // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российско-польской научной конференции Москва, 24–26 октября 2012 г. С. 144–163; *Закжевский А. Б.* Компромисс или измена: шляхта Великого княжества Литовского в условиях шведской и московской оккупаций 1655–1658 гг. // Там же. С. 309–324; *Frost R.* After the Deluge. Poland-Lithuania and the Second Northern War 1655–1660. Cambridge, 1993.

³⁰¹ ВК V. С. 102.

затем, видимо, при передаче материалов приказа Тайных дел в Посольский в 1676 г. при формировании общего большого столбца эти микрокомплексы были перепутаны, и более по хронологии ранний (четвертый, л. 78–81) стал следовать за более поздним (третьим, л. 76–77). О том, что путаница действительно произошла после смерти царя Алексея Михайловича, свидетельствует читающаяся на л. 71 об.-81 об. и не имеющая нарушений скрепа — «евъ / ди/акъ / Арте/мон / Афа/нас/евъ / ди/акъ», то есть занимавшегося передачей делопроизводственных материалов из одного приказа в другой дьяка.³⁰²

Справедливость датировки читающихся на л. 76–77 сообщений, в том числе, о «звездах» и «знаках» с «хвостами» именно 1656 г. доказывается читающимися в сообщении из Стокгольма словами, на которые С. М. Шамин, по всей вероятности, не обратил внимания, где объясняется смысл появления этой самой «хвостатой звезды»: «...а на всякой день ожидают вести от московского посланника, и собран у них будет какой ответ, им против того дать (!) будет».³⁰³ Напомним, что в июле 1655 г., уже после начала шведско-польской войны, король Карл X Густав направил в Москву послов Г. Бьелке, А. Ессена и Ф. Крузенштерна, которые официально должны были подтвердить Столбовский мирный договор 1617 г. и заверить царя Алексея Михайловича в стремлении шведской стороны поддерживать дружеские отношения, а в соответствии с тайным мемориалом они должны были объяснить, почему Швеция напала на Речь Посполитую, и убедить русские власти в желании шведского короля сохранить мир с Россией.³⁰⁴ Русско-шведские переговоры, затрагивавшие ряд вопросов, касавшихся свободной торговли шведов в русских городах, начались в Москве в декабре 1655 г. Однако к этому времени в результате наступления русских войск и сближения части литовских магнатов со шведами остро встал вопрос о размежевании сфер влияния двух государств, чтобы избежать прямого военного столкновения между ними. Причем ни та, ни другая сторона, и здесь мы согласны с Е. И. Кобзаревой, не планировали немедленно начать войну друг с другом. Русские пытались договориться «со шведами о разграничении в Литве, добиваясь, чтобы захваченные московскими войсками города были переданы России», а Швеция, до победы над Польшей, не собиралась

---

³⁰² Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие в XV–XVII в. М., 1975. С. 35; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 48; Шамин С. М. Введение // ВК VI-1. С. 14–18.

³⁰³ ВК V. С. 101.

³⁰⁴ Подробнее см., например: Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998. С. 46, 52–54; Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010.

воевать на два фронта.³⁰⁵ Именно поэтому в Стокгольме с нетерпением ждали известий о перипетиях переговоров, где основную роль играл Г. Бьелке, видимо, и обозначенный в сообщении как «московский посланник», и пытались, выискивая разнообразные приметы, предсказать их ход.³⁰⁶

В целом, проведенный нами палеографо-текстологический анализ подтверждает мнение И. Майер о том, что никаких оснований объединять л. 71–75 и 76–81 (впрочем, датировать эти последние листы следует не 1660, а 1656 г.) в один комплекс и считать, не обращая внимания на очевидное, как это делает С. М. Шамин, что все читающиеся на этих листах сообщения надо датировать 1665 г., не имеется. Следовательно, появившиеся в действительности девятью годами ранее сведения о «хвостатой звезде» в небе над Стокгольмом и Нюрнбергом никак не связаны с наблюдавшимся в декабре 1664 — марте 1665 г. астрономическим объектом C/1664 W1 и не могут служить доказательством якобы имевшего место возрастания числа известий о чудесных знамениях, связанных с этим «небесным знаком».

³⁰⁵ Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба России... С. 46, 61–62.

³⁰⁶ Подробнее о ходе этих переговоров см., например: Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // ЖМНП. 1898. Февраль (Ч. 165). С. 210–277; Кобзарева Е. И. 1) Дипломатическая борьба России... С. 82–89; 2) Россия и Швеция в середине XVII в. Российские архивные материалы по русско-шведским отношениям середины XVII в. // Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. С. 9–49; Далгрэн С. Источники по русско-шведским переговорам 1655–1657 гг. // Там же. С. 50–136. О международных отношениях в это время см., например: Заборовский Л. В. 1) Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; 2) Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.). М., 1994; Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). О русско-шведской войне см., например: Лайдре М. 1) Количество и состав шведской пехоты в Лифляндии в 1655–1661 гг. // Скандинавский сборник. Вып. 30. Таллин, 1986. С. 27–39; 2) Шведская кавалерия и артиллерия в Лифляндии в 1655–1661 года // Скандинавский сборник. Вып. 31. Таллин, 1988. С. 64–77; Курбатов О. А. 1) Русско-шведская война 1656–1658 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 150–166; 2) Рижский поход царя Алексея Михайловича. Проблемы и перспективы исследования // Проблемы социальной и политической истории России. Сборник научных статей. М., 2009. С. 83–88; 3) Русско-шведская война 1656–1661 гг. М., 2018; и др. работы этого автора; Ноздрин О. Я. Шотландцы на службе России — Речи Посполитой — Швеции в середине XVII в. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российско-польской научной конференции Москва, 24–26 октября 2012 г. С. 325–329; Беляков А. В. Российские служилые татары в войнах с Речью Посполитой и Швецией в XVII в. // Там же. С. 330–340.

Вместе с тем, такое яркое небесное явление, как хорошо видимая невооруженным взглядом комета 1664–1665 годов с тянущимся за ней шлейфом, откуда появилось еще одно название — «комета с тигровым хвостом», конечно, не могла остаться незамеченной, и описания ее, видимо, действительно довольно часто попадавшие в иностранные газеты, появлялись и в русских переводах. В частности, в сообщении из Севильи от 23 декабря 1664 г. (напомним, что первое наблюдение этого небесного тела было сделано как раз в Испании чуть более чем за месяц до этой даты) указывалось, что эта очень необычная, «зело неизвычна», комета, «потому что от нее два луча было, будто хвосты», оказалась видна во втором и третьем часу ночи и шла, как солнце, с востока на запад.³⁰⁷ По всей вероятности, именно об этой «комете с тигровым хвостом», правда, весьма красочно описанной как «змея с головой орла», говорилось и в полученной в Москве 22 марта 1665 г. грамотке с сообщением, что несколько ранее это небесное тело наблюдали в Варшаве и в Киеве,³⁰⁸ а также (ретроспективно), — видимо, в корреспонденциях из Лондона от 4 сентября и 18 сентября 1665 г.³⁰⁹ и Амстердама от 11 сентября этого же года, что на Востоке, в Индии и других странах, видели «звезду с хвостом» не только ночью, но и днем.³¹⁰ Это же небесное тело, предвещавшее, по его мнению, целую череду неурядиц и междуусобную борьбу в Османской империи, очевидно, имел в виду автор корреспонденции из Смирны, когда писал о «прошлой комете», которая стояла на востоке.³¹¹

К сожалению, автор новейшего сочинения не обратил ни малейшего внимания на эти сообщения, очевидно, все по той же причине — в указанных текстах нет слов «знамение» или «знак». Следовательно, прибегнувший только к книге С. М. Шамина, интересующийся астрономическим объектом C/1664 W1 и его характеристикой в информационных изданиях читатель получит, во-первых, откровенно недостоверные данные о якобы существовавших в русских переводах 1665 г., которые на самом деле относятся к 1656 г., описаниях этого небесного явления, а во-вторых, так и не узнает о многочисленных, действительно связанных с кометой сообщениях декабря 1664 — сентября 1665 г., если, конечно, сам не обратится к соответствующим выпускам «Вестей-Курантов» и не проанализирует опубликованные там тексты.³¹² Сказанное позволяет думать, что сделанная С. М. Шамина

³⁰⁷ ВК VI-1. С. 106.

³⁰⁸ Там же. С. 113.

³⁰⁹ Там же. С. 143, 225.

³¹⁰ Там же. С. 226.

³¹¹ Там же. С. 147.

³¹² Вряд ли достойной и способной удовлетворить читателя заменой этих сообщений может служить ссылка С. М. Шамина на читающиеся в сообщении из Вены

ным и никак не обоснованная автором *оговорка* о том, что будут отмечены лишь те сообщения, где встречаются два указанные выше слова, на самом деле представляет собой просто *отвогорку*, призванную замаскировать нежелание проводить детальное текстологическое изучение даже изданных источников или крайнюю поспешность в работе, воспользовавшись, скорее всего, имеющимся «Указателем слов», где термины «знамение» и «знак» действительно наличествуют,³¹³ что, разумеется, облегчает и ускоряет работу автора книги, правда, лишая само сочинение научной ценности.³¹⁴

То же самое можно сказать и о других, довольно многочисленных, опубликованных в шестом и седьмом выпусках «Вестей-Курантов» сообщениях о появлявшихся в различных частях Европы тех или иных небесных объектах, где отсутствуют слова «знамение» и «знак», которые по этой причине остались вне интереса С. М. Шамина: по сообщению из Парижа от 17 января 1666 г., там появилась «кометная звезда», которая уже не ассоциировалась с астрономическим объектом C/1664 W1, но, возможно, благодаря именно этому, виденному год назад телу, вызвала повышенный интерес у «звездочетцев» и астрологов, которые рассказали о результатах своих наблюдений на некоем собрании светских и духовных людей «при князе ди Конлисе», то есть Людовике (Луи) II де Бурбон, принце де Конде (Великий Конде — le Grand Condé);³¹⁵ о некоей комете как предвестнице англо-франко-голландской войны — в грамотке конца августа — 20-х чисел октября 1667 г.;³¹⁶ о «страшной кровавой комете» или «звезде с хвостом» — в сообщении из «Английской земли» от 9 февраля, видимо, 1668 г.;³¹⁷ о комете, видимой в Париже, которая «огненные лучи спускала» — в сообщении из Венеции от 22 февраля 1669 г.;³¹⁸ о появившейся в Константинополе 29 августа 1669 г. комете — в сообщении

от 22 января 1665 г. крайне неопределенные и не относящиеся ни к каким конкретным природным явлениям слова о неких, появляющихся в небе «чудесах» и «дивных знамениях» (С. 108).

³¹³ ВК VI-1. С. 650.

³¹⁴ В данном случае стоит оставить в стороне вопрос о правомерности и обоснованности содержащегося в процитированных словах С. М. Шамина (см. выше) утверждения о «наиболее интересных сообщениях», то есть критериях оценки отдельных свидетельств — кому именно, иностранным корреспондентам, представителям (кем бы они ни были) русской воспринимающей стороны, авторам книг XXI столетия, может быть, всем вместе, эти сообщения были особенно интересны, и посчитать этот фрагмент обычным трафаретным выражением.

³¹⁵ ВК VI-1. С. 152

³¹⁶ Там же. С. 233.

³¹⁷ Там же. С. 257.

³¹⁸ Там же. С. 342.

из Вены ноября 1668 г.;³¹⁹ по свидетельству (без даты) из «Моравской земли» и сообщению из Оломоуца (Ольмюца) от 28 января 1670 г., на этой территории 19 января или «на прошлой неделе» в «четвертом часу ночи» или вечером видели комету, которая стояла «хвостом к Польше»;³²⁰ 2 августа 1671 г. из Рима писали о появлявшейся над Ватиканом несколько ночей комете, которую и сам папа Римский, и все католики восприняли как недобрый знак;³²¹ по сведениям из Вены от 21 января 1672 г., комету, «которая естеством своим являет на Польшу войну», видели в «Венгерской Вышней земле»;³²² о появлении «некоторой странной кометы» говорилось в корреспонденции из Копенгагена от 5 апреля 1672 г.³²³ Причем в этом последнем сообщении подчеркивали и астрологический смысл этого «небесного знака» — «на которую многие гадательства изходят», и его провидческое значение — комета «меж христианы являет праведным божим поущением за грехи наши великое кроволитие, к которому делу уж меж розными государствы припасы великие чинятся».³²⁴ Иными словами, в этом случае обращали внимание именно на такие характеристики этих астрономических объектов, как «знамения» и «божьей кары», которые, по его же собственному замечанию, в первую очередь интересовали и автора книги при обращении к различным документальным известиям о тех или иных природных катаклизмах. Опять возникает риторический вопрос: почему же С. М. Шамин проигнорировал столь важное для его же собственных суждений сообщение?

Результатом такого крайне узкого и в высшей степени субъективного подхода к сообщениям западноевропейских информационных изданий о кометах является то, что взявший в руки книгу С. М. Ша-

³¹⁹ ВК VI-1. С. 332.

³²⁰ Там же. С. 499, 506.

³²¹ ВК VII. С. 170, 174.

³²² Там же. С. 247.

³²³ Там же. С. 258.

³²⁴ Там же. С. 258–259. По имеющимся в предисловии к этому выпуску сведениям, первоначальный набор текстов по микрофильмам произвел С. М. Шамин, а их сверка по рукописным оригиналам была выполнена А. В. Кузнецовой (Там же. С. 4), тем не менее, с некоторыми элементами публикации текста с участием сразу двух археографов трудно согласиться. Так, вызывает возражение не совсем понятное «видели *изде* многие на небе», по всей вероятности, воспроизведенное слитно слово следовало бы разделить на предлог и наречие — «и *зде*», смысл фразы в таком случае становится очевидным; в словах «некоторой», «христианы», «припасы» не отмечены хорошо заметные исправления отдельных букв, а там, где правка все же учтена, археографы не обращают внимания на то обстоятельство, что буквы исправлялись другим, чем в основном тексте, почерком.

мина читатель будет сразу же переброшен из середины 1660-х в начало 1680-х годов, когда «на страницах прессы оставила шлейф», по красивому выражению автора новейшего сочинения, комета 1680–1681 годов, то есть хорошо видимый днем астрономический объект C/1680 V1 («Большая комета, комета Кирха, комета Ньютона), открытый немецким астрономом Готфридом Кирхом 14 ноября 1680 г. В итоге, может сложиться совершенно неверное впечатление об отсутствии сведений о кометах в периодических западноевропейских изданиях в указанные полтора десятилетия то ли из-за падения интереса к таким «небесным знакам», то ли из-за прекращения их появления в это время, то ли по какой-то еще причине, что неверно и противоречит имеющимся в источниках сведениям. Однако хуже всего то, что вольно или невольно созданное С. М. Шаминам ошибочное представление о довольно значительной временной паузе в сообщениях о кометах не только искажает реальную картину окружающей людей второй половины XVII в. действительности во всех ее проявлениях, но и может отрицательно повлиять на исследования не только историков, но и, например, астрономов, заинтересовавшихся вопросами периодичности сообщений о появлении комет на страницах информационных изданий XVII в. и соотношения этих свидетельств с действительно наблюдавшимися астрономическими объектами, и решивших взять в руки рецензируемую книгу. Кроме того, если вспомнить о заявленном в первом же абзаце этого второго раздела самим С. М. Шаминам намерении отмечать только те случаи, которые не вошли в предыдущую книгу, то появление в нем посвященного комете 1680–1681 годов фрагмента (С. 72) вообще непонятно, так как в монографии 2011 г. этот сюжет довольно подробно рассматривался.³²⁵

---

³²⁵ *Шамин С. М.* Куранты XVII столетия. С. 217–220. Попутно заметим, что описанию кометы 1680–1681 годов в сочинении Я. Розера посвящена статья С. М. Шамина, написанная им в соавторстве с Ю. С. Белянкиным (*Шамин С. М., Белянкин Ю. С.* «Светящийся яростный луч»: русский перевод сочинения доктора Я. Розера о комете 1680–1681 г. // ДРВМ. 2015. № 4 (62). С. 126–133). Любопытно, что источником сведений для Я. Розера об объекте C/1680 V1 послужили, как отмечают соавторы (*Шамин С. М., Белянкин Ю. С.* «Светящийся яростный луч». С. 127) или сам С. М. Шамин в новой книге (С. 64), его собственные наблюдения, а не появлявшиеся в периодических изданиях описания. Добавим, что сведения об этой комете есть в Краткой и Пространной редакции Двинского летописца (ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 160, 185), что не отмечено ни в одной из указанных работ современных исследователей. Вряд ли стоит думать, что составитель этого летописца пользовался переводами западноевропейских информационных сообщений, скорее, можно говорить о его личном наблюдении за этим небесным телом, проводившемся не только Я. Розером в Польше, но и этим человеком на Севере Русского государства (о Двинском летописце см.: *Богданов А. П., Зиборов В. К.* Летописец Двинской // СКЖДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993.

Вместе с тем, повествуя далее, но уже на основании архивных материалов, о различных «небесных знаках» последней трети XVII в., С. М. Шамин несколько неожиданно меняет свою позицию и отказывается от рассмотрения только сообщений с читающимися там словами «знамение» или «знак» в пользу более широкого круга свидетельств, где подобные дефиниции отсутствуют (С. 72–77). Обосновывая это изменение, автор отмечает, что о комете 1680–1681 годов «в курантах», подразумевая, видимо, их русские переводы, было выявлено 30 сообщений, авторы которых «не назвали комету знаком или знамением, не задавали вопрос о том, что она „предзнаменует“» (С. 72). Наблюдение, хочется думать, справедливое, но почему же, в таком случае, мимо внимания С. М. Шамина прошли многие другие сообщения об иных, появлявшихся в XVII в. небесных телах (часть их была отмечена выше), в которых этих слов тоже нет? Значит ли это обстоятельство, что именно в архивных, неопубликованных до сего дня переводах³²⁶ указанные слова встречаются реже, чем в изданных текстах, понял ли автор книги односторонность своего формально-лингвистического подхода и решил, хотя бы напоследок, хоть что-то исправить, или основную роль все же сыграли некие привходящие обстоятельства, читателю остается только гадать. Тем не менее, на основании такого, хронологически более чем ограниченного материала С. М. Шамин делает, не утруждая себя какими-либо другими доказательствами, безапелляционный вывод: «Однако это не означает, что люди видели в комете лишь астрономическое явление. Просто о том, что комета — вестница божьей воли, все и так знали. Писать об этом специально необходимости не было» (С. 72).

Казалось бы, автор книги, видящий одну из своих целей в изучении формировании мировоззрения и влияющих на этот процесс факторов, в частности, переводов информационных сообщений, должен был бы, в первую очередь, задаться вопросом о причинах отмечен-

---

С. 243–246). Подробное описание «Большой кометы» есть и в составленном в Великом Устюге летописце купцов Саблиных, причем, как пишет автор новейшей статьи об этом памятнике русской книжности, оно было сделано «непосредственным очевидцем события» (Белов Н. В. Летописец купцов Саблиных — неизвестный памятник устюжского летописания последней четверти XVII — первой половины XVIII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 20. М., 2021. С. 411). Кроме того, Н. В. Белов указывает, что описания этой кометы, пусть и несколько различающиеся между собой, имеются и в других летописных произведениях (Там же. С. 411, примеч. 5), что еще раз подчеркивает существовавшие зимой 1680/81 г. широкие возможности наблюдения за этим небесным телом в различных географических точках.

³²⁶ Не можем не отметить, что и во втором разделе второй главы, как и ранее, имеются указания только на архивные шифры уже опубликованных документов (С. 73, примеч. 49 = ВК VII. С. 25).

ных им вербальных различий при описании этих астрономических объектов, без чего процитированное утверждение выглядит голословным: почему авторы одних корреспонденций считали необходимым подчеркивать провидческо-пророческий характер появления комет, а другие ограничивались простым описанием таких природных явлений, и какие факторы могли влиять на подобные, не похожие друг на друга по своей направленности сообщения?³²⁷ Даже если принять весьма спорное утверждение С. М. Шамина о хорошо всем известном проявлении «божьей воли» через кометы (заметим все же, что вряд ли именно таким образом оценивал кометы даже воспитанный в пуританских традициях, глубоко верующий человек, физик, астроном, механик, оптик Исаак Ньютон, наблюдавший за С/1680 V1 для проверки и подтверждения законов движения планет Солнечной системы И. Кеплера³²⁸), то употребление определенной, идеологически окрашенной лексики или, наоборот, более нейтральные, объективно-повествовательные сообщения косвенным образом свидетельствуют о мировоззрении авторов тех или иных корреспонденций. Поэтому сначала следовало бы, по нашему мнению, собрать все, имеющиеся в приказных переводах сведения о кометах, детально проследить наличие в них выбранных С. М. Шаминам знаковых элементов или их отсутствие, выделив случаи оценочных суждений об этих небесных объектах и без употребления слов «знамение» и «знак», а затем проанализировать полученные статистические данные, обязательно соотнося их с рядом факторов.

Во-первых, необходимо было бы возможно более полно и точно учитывать хронологию сообщений, чтобы проследить происходившие с течением десятилетий изменения в восприятии людьми тех или иных окружающих их природных явлений, выражавшиеся, в том числе, и через изменения словесной формы информационных сообщений, или убедиться в отсутствии таковых и стагнации представлений предшествующего времени.

---

³²⁷ Заметим, что комета С/1680 V1 по-разному описывалась и в русских источниках. В Краткой и Пространной редакциях Двинского летописца читается лаконичное и «сухое» ее описание как естественно-природного, хотя и обращающего на себя внимание явления — «Декабря 11 дня (1680 г. — Л. Т.) явился на небеси столп облачной светлой на западе от звезды и стоял по февраль месяц» (ПСРЛ. Т. 33. С. 160, 185). Зато в Вологодской летописи этой комете, также описанной как «столп», правда, «сияющ светом», посвящен довольно длинный рассказ, который начинается словами о том, что 10 декабря этого же, 1680, года «пред месяцем явися на небеси знамение» (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 184). Очевидна разница мировосприятия составителей этих двух летописных сводов, а может быть, более или менее сильное проявление традиций в жизни каждого из них.

³²⁸ См., например: *Вавилов С. И.* Исаак Ньютон. М., 1989. С. 11–32, 192–199; *Акройд П.* Исаак Ньютон. Биография. М., 2011. С. 3–12, 21–26.

Во-вторых, интересно было бы проследить географическую приуроченность места публикации отдельных корреспонденций о кометах в немецких, голландских газетах или других источниках, что даст возможность определить пункты действительного наблюдения за этими астрономическими объектами, возможно, выявить те или иные региональные особенности в их оценке, определить этническую принадлежность корреспондентов и рассмотреть их приверженность к тем или иным религиозным течениям.

В третьих, при сплошном изучении всех, отразившихся в русских переводах сообщений о кометах, было бы интересно сопоставить количество свидетельств, степень подробности описаний этих небесных явлений, наличие оценочных суждений или их отсутствие, то есть именно те составляющие газетных корреспонденций, которые, может быть, пугали, а может быть, и развлекали их читателей, но в любом случае расширяли представления людей об окружающем мире, с физико-астрономическими характеристиками комет — территория и длительность наблюдения, яркость свечения, наличие более или менее заметного хвоста той или иной формы и др.

И, наконец, крайне желательным был бы не простой пересказ русских текстов, как делает С. М. Шамин, а обязательное указание на точность соответствия русского перевода иноязычному оригиналу, что благодаря проведенному И. Майер сравнительному лингвистическому анализу иноязычных текстов и их русских вариантов легко осуществимо. На основании проведенных ею исследований можно было указать на иногда привносившиеся русскими приказными служителями, переводчиками или редактировавшими первоначальные тексты подьячими, а иногда и дьяками, более или менее существенные смысловые изменения. В частности, в сообщении из Рима от 6 марта 1660 г. о появляющейся вечером звезде, которая «побегаёт на восток», подчеркивается: «все филозофы астрологские о том недобром пророчествуют».³²⁹ И. Майер уточнила, что слова «о том недобром» при характеристике пророчества, не совсем точно отражая голландский оригинал «groote saecken» — «большие дела», передают пессимистическое в условиях формально не закончившейся русско-шведской и русско-польской войн понимание смысла этого явления именно русским переводчиком.³³⁰

В переводе сообщения из Оломоуца (Ольмюца) от 28 января 1670 г. — «В прошлой недели здесь в четвертом часу ночи видели комету, стояла хвостом к Польше»³³¹ — отсутствующее в оригинале

³²⁹ ВК VI-1. С. 74.

³³⁰ ВК VI-2. С. 457.

³³¹ ВК VI-1. С. 499.

слово «хвостом», по наблюдениям И. Майер, добавлено опять-таки переводчиком.³³² Получается, что этот служитель Посольского приказа, вставляя указанное слово, во-первых, несколько усилил пророческий, хотя и не вполне понятный по своей направленности, смысл свидетельства о появлении кометы над моравским городом,³³³ а во-вторых, продемонстрировал довольно точное, благодаря то ли собственным визуальным наблюдениям, то ли знакомству с описаниями, а может быть, и изображениями комет в «информационных» или «художественных» текстах, представление о внешнем виде этого «небесного знака». Казалось бы, такие особенности переводов «информационных текстов малых форм», непосредственно связанные с общественно-мировоззренческими позициями служителей Посольского приказа и показывавшие их возможное знакомство с иными познавательными по своим функциям источниками, и должны были бы, в первую очередь, привлечь внимание С. М. Шамина, тем не менее отсутствие в книге упоминаний об этих сообщениях не дает ее читателям возможности ни узнать об этих интересных наблюдениях, ни оценить сделанную И. Майер очень важную источниковедческую работу.

Завершая рассмотрение второго раздела второй главы книги С. М. Шамина, не можем не остановиться на еще одном суждении автора, вызывающем уже не только недоумение, но как ни печально в этом сознаться, усмешку. Речь идет об описании целого комплекса знамений в сводке от 16 января 1686 г. с переводом «письма» «с новостями от неизвестного жителя Царьграда». К сожалению, С. М. Шамина не приводит, хотя бы в наиболее значимых фрагментах, текст этого хранящегося в РГАДА (Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. № 7. Ч. 1. Л. 174–179) сообщения и не считает нужным указать его предшествующую публикацию,³³⁴ ограничиваясь перечислением «знамений», большая часть которых, строго говоря, не имеет отношения к «небесным знакам»: ломавший деревья и сносивший крыши с домов ураган, убивавшие людей молнии, повисшие над султанским дворцом кометы, мучившие самого султана, видимо, Мехмеда IV, «дурные сны»: один раз

³³² ВК VI-2. С. 618.

³³³ Указание на хвост, который «стоял против Польши» есть и в относящемся, очевидно, к этой же комете сообщении из Моравии, где комету видели вечером 19 января (ВК VI-1. С. 506). К сожалению, иноязычный оригинал этого свидетельства пока не обнаружен, поэтому определить, кто именно, иностранный корреспондент или русский переводчик, использовал в данном случае слово «хвост», не удастся. Однако можно предположить, что и в этом случае оно были привнесено гораздо более, чем Моравия, заинтересованной в прогнозировании развития взаимоотношений с Польшей русской стороной.

³³⁴ Шамина С. М. Крест над Святой Софией: знамения и пророчества о падении Османской империи в годы войны Священной лиги 1683–1700 гг. (по материалам курьезов) // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 10. М., 2012. С. 140–141.

его терзал лев, а в другой раз султан «увидел яростную битву между кентаврами и грифонами», он бросился на помощь кентаврам, но вождь грифонов, орел, отнял у султана огненный меч. Проснувшись, султан распорядился, чтобы в Царьград приехали астрологи, чародеи и другие, разбирающиеся в сверхъестественном, люди (С. 75).

После пересказа читающегося в столбце текста С. М. Шамин делает вывод:

Образованный европейский читатель должен был заметить, что сюжетную основу данного «сна» составил известный античный рассказ о битве кентавров с лапифами. Эта широко распространенная аллегория олицетворяла битву цивилизации и варварства. В Средневековье бытовал модифицированный вариант этого сюжета, в котором лапифов заменили грифоны — крайне распространенный в средневековой Европе геральдический символ. ... Так что «сон» при желании можно было расшифровать как пророчество о победе русских войск над турками. Для правительства В. В. Голицына такое пророчество было особенно актуально, поскольку в том же 1686 г. России предстояло вести переговоры о Вечном мире с Речью Посполитой и присоединении к антиосманскому союзу (С. 75–76).³³⁵

Не будем останавливаться на использованном С. М. Шаминым, как представляется, походя, выражении «образованный европейский читатель», требовавшем, на наш взгляд, хоть какого-то пояснения, так как понятие «образованности» исторично и социально и нуждается в необходимых уточнениях, касающихся времени, места проживания, общественного положения и т. д. выступающих в цитате абстрактных фигур, потребителей информационных сообщений, и обратим внимание на главное: существовала ли сама возможность отождествления кем бы то ни было лапифов с грифонами? Напомним, что довольно популярный в Древней Греции, описанный многими античными авторами, миф о битве лапифов с кентаврами был посвящен их произошедшему на свадьбе царя лапифов Пирифоя с Гипподамией столкновению, когда приглашенные на торжество кентавры, напившись вина, впали в буйство, и кентавр Евритион попытался похитить невесту, а другие кентавры — ее подруг и мальчиков. На защиту Пирифоя выступил Тесей, которому оказали поддержку боги, и началась битва лапифов с кентаврами, где последние потерпели поражение.³³⁶ Остав-

³³⁵ Строго говоря, в опубликованном тем же С. М. Шаминым в 2012 г., но не упомянутом в книге 2020 г. полном тексте перевода анонимного письма речь идет о двух снах Мехмеда IV: первый, где на него напало «великое множество львов» и он в страхе проснулся, султан увидел 12 ноября за три часа до рассвета, а второй, с битвой грифонов и «полканов» — перед рассветом (*Шамин С. М.* Крест над Святой Софией. С. 140).

³³⁶ Изложение см., например: *Кун Н. А.* Легенды и мифы Древней Греции. М., 1954. С. 193–194; *Гревс Р.* Легенды Древней Греции. М., 1992. С. 230–231 (библиографию см.: Там же. С. 503–509).

ляя сейчас в стороне древнегреческое искусство с изображениями этого сражения (метопы Парфенона, храм Зевса в Олимпии и др.), отметим, что Микеланджело под покровительством Лоренцо Медичи (1449–1492) и незадолго до его смерти создал по предложению итальянского поэта и гуманиста Анджело Полициано (1454–1494) оставшуюся незаконченной мраморную скульптуру, посвященную мифической битве лапифов с кентаврами;³³⁷ через несколько лет (по одним данным — около 1500, по другим — около 1505–1515 годов) еще один, работавший в это время во Флоренции художник, Пьетро ди Козимо, изготавливает, по предположению исследователей, по заказу неизвестного по имени флорентийского купца, панель (масло по дереву; возможно, спинка скамьи или верхняя доска ларя) с изображением той же самой сцены;³³⁸ около 1637–1638 годов, незадолго до своей смерти, картину «Похищение Гипподамии» пишет нидерландский художник Питер Пауль Рубенс;³³⁹ в конце 1680-х годов, что, тем не менее, позволяет говорить о более раннем знакомстве с этим сюжетом заказчика, графа Кингстона, появилась картина Луки Джордано «Битва кентавров с лапифами», созданная, видимо, также во Флоренции, последнем месте пребывания художника до его отъезда в Испанию по приглашению короля Карла II; сейчас она хранится в собрании Государственного Эрмитажа в открытой экспозиции и легко доступна всем желающим.³⁴⁰

Во всех этих произведениях искусства (приведены лишь отдельные примеры), отличающихся и временем создания, и художественными особенностями, лапифы — полумифическое-полуисторическое племя — представлены только в образе *людей*, а не в виде фантастических крылатых существ с туловищем льва и головой (или только клювом) орла, которые были то ли ужасными чудовищами, то ли воплощением гордости и силы.³⁴¹ Разумеется, и «Метаморфозы» Публия

³³⁷ См., например: *Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих*. Т. 5. М., 1971. С. 219, 334; *Форчеллино А. Микеланджело: беспоконная жизнь*. М., 2011. С. 37–39.

³³⁸ См., например: *Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих*. Т. 3. М., 1970. С. 57–70; *Fermor Sh. Piero di Cosimo. Fiction, invention and fantasia*. London, 1993. P. 41–162; *Dennis Geronimus. Piero di Cosimo: Visions Beautiful and Strange*. Yale University Press, 2006. P. 163–244.

³³⁹ См., например: *Кларк К. Нагота в искусстве: исследование идеальной формы*. СПб., 2004. С. 249–251.

³⁴⁰ *Мезенцева Ч. А. Искусство Германии XV–XVIII веков. Очерк-путеводитель*. Л., 1980. С. 57; *Всеволожская С. Н. Государственный Эрмитаж. Итальянская живопись XVIII века. Каталог коллекции*. СПб., 2013. С. 93–95.

³⁴¹ Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб., 1885. С. 582; *Тахо-Годи А. А. Грифоны // Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 1. М., 1994. С. 336.

Овидия Назона, из текста которых во второй половине XV–XVII в., видимо, и черпались сведения (вопрос о степени распространенности этого произведения древнеримского поэта в различных европейских странах остается вне нашего внимания), не давали никаких оснований для такой замены,³⁴² и никому из художников или скульпторов такая мысль не приходила в голову. Отождествление лапифов с грифонами, пусть даже, по мнению С. М. Шамина только в умах «образованных европейцев», было совершенно невозможно и по причине аллегорической трактовки самого смысла битвы людей-лапифов с полуживотными-кентаврами и конечной победы «гуманистического» начала над «животным». Анализируя историю появления посвященной этому событию скульптуры Микеланджело, А. Форчеллино писал: «Этот миф имел фундаментальное значение для греческой, а затем и римской культуры, ибо в нем шла речь о далекой, доисторической эпохе человечества, символизируемой полуживотными — кентаврами, и об окончательном утверждении цивилизации через контроль над собственными инстинктами и торжество разума. ... Эта богатая аллегория начала прогресса человечества была как никогда дорогá гуманистической культуре эпохи, в особенности во Флоренции...».³⁴³ Не приходится сомневаться, что именно такая трактовка содержания древнегреческого мифа была свойственна представителям искусства других европейских стран и не только в конце XV в. Иными словами, заменить лапифов на никогда не изображавшихся в человекообразном виде грифонов³⁴⁴ значило бы просто уничтожить саму суть аллегии победы человеческого разума над зооморфным началом.

Собственно, и С. М. Шамина не отрицает, что «это широко распространенная аллегория олицетворяла битву цивилизации и варварства» (С. 75). В чем же тогда причина более чем странного утверждения о возможности отождествления лапифов с грифонами? Таковая, как можно думать, кроется в неправильно понятом автором книги комментарии к заимствованной им из все того же интернета картинке с изображением готовых вступить в драку друг с другом грифонов и кентавров (С. 75, примеч. 61). На этом рисунке два выскакивающих из-за скал кентавра замахиваются на двух же готовых к сопротивлению и также появившихся из-за гор или скал грифонов, а из находящейся под изображением подписи — «Combat de Centaures et de Griffons» — следует, что речь идет о сражении представителей двух

³⁴² Овидий. Собрание сочинений. Т. 2. С. 260–267.

³⁴³ Форчеллино А. Микеланджело. С. 37.

³⁴⁴ Не приводя возможные, многочисленные «западноевропейские» примеры, сослелся на изображения животных в памятниках славянской книжности: Белова О. В. Славянский bestiary. Словарь названий и символов. М., 2000. С. 93.

видов мифологических существ. Сама миниатюра позаимствована из созданного в Париже около 1410–1412 годов и хранящегося ныне в Национальной библиотеке Франции произведения Жана де Мандевилля (Jean de Mandeville) «Путешествия (Книга о чудесах)» («Voyages (Livre des merveilles)»). Затем под картинкой читается довольно обширный, никоим образом не принадлежавший автору этого произведения анонимный комментарий с рассказом о том, кто же такие кентавры — дикая и грубая орда, обитавшая в горах Фессалии на севере Греции, и для подтверждения их грубости и стремления поживиться «сырой плотью» приводится эпизод столкновения кентавров с лапифами на свадьбе царя Пирифоя, но они были побеждены и изгнаны из Фессалии, с традиционным замечанием, что воспетая Гомером «победа лапифов над кентаврами символизировала триумф цивилизации над варварством». Далее неведомый современный комментатор добавляет, приводя соответствующую цитату, что Ж. де Мандевилль сообщал о живших в Бактрии (Центральной Азии) иногда на суше, иногда в море многочисленных полу-людях, полу-лошадях, которые при случае ели людей, и отмечает, что Мандевилль заимствовал свой bestiary из «Послания Александра Аристотелю о чудесах в Индии»,³⁴⁵ которое он нашел или в «Александрии», или в «Историческом зеркале» Винсента из Бове.³⁴⁶ Ни о каких грифонах и уж, тем более, возможности их отождествления с лапифами в комментарии *не говорится*, и единственный раз само это слово — «Griffons» — «грифоны» — используется только в подписи под миниатюрой. Поэтому, основанные, видимо, на неточном понимании текста комментария к миниатюре из сочинения Ж. де Мандевилля с изображением кентавров и грифонов рассуждения С. М. Шамина о некоем «моди-

---

³⁴⁵ Перевод текста этого послания на русский язык см.: Повесть о рождении и победах Александра Великого. СПб., 2006. С. 125–146.

³⁴⁶ «Créatures hybrides, composées d'un buste d'homme sur le corps de cheval, les centaures formaient, selon les mythes grecs, une horde sauvage et cruelle qui habitait les montagnes de Thessalie (Nord de la Grèce). Ils étaient craints pour leur brutalité et se nourrissaient de chair crue. Ainsi aux noces de Pirithoos, roi des Lapithes, ils s'enivrèrent et s'emparèrent de sa jeune épouse! (не можем удержаться, в свою очередь, от комментария: кентавр Евритион пытался похитить Гипподамию отнюдь не для того, чтобы ее съест! Поэтому смысл этого последнего предложения кажется странным). Mais ils furent vaincus et chassés de Thessalie. Contée par Homère, la victoire des Lapithes sur les Centaures symbolise le triomphe de la civilisation sur la barbarie. Jean de Mandeville rapporte qu'en Bactriane (Asie Centrale) „de nombreux centaures se tiennent tantôt sur la terre, tantôt sur mer. Ils sont moitié homme moitié cheval et mangent les gens quand ils peuvent les prendre“. Mandeville emprunte son bestiaire à la pseudo *Lettre d'Alexandre à Aristote sur les merveilles de l'Inde* que l'on retrouve dans le *Roman d'Alexandre* ou dans le *Miroir historial* de Vincent de Beauvais».

фицированном варианте сюжета», где «лапифов заменили кентавры», являются не просто ошибочными, но и принципиально невозможными.

Не вызывает доверия и заключительная часть этого пассажа о том, что «сон» Мехмеда IV можно было «при желании» «расшифровать как пророчество о победе русских войск над турками», и об особой важности этого предсказания для правительства князя В. В. Голицына (С. 76).

Совершенно непонятно, из какой именно поступившей в это время в Посольской приказ немецко- или голландскоязычной газеты, комплекс которых неплохо сохранился, был заимствован рассказ об обрушившихся на Османскую империю бедствиях и «сне» султана. Единственного, содержащегося в книге указания на сводку «от 16 января 1686 г.» явно недостаточно, так как в ней могли быть объединены данные из различных источников.

Далее необходимо заметить, что количество толкований различных поражающих воображение или причиняющих существенный вред атмосферных, природных, антропогенных явлений как неких знамений действительно увеличивается в условиях различных кризисных ситуаций, в первую очередь — вооруженных столкновений и войн (и здесь мы согласны с неоднократно высказывавшимися Д. К. Уо и С. М. Шаминым суждениями), когда людям, что вполне естественно, хочется в окружающей их жизни увидеть, а чаще, додумать любые подтверждения благоприятного исхода событий для себя, своей страны или государства и поджидающих противника неприятностях. Не был исключением и период Великой турецкой войны 1683–1699 годов, когда Османская империя и ее сторонники столкнулась со Священной Римской империей германской нации и поддерживавшими ее странами («Священная лига»).³⁴⁷ Сам С. М. Шамин указывает на несколько, очевидно трактованных в «антитурецком» духе, сбывшихся или нет пророчеств, содержащихся в переводах сообщений из западноевропейских информационных изданий (С. 74–75³⁴⁸). Однако эти, относительно лаконичные переводы, занимавшие один, в лучшем случае — два столбцовых листа (С. 74–75, примеч. 55–59³⁴⁹) по-своему размеру резко отличаются от семи таких же столбцовых листов (С. 75, примеч. 60) с рассказом о «сне» турецкого султана и других относящихся к Османской империи «знаках». Если же обратить внимание на представленные И. Майер оригиналы немецких и голландских газет,³⁵⁰

³⁴⁷ Подробнее см., например: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 149–255.

³⁴⁸ См. также: *Шамин С. М.* Крест над Святой Софией. С. 134–138.

³⁴⁹ См. также: Там же. С. 139–140, 142.

³⁵⁰ ВК VI-2. С. 649–700; ВК VII. С. 778–803.

то очевидно, что помещавшиеся в них сообщения не были слишком пространными и уж никак не могли занять указанное количество листов. Это нехитрое «количественное» наблюдение дает основания полагать, что первоисточником для опубликованного С. М. Шаминым в 2012 г. и кратко пересказанного в 2020 г. русского варианта текста не обязательно было то или иное периодическое издание.

Подтвердить высказанное предположение помогает самое начало послания о «сне» султана и других знамениях — «Из Царя града пишет некий к другу своему. Что прошлым временем не писах, не для лености моеи чинилось, но для того, что не было для чего писать. А ныне оставить не возмогл, чтоб не писать, понеже в прошлых днях в Царе граде и во всеи земли кругом многие знаки в воздухе явились, и салтану турецкому во сне видение явилось».³⁵¹ Из этих слов очевидно, что речь идет о частной, причем между хорошо знакомыми людьми и, видимо, регулярной переписке, отсюда и читающееся объяснение причины задержки, произошедшей не из-за лени (вряд ли уместное, если корреспонденты были едва знакомы друг с другом, уточнение), а по причине отсутствия интересных событий. Одновременно очень сложно представить начинающееся словами «...пишет некий к другу» и без указания даты (число и месяц) сообщение в какой-либо западноевропейской газете и не менее трудно понять, каким образом это весьма пространное письмо или его копия вообще могло попасть в информационное издание. Кто и куда именно его передал — адресат, адресант или получившее тем или иным образом доступ к документу некое третье лицо?

Обращают на себя внимание и лексико-грамматические особенности текста — «не для лености моеи чинилось», «возмогл», к которым стоит добавить читающиеся далее «древеса», «аки огненным пламенем горящи», «велиею яростию», «острашен зело», «из великого страху возопил» и др. Очевидное использование книжно-церковной лексики дает основание думать, что перевод был сделан не в Посольском приказе, а в ином месте, куда, видимо, первоначально попал этот документ, и человеком, возможно, представителем духовенства, весьма далеким от делопроизводственного языка московского центрального приказа.³⁵²

---

³⁵¹ Шамин С. М. Крест над Святой Софией. С. 140 (сохранена орфография и пунктуация публикации).

³⁵² Для сравнения приведем хронологически близкий, но лексически совершенно иной перевод касающейся православного духовенства корреспонденции из Вены от 1690 г.: «Греческий патриарх Иеросалимский смотря по делам домогался у салтана турецкого, дабы ему отданы были монастыри, которыми владеют католики во Вифлиеме...» (цит. по: Шамин С. М. Куранты XVII столетия. С. 243). Возможность

Крайне интересен и еще один факт: русский переводчик анонимного письма, кем бы он ни был, вопреки пересказу этого послания С. М. Шаминам, *не использует* слово «кентавр» для обозначения «получеловека — полуконя», хотя сама битва этих мифических существ с грифонами и их сверхъестественная, «чудесная» природа, не вызывает у него удивления или недоверия, а воспринимается как нечто вполне знакомое. Рассказывая о «сне» Мехмеда IV, он пишет, что султан «видял великое множество чудесных *полканов* (выделено нами. — Л. Т.) — полчеловека и полконя», грифоны нападали на «полканов», которые убежали или спрятались, а восточный правитель пришел на помощь крылатым львам «з жалости полканом». ³⁵³ Следовательно, прекрасно понимая, о каких именно существах как противниках грифонов идет речь, «автор» перевода текста письма решил использовать знакомое ему русское определение — «полкан», ³⁵⁴ а не греческое «кентавр» (*χένταυρος*), довольно хорошо известное в России гораздо ранее последней четверти XVII в.: о кентаврах (кентакрех, неноконтаврах, ипнокентаврах и др.) упоминалось в Физиологах, азбуковниках и лечебниках, в том числе созданных в этом столетии, и иных произведениях. ³⁵⁵ Представляется, что такой выбор мог сделать человек, действительно гораздо лучше знакомый с русской книжностью, чем с приказным делопроизводством.

Против возможности отнесения русского варианта текста письма из Константинополя к переводам сообщений из западноевропейских

включения в приказные столбцы документов, переведенных «на не свойственный» для «Посольского приказа церковнославянский язык» отмечал, и С. М. Шамин (С. 61).

³⁵³ Шамин С. М. Крест над Святой Софией. 140–141.

³⁵⁴ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1980. С. 202; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. С. 311; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 221. Интересно отметить, что появление на Руси именованная «полкан» исследователями связывается с широко известной на Руси с конца XVI в. и продолжавшей сохранять свою популярность и в XVII столетии «Повестью о Бове-королевиче» (подробнее см.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси (Бова, Петр Златых ключей). М., 1964. С. 17–132; Кустерев С. Н. Повесть о Бове-королевиче в руках читателя XVII века // Сборник статей по русской истории в честь Александра Ивановича Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. М., 2019. С. 246–262); об изображениях «полкана» в XVII в. см.: Кузьмина В. Д. Бой Бовы с Полканом на муравленых изразцах (из истории белорусско-русских связей в первой половине XVII в. // ТОДРЛ. Т. 23. М.; Л., 1968. С. 253–260). Не будет слишком смелым предположить, что переводчик анонимного письма из Константинополя читал эту повесть и использовал встречавшееся в ней понятие, то есть на самом деле был лучше знаком с рукописной книжностью и ориентировался именно на нее.

³⁵⁵ Белова О. В. Славянский бестиарий. 141, 135; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 113.

газет, то есть к «сводке от 16 января 1686 г.» свидетельствует и не отмеченная (или не замеченная) автором книги хронологическая несуразность.

В полном тексте перевода упоминаются три даты — 10, 12 и 18 ноября, причем после привидевшегося султану 12 ноября второго сна, он послал «всей Турской земле» указы, чтобы созвать упомянутых выше астрологов и чародеев, затем, по их прибытии в Константинополь, дал им три дня на толкование видения, однако за этот срок даже сведующие в чудесах люди не смогли предложить султану приемлемого объяснения. Следовательно, учитывая время, необходимое на подготовку указов, их рассылку на места, приезд в столицу Османской империи астрологов и чародеев и их не менее, чем трехдневное пребывание там, можно предположить, что встреча с султаном произошла после 18 ноября, по крайней мере, в конце этого месяца. Таким образом, остававшихся до середины января 1686 г. полутора месяцев никак не могло хватить на то, чтобы письмо попало в какое-то западноевропейское информационное издание и эта газета была не только доставлена в Посольский приказ, но и переведена. Иными словами, ориентируясь, видимо, на указанную на каких-то других страницах дату, С. М. Шамин совершил ошибку, приурочив этот текст к 16 января 1686 г.

Противоречие между датой, 16 января 1686 г., комментируемой С. М. Шаминым подборки с «предсказаниями» и возможностью ее размещения в информационных западноевропейских изданиях очевидно, между прочим, и из рассуждений автора статьи об их значении для «правительства В. В. Голицына» (кстати, интересно было бы узнать, какой именно орган государственной власти середины 1680-х годов имеется в виду?) в связи с «предстоящими переговорами о Вечном мире с Речью Посполитой и присоединения к антиосманскому союзу» (С. 76). Великое посольство Речи Посполитой во главе с познанским воеводой К. Гжимултовским и литовским канцлером М. Огинским прибыло в Москву в феврале 1686 г., но только 26 апреля 1686 г. цари Иван Алексеевич и Петр Алексеевич после долгих обсуждений В. В. Голицыным и польскими послами условий «утвердили мир и союз торжественной присягой в Грановитой палате».³⁵⁶ Как отмечали исследователи, «оборонительный союз против Крыма и Порты заключался навечно, наступательный — до конца войны», однако и «после заключения договора с Речью Посполитой Россия отнюдь не спешила

---

³⁵⁶ Подробнее см.: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. С. 300–365; *Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М.* Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022. С. 40–42.

объявлять войну Крымскому ханству», по крайней мере, до 21 августа 1686 г.³⁵⁷ Было ли в этих условиях «особенно актуально» полученное за месяц или полтора до начала переговоров или и того дольше, если иметь в виду Крымское ханство, пророчество, и кто в условиях сложных дипломатических переговоров с польской стороной или отношений с крымскими татарами, сам В. В. Голицын или члены его «правительства», могли вспомнить об этом предсказании? Предположение выглядит сомнительным.³⁵⁸

Остается, конечно, возможность несколько более позднего появления этого текста, источником которого было не «информационное» сообщение в какой-то из западноевропейских газет, а некое другое, пока не поддающееся определению произведение, даже если речь идет не о реально существовавшей переписке двух людей, а об описании интересных, случившихся в Царьграде событий в эпистолярно-литературном произведении. Однако для решения этого вопроса следовало бы в первую очередь провести полный «кодиолого»-палеографический анализ весьма объемного в настоящее время, но вряд ли включавшего в себя в XVII в. столько же листов, столбца,³⁵⁹ чтобы обоснованно выявить, не ориентируясь на данный архивистами первой трети XIX в. заголовок «Переводы цесарских и голландских печатных политических ведомостей...»,³⁶⁰ все входившие в эту подборку микрокомплексы документов, понять хронологию их подготовки, логику соединения друг с другом и последовательность включения в столбец, но это работа будущих исследователей.

Завершая рассмотрение первой и второй глав, посвященных произвольно выбранным природным катаклизмам, которые, по мнению С. М. Шамина, обязательно являлись некими знаменами «божьей воли», прежде всего, гнева, или опять-таки «господними» знаками, предупреждавшими людей о тех или иных грядущих событиях, нельзя не отметить многие, характерные для обеих глав их черты.

Прежде всего, и во второй главе автор книги, как и ранее, при обращении «к европейским информационным текстам малых форм» так

---

³⁵⁷ Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. С. 42–43.

³⁵⁸ Любопытно, что в коллективной монографии с участием С. М. Шамина, посвященной как раз русско-турецкой войне 1686–1700 годов, при описании событий 1686 г. никакое случившееся в Царьграде предзнаменование и его возможное влияние на кн. В. В. Голицына или еще кого-нибудь не упоминается (Там же. С. 43–130), то ли из-за произошедшего в течение двух лет изменения позиции автора книги 2020 г., то ли из-за несогласия с таким суждением его соавторов.

³⁵⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 7. Ч. 1–4 (764 листа).

³⁶⁰ Там же. Ч. 1. Л. 20.

ни разу и не указал, какую же именно из определенных во Введении функций — познавательную-развлекательную или мировоззренческую — они выполняли. Отсутствие таких характеристик, как, равным образом, и уклонение от применения терминов «курьезный» и «памфлетный», показывают, что и во второй главе автор книги точно так же не обращает внимание на поставленные им же самим задачи путем анализа указанных функций находящихся в обороте переводов информационных сообщений выяснять «интеллектуальную активность русских людей», формирование свойственного Новому времени мышления, процесс европеизации русского общества и др.

Объединяет обе главы непоследовательно-ограниченный, трудно понятный и в должной мере не объясненный С. М. Шапиным подход к объектам исследований. Причем, помимо ограничения катастрофических природных стихийных бедствий землетрясениями и извержениями вулканов, а различных необычных атмосферных явлений только теми, в повествованиях о которых имелись слова «знамение» или «знак», приведенные в двух главах их описания не отличаются полнотой. Если сопоставить сообщения пусть даже только об указанных природных явлениях с опубликованными в семи выпусках «Вестей-Курантов» переводами «европейских информационных известий малых форм», которым посвящена, как заявлено во Введении, эта книга, то можно заметить те или иные пропуски, которые, по нашему мнению, никак не позволяют представить реальную картину отражения этих явлений в русско-язычных версиях иностранных сообщений. Более того, неполный учет имеющихся сведений вряд ли способствует достижению поставленной во Введении самим автором этого сочинения цели — «систематизации фактического материала», так как группировать, классифицировать и анализировать заведомо неполные данные не имеет смысла.

Непонятно и не находит подтверждения в источниках проявленное С. М. Шапиным в первой и во второй главах стремление во что бы то ни стало представить описание этих бедствий или различных атмосферных явлений, «небесных знаков», как обязательное проявление некоей сверхъестественной силы — «божьей» воли или его же гнева. Большинство переводов западноевропейских текстов и часть повествований из литературных сборников содержат объективно-повествовательные, местами, при обращении к разрушениям или гибели людей, эмоциональные рассказы свидетелей или корреспондентов о произошедшем с выражением, подчас, испуга или потрясения, но без каких-либо намеков на вмешательство высших сил в людские дела.

По этой же причине очень трудно согласиться с предложенным С. М. Шапиным при характеристике «структуры исследования» включением первой и второй глав в тематическую подборку «религиозных

сюжетов», так как приведенные описания даже при изредка встречающихся в них указаниях на «божью волю» касаются естественно-природных явлений и процессов, пусть и крайне тяжелых по своим последствиям, но никак не укладываемых ни в какие конфессиональные понятия.³⁶¹

Не подтверждают представленные в первой и второй главах материалы и еще один, также высказанный во Введении тезис — о «приказной документации как фоне для книжной продукции». Ничего подобного, по нашему мнению, заметить нельзя. Переводы «европейских информационных текстов малых форм», даже если они по тем или иным причинам включались в рукописные сборники, и читающиеся в литературных памятниках отдельные повествования о стихийных бедствиях, являются совершенно различными, не зависящими друг от друга, хотя иногда и повествующими об одном и том же событии источниками, но никак не восходящими друг к другу и не зависящими одни от других. Единственное, что могло объединять их, впрочем, далеко не всегда, так это объем текста, то, что С. М. Шамин и назвал «малыми формами», но сам же и подчеркнул, что никакого критерия для выделения именно таких письменных источников не существует. Стоило ли в таком случае прибегать к сомнительным «количественным» определениям, чтобы совместить плохо соединяющееся?

И последняя, объединяющая обе главы черта: использование (в первой главе в большей степени, во второй в меньшей) своих более ранних произведений, но без соответствующих ссылок, и, главное, без внесения в предшествующие работы необходимых с учетом прошедшего между выходом статей и более объемной книги времени дополнений, что не дает читателям возможности увидеть процесс изучения того или иного вопроса или удостовериться в отсутствии новых исследований и публикаций.

* * *

Третья глава книги С. М. Шамина с весьма многообещающим для изучения влияния на общественное настроение и религиозное созна-

---

³⁶¹ Впрочем, такое деление не вызвало возражений предыдущего рецензента, который написал: «Главы 1–5 включают тексты религиозного характера, повествующие о земных катастрофах и небесных знамениях, о грозных пророчествах и демонстративных наказаниях грешников карающей десницей» (*Алпатов С. В. У истоков русской рукописной традиции Нового времени. С. 253*). Мы искренне не понимаем, какие из упоминавшихся в первой и второй главах тексты действительно можно отнести к собственно «религиозным», и из текста рецензии это так же остается неясным.

ние русских людей XVI — начала XVIII в. переводов информационных западноевропейских изданий названием «Пророки и пророчества» сразу же вызывает некоторое удивление. Во-первых, своим небольшим для хоть сколько-нибудь последовательного изучения такой темы объемом — всего десять страниц (С. 80–89), во-вторых, очередным существенным нарушением заявленных самим автором книги хронологических рамок. В начале главы читается не очень пространное, но, впрочем, занимающее определенное место, основанное на тезисах А. Г. Сергеева рассуждение об относящемся к 1440 г. сообщении все того же Феофила Дедеркина, названного уже, ни много, ни мало, «информатором московского двора», о рождении в Вавилоне Антихриста (С. 80 и примеч. 1).³⁶² А в конце главы — как пример приводится некая, без указания автора, статья о пророчествах из издаваемого М. А. Сувориным литературно-художественного и сатирического журнала Лукоморье 1914 г. (С. 88–89). Как и в двух предыдущих главах, С. М. Шамин даже не пытается хоть как-то обосновать уже не просто относительно небольшой, в пределах нескольких десятилетий, отход от определенных во Введении крайних дат, а настоящий «скачок во времени» протяженностью более чем в 450 лет. Такой, отрицающий хоть какие-то обусловленные ходом исторического развития хронологические рамки подход представляется уже авторским произволом. При этом, свидетельствам середины XV в. и начала XX в. посвящены две из десяти указанных страниц, что составляет 20% всего объема текста третьей главы. Следовательно, на изложение результатов рассмотрения русских переводов, восходящих к иностранным информационным текстам XVI — начала XVIII в., остается восемь (!). Возможно, «сухие» математические подсчеты в отношении

---

³⁶² Не можем еще раз не обратить внимание на некоторую вольность обращения С. М. Шамина с работами предшественников. А. Г. Сергеев, ориентируясь на упоминание в послании некоего «листа» из Венеции, указал на возможный источник сведений о пришествии Антихриста: «Можно предположить, что названный в послании „лист“ представляет собой образец ранних венецианских летучих листов или рукописных газет (avvisi)» (Сергеев А. Г. Новонайденное послание Василию Темному // ДРВМ. 2017. № 3 (69). С. 124; об этом послании см. также: Корогодина М. В., Сергеев А. Г., Сиренов А. В. Послание об Антихристе Феофила Дедеркина. С. 3–22). С. М. Шамин же, ссылаясь на это замечание коллеги, пишет: «Оригиналом этого текста, скорее всего, был рукописный европейский „летучий листок“» (С. 80). В результате, высказанное автором тезисов 2017 г. *предположение* под пером автора книги 2020 г. превратилось в почти полную *уверенность*, но зато имеющиеся у А. Г. Сергеева указания на возможную вариативность источника — летучий листок или рукописная газета — и его возможное венецианское происхождение были произвольно опущены, что лишило читателей сочинения С. М. Шамина возможности получить полное и точное представление о мнении автора более ранней работы.

претендующего на научное исследование издания кому-то покажутся неуместными, однако они, наглядно отражая структуру данного раздела, демонстрируют особенности работы автора книги, по крайней мере, в этой ее части — крайне поверхностный подход к изучаемым им источникам, что можно прекрасно проиллюстрировать на материалах проходившего в 1642–1643 годах процесса иноземца Данилы Ребицкого, сказавшего за собой «государево великое верхнее дело», документы которого и стали для С. М. Шамина одними из источников рассуждений о «пророках и пророчествах» в этой главе.

Затем С. М. Шамин рассказывает о читающемся под заголовком «из города Наполи пишет» сообщении «о том, что в Калабрии появился пророк, назвавшийся сыном Иоиसेя и к нему стекалось множество вооруженных людей, от чего произошла „великая страсть“». Характеризуя этот документальный комплекс, С. М. Шамин утверждает: «Следующий (после сообщения Феофила Дедеркина 1440 г. — *Л. Т.*) случай, когда известие о пророке оказалось в частных руках, относится уже к 1642–1643 гг. Интересующий нас текст не успел после выхода из приказных стен попасть в рукописный сборник, однако сохранили его именно как „диковину“, поэтому с точки зрения своего культурного значения он близок к рукописным сборникам. История этого текста похожа на историю известий о знамени из сборника стрельца Димидки (так!) Воинова. Исходником (не будем придирааться к слишком вольному использованию автором некоторых жаргонных слов. — *Л. Т.*) для перевода стал летучий листок или, скорее, газета, которую привез во Псков голландский купец В. фан дер Блок» (С. 81), а также записанные с его слов „расспросные речи“, где иноземец «пояснял, что этот пророк будто бы сшел с небес для того, чтобы быть миротворцем, и к нему стали стекаться простые люди, которым он обещал защиту и отмену налогов» (С. 81). Кроме того, добавляет С. М. Шамин, в этом же «документе рассказывалось о знамени», произошедшем на дворе императора Священной Римской империи, когда над «покровом», под которым шел «цысарь», показался орел, упавший мертвым, как только с императора этот «покров» сняли (С. 81).

Отмечая, в первую очередь, значительный, чуть более чем 200-летний промежуток в сообщениях о пророках, С. М. Шамин, вероятно, хотел указать на столь длительный перерыв в соответствующих, включенных в рукописные сборники текстах, которые можно было бы тем или иным способом, более или менее оправданно, возвести именно к западноевропейским информационным изданиям, так как предполагать отсутствие рассказов о пророках и их пророчествах во всем массиве рукописной книжности середины XV–XVII в., учитывая и опубликованные произведения, и многочисленные сборники, часть из которых

до сего дня не имеют, за исключением указания на то или иное столетие, хоть сколько-нибудь подробного описания, крайне опрометчиво.

«В Москве данный текст попал в Разрядный приказ, — продолжает свое повествование С. М. Шамин, — в составе отписки из Пскова. С документами стали работать дальше, а черновик выбросили. Его подобрал подьячий Федор Семенов и отдал для изготовления зарядов стрельцу полка Василия Жукова³⁶³ Федору (!) Казанцу. Однако рукописи не дано было пропасть» (С. 81). Казанец, «„прочетчи то писмо, подивился“ и оставил его у себя дома», но вскоре, по оговору Д. Ребицким бывшего стрельца Афанасия Науменка, обвиняемого в попытке испортить царицу Евдокию Лукьяновну, Казанец, который якобы знал человека, похвалявшегося уморить царицу, также попал под следствие. В доме Казанца «был проведен обыск. Цель следователей состояла в том, чтобы найти что-нибудь пригодное для наведения порчи. ... Некоторые из предметов оказались проводившим обыск очень подозрительными — „кости и раковины, а иное, сказывают, громовая стрелка да чортов палец“» (С. 81–82), после чего и сам стрелец, и его жена Екатерина были допрошены, и «оказалось, — пишет С. М. Шамин, — что Казанца и его супругу Екатерину подвело обычное любопытство» (С. 82), а далее многозначительно замечает: «„Естественной историческая“ коллекция московского стрельца и его супруги выдает в них „людей Нового времени“ — интересующихся всем необычным, выходящим за рамки повседневного быта, склонных к собиранию редкостей, которые не приносили никакой практической пользы. Вестовое письмо с известием о пророке из Разрядного приказа стало для них очередной диковинкой» (С. 82).

Такое утверждение вкупе с предшествующим ему, весьма красочным, способном вызвать интерес читателей рассказом о предыстории обнаружения текстов о пророке, сыне «Иоисея», и событий, связанных с Г. Казанцем и его женой, заставляет еще раз проверить точность изложения в новейшем сочинении почерпнутых из дела 1642–1643 годов сведений.

В первую очередь, стоит сказать, что комплекс документов 1642–1643 годов в своем полном виде был опубликован несколько раз: А. Н. Зерцаловым в 1895 г. сначала в ЧОИДР, затем — в виде отдельного оттиска,³⁶⁴ а потом составителями подготовленного по лингвистическим

---

³⁶³ О московских стрельцах и их начальниках см., например: Романов М. Ю. 1) Стрельцы московские. М., 2004; 2) Москва стрелецкая. М., 2012; и др. работы этого автора.

³⁶⁴ Зерцалов А. Н. 1) К материалам о ворожбе в Древней Руси. Сыскное дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну // ЧОИДР. 1895. Кн. 3.

тическим правилам сборника документов о бытовой и деловой письменности С. И. Котковым, А. С. Орешниковым и И. С. Филипповым в 1968 г.,³⁶⁵ причем все эти публикации не лишены недостатков.³⁶⁶ Кроме того, если обратить внимание только на интересующие С. М. Шамина сообщения о пророке в Калабрии и знамении в Священной Римской империи, то необходимо отметить, что отдельно эти тексты вместе с апокрифическим «Сном богородицы» были еще раз изданы И. Е. Забелиным (по публикации А. Н. Зерцалова в ЧОИДР) при изложении историком всех подробностей проводившегося комиссией в составе боярина кн. Б. А. Репнина и дьяка Г. Леонтьева, к которым затем были добавлены окольничий В. И. Стрешнев и думный дьяк И. Гавренев, расследования о покушении на жизнь царицы,³⁶⁷ сведения же только о пророке и знамении — в первом выпуске «Вестей-курантов» ((по изданию С. И. Коткова, А. С. Орешникова, И. С. Филиппова).³⁶⁸ С. М. Шамина в своем дальнейшем изложении использовал только документы из сборника 1968 г., не указав другие публикации, но решив все же повторно (уже в шестой раз!) воспроизвести сообщение о знамении в Священной Римской империи (С. 81 и примеч. 3). Насколько можно судить, автор книги, используя более позднюю, «филологическую», публикацию, не сопоставил ее текст с изданиями А. Н. Зерцалова, но важнее другое. В конце не совсем полной и точной, как отмечено выше, библиографической ссылки С. М. Шамина решил указать архивный шифр самого дела 1642–1643 годов — «РГАДА. Ф. 210. Приказн. стол. Стб. 139. Л. 1–9) (С. 81, примеч. 2), который почти полностью совпадает с археографической легендой в сборнике 1968 г.³⁶⁹ (показательно, в частности, точно такое же сокращение «Приказн. стол»), изменив, по понятным причинам, название архива с «ЦГАДА» на «РГАДА». Тем не менее, С. М. Шамина, во-первых, допустил ошибку, возможно, опечатку в указании на количество листов: все дело занимает в столбце не девять, а 92 листа,

---

1. Материалы исторические. С. 1–38; 2) К материалам о ворожбе в Древней Руси. Сыскное дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну. М., 1895. 38 с. Далее в статье мы будем пользоваться текстом, опубликованным в ЧОИДР.

³⁶⁵ Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 18. С. 254–277.

³⁶⁶ Подробнее см.: Тимошина Л. А. Апокриф «Сон богородицы» в судебном деле 1642–1643 годов // ВАА. Вып. 39. М.; СПб., 2022. С. 144. Примеч. 66.

³⁶⁷ Забелин И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 2001. С. 444. О причинах расширения состава сыскальной комиссии подробнее см.: Тимошина Л. А. Апокриф «Сон богородицы»... С. 143–145, 148–150.

³⁶⁸ Введение // ВК I. С. 9.

³⁶⁹ Московская деловая и бытовая письменность... С. 276.

как и отмечено в публикации 1968 г.; во-вторых, просто повторил, не внося никаких уточнений, неполную, без необходимого указания на номер описи, ссылку на архивный источник. На самом деле, архивный шифр этого дела выглядит следующим образом — «РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Ч. 1. Приказной стол. Стб. 139».³⁷⁰ Соответственно, читатель, решивший заказать, опираясь на приведенные С. М. Шамина сведения, архивный подлинник, или вообще не получит желаемый столбец, или будет вынужден сам восполнять недостающие элементы шифра.³⁷¹

Далее. Обращаясь к любой из полных публикаций или к подготовленной И. Е. Забелиным выборке, нельзя не заметить, что в самом деле 1642–1643 годов сообщение о знамении в Священной Римской империи предшествует сведениям о появившемся в Калабрии пророке,³⁷² а С. М. Шамин, вероятно, руководствуясь названием главы —

---

³⁷⁰ Заметим попутно, что весь столбец в настоящее время включает в себя 972 листа. Без проведения специальных палеографо-кодикологических исследований, что никак не входит в нашу задачу, определить время формирования такой огромной подборки и людей, создавших ее — подьячие Разрядного приказа в XVII в. или архивисты последующих столетий (о проведении подобных работ в отношении документов Разрядного приказа см., например: *Шохин Л. И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. Архивисты и историки во второй половине XIX — начале XX века. М., 1999) — не удается, но понятно, что изначально дело 1642–1643 годов или открывало собой столбец, возможно, содержащий гораздо меньшее количество документов, или вообще являло отдельный свиток. Одновременно стоит сказать, что современная, включающая в себя три части 13-я опись столбцов Приказного стола Разрядного приказа на самом деле представляет собой три тома подготовленного в начале XX в. справочника (Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 15. М., 1908; Кн. 16. М., 1910; Кн. 17. М., 1912). Целесообразность замены ссылок на хорошо знакомые тома ОДБ МАМЮ искусственно созданным номером описи с делением уже ее на три части для нас не очевидна, но указание на опись в архивном шифре, разумеется, остается обязательным. Правильную, в соответствии с существующим с настоящее время в РГАДА научно-справочным аппаратом, ссылку на одно из разбиравшихся служителями этого же стола Разрядного приказа судебных дел см., например: *Опарина Т. А.* «Чужие» письма в русской магии // *Studia Slavica Hungarica*. 2004. Vol. 49. № 1–2. P. 57.

³⁷¹ Не впадая в мистицизм, не можем не обратить внимания на неточность позамыслованной, без сомнения, из все той же публикации 1968 г. (о чем свидетельствует так же, как и у С. М. Шамина, почти одинаковая форма воспроизведения поисковых элементов) ссылки на архивный шифр дела 1642–1643 годов в еще одной книге: «РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 1–92» (*Кивельсон В.* Магия отчаяния: Моральная экономика колдовства в России XVII века. Бостон; СПб., 2020. С. 142. Примеч. 62). Только здесь вместо ошибки в количестве листов неверно указан уже номер столбца, что при отсутствии ссылки на опись делает для читателя поиск архивного подлинника вообще неосуществимым.

³⁷² *Зерцалов А. Н.* К материалам о ворожбе в Древней Руси. С. 30; *Московская деловая и бытовая письменность...* С. 271; *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. С. 244.

«Пророки и пророчества» — посчитал возможным рассматривать эти тексты в обратном порядке. Конечно, если ориентироваться на известный математический закон сложения, то допущенная автором книги погрешность представляется простительной, однако, на самом деле, такая неточность, показывая весьма вольное обращение С. М. Шамина с источником, искажает структуру дела: никакого выделения свидетельств о появлении в Калабрии пророка и подчеркивания тем самым их особой важности в «вынутом» на дворе стрельца Г. Казанца «письме» нет.³⁷³

Не соответствует документам 1642–1643 годов и утверждение о том, что «исходником» перевода был привезенный в Псков голландским купцом В. ван дер Блоком летучий листок. Из текста «письма» очевидно, что сообщение о провозвестнике состоит из двух частей. Первая, начинающаяся словами «Из города Наполи пишет...», является свидетельством появления в Калабрии пророка — «новой пророк являлся и сказывался, что Мисеев сын, а по-русски Христов сын», многие жители с оружием пошли за ним, и в королевстве действительно настала «великая страсть». Вторая часть, предваряемая уточнением «Галанской немчин Вилим Фандоблок сказал...», содержит сведения об этом же, спустившемся с небес «сыне Христове» и изложение содержания предложенной этим «миротворцем» программы действий в отношении «простых», «преклонившихся» ему людей — избавление от всех бед и невзгод, жизнь без пошлин, дани и обид от кого бы то ни было.³⁷⁴ Очевидно, что речь идет о двух разных, восходящих к различным же источникам текстах. В отношении первого из них можно согласиться, что иноязычным оригиналом действительно послужило некое «европейское информационное издание малых форм», видимо, переведенное в Пскове все тем же переводчиком Матвеем Вересом, который работал в этом пограничном городе до 1645 г.³⁷⁵ Однако никаких известий о том, что содержащий сведения из Неаполя «летучий листок» был доставлен в Псков именно В. ван дер Блоком, в первой части «письма» нет.

Что же касается читающейся во второй части этого документа характеристики программы действий «сына Христова», которая, оче-

---

³⁷³ Дело по обвинению стрельца Афанасия Науменка в посягательстве на жизнь царицы Евдокии Лукьяновны чуть позднее выхода книги С. М. Шамина было рассмотрено М. Б. Плюхановой (*Плюханова М. Б. О деле Офоньки Науменка и о калабрийском пророке Томмазо Кампанелле. Люди эпохи барокко // Словесность и история. 2022. № 3. С. 43–71*).

³⁷⁴ *Зерцалов А. Н. К материалам о ворожбе в Древней Руси. С. 30; Московская деловая и бытовая письменность... С. 271.*

³⁷⁵ *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа... С. 76.*

видно, отсутствовала в «неаполитанском листке», то можно полагать, учитывая приведенную выше ремарку о «рассказе» голландского купца, что весь текст этой части «письма» представляет собой сделанный В. ван дер Блоком своеобразный комментарий к информационному сообщению (С. М. Шамина в этом отношении справедливо называет повествование голландца «пояснением»). Скорее всего, различия в содержании обеих частей связаны с тем, что В. ван дер Блок благодаря своим торговым занятиям и постоянным связям с зарубежными партнерами пользовался каким-то иным, более подробным, чем сообщение из Неаполя, источником. Можно поэтому полагать, что, прочитав перевод сообщения о появлении, пусть и в довольно далеком от Пскова месте, столь необычного человека, местные власти обратились к находившимся в городе иноземцам за новыми сведениями, и В. ван дер Блок сумел дополнить «неаполитанское» свидетельство. А это обстоятельство дает, в свою очередь, основание думать, что известия о провозгласившем весьма радикальную программу переустройства общества в интересах «простых людей» пророке стали доступны, независимо от оценки подобных преобразований — от искреннего одобрения до категорического отрицания, уже довольно широкому кругу лиц и, видимо, обсуждались.³⁷⁶

В связи с этим, трудно не заметить поражающее воображение своей фантастичностью суждение С. М. Шамина о происхождении пророка, которого он назвал сыном «Иоисея» (С. 81).³⁷⁷ Помимо того, что персонаж с таким именем не упоминается в каких бы то ни было христианских религиозных текстах,³⁷⁸ необходимо в очередной раз с сожалением отметить, что ничего подобного не читается и непосредственно в документе, где написано (повторим еще раз) «сын Мисеев, а *по руски* (выделено нами. — Л. Т.) Христов сын» (в переводе «неаполитанского листка»), «сын Христов» (комментарий В. ван дер Блока).³⁷⁹ Можно было бы полагать, что в имя «отца» появившегося в Калабрии пророка вкралась не замеченная никем опечатка, и вместо «Иоисея» следует читать «Моисея». У известного библейского персонажа действительно было два сына, Гирсам и Елиезер,³⁸⁰ и, казалось бы, новоявленный пророк мог объявить себя как физическим, так и духовным

---

³⁷⁶ Подробнее о трактовке В. ван дер Блоком сведений о пророке как легенды об избавителе с изложением некоторых биографических сведений об этом голландском купце см.: *Плюханова М. Б.* О деле Офоньки Науменка... С. 55–58.

³⁷⁷ На эту ошибку кратко обращалось внимание и ранее (*Тимошина Л. А.* Апокриф «Сон богородицы»... С. 156, примеч. 114).

³⁷⁸ См.: ПЭ. Т. 25. М., 2000. С. 356–372.

³⁷⁹ *Московская деловая и бытовая письменность*... С. 273.

³⁸⁰ *Селезнев М. Г.* Моисей // ПЭ. Т. 46. М., 2017. С. 267–283.

потомком ветхозаветного старца. Однако, в таком случае, читатель сталкивается с очередной нелепостью: исходя из текста «неаполитанского листка», получается, что «миротворец» одновременно был «сыном», какой бы, теологический или житейский, смысл ни вкладывать в это понятие, и Моисея, и Христа. Следовательно, предположение о возможности такой опечатки несостоятельно. Не будет слишком смелым думать, что выражение «Мисеев сын» появилось в русском тексте в тот момент, когда переводчик «неаполитанского листка», видимо, Матвей Верес, работавший преимущественно с немецкими, шведскими, латинскими и датскими текстами,³⁸¹ встретил показавшееся несколько чуждым не столько возможным русским читателям, сколько ему самому греческое «μισσαίος», посчитал необходимым транскрибировать, а затем пояснить это слово — «а по руски Христов сын», а прокомментировавший известие о пророке В. ван дер Блок ограничился более лаконичным указанием — «Христов сын».³⁸²

Разобрав допущенные автором книги неточности в определении источников сведений о пророке, обратимся к следующему моменту — способу попадания этих текстов в руки стрельца Г. Д. Казанца. Как рассказал сам служилый по прибору, «то де письмо дал ему розрядной подъячей Федор Семенов с ыным писмом на заряды». Иначе говоря, стрелец получил от своего, видимо, хорошего знакомого для использования в качестве пыжа, чтобы лишний раз не тратиться на необходимый для осуществления выстрела материал, оказавшийся приказному служителю ненужным листок с текстами сообщений о знамении в Священной Римской империи и появлении пророка на юге Италии. Этим словам не противоречили и показания самого Ф. Семенова,³⁸³ сказавшего, что стрелец Гришка действительно просил у него «...бумаги на заряды, и он де, Федор, ему ис под стола драную бумагу на заряды давал, и нешто де будет то письмо ему дал в драной

³⁸¹ *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа... С. 76.

³⁸² В рамках данной работы мы не будем останавливаться на возможных трактовках смысла слов «Мисеев сын» и выяснять, шла ли речь о представителях некоего еретического движения, которые действительно полагали возможным существование земных потомков Иисуса Христа, или здесь подразумевался более широкий и не столь отличающийся от общепринятого смысл — все люди, уверовавшие в Христа и есть «сыны божии» («дети божии»), как, равным образом, выяснять причины и ход упомянутого религиозно-народного движения в Калабрии.

³⁸³ С. Б. Веселовский упоминает Ф. Семенова как подъячего Разрядного приказа в 1638 г. (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие в XV–XVII вв. С. 472); по данным, приведенным в справочнике Н. Ф. Демидовой, Ф. Семенов работал в Разрядном приказе в 1620–1644 годах (*Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России... С. 509).

бумаге, а писаны де те вести в отписке из Пскова, и та де отписка в Розряде и ныне есть».³⁸⁴ Следовательно, известия о знамении и пророке, написанные, скорее всего, на одном столбцовом листе, попали в Разрядный приказ как приложение к полученной в этом центральном учреждении отписке из Пскова. Такие, присылавшиеся в Москву донесения официальных городских должностных лиц³⁸⁵ всегда представляли собой если и не каллиграфически, то с большим старанием и очень аккуратно написанные беловики. Поэтому весьма трудно объяснить, каким образом к отписке псковского воеводы оказался приложенным *черновик* русского перевода иностранных известий, как считал С. М. Шамин. Если местные власти посчитали по тем или иным причинам полезным отправить этот документ в Москву, его текст был, разумеется, переписан. Тем самым утверждение о некоем, присланном в приказ черновике не имеет под собой оснований, и причина выказанного приказным служителем небрежения крылась отнюдь не во внешнем виде присланного листка, как могло бы предстать читателям книги 2020 г. Казалось бы, выяснение вопроса, имеющего самое непосредственное отношение к изучению особенностей распространения «европейских текстов малых форм», должно было бы привлечь особое внимание С. М. Шамина, но этого, к сожалению, не произошло.

Между тем, рассказ Ф. Семенова о том, как он взял из-под стола «драную» бумагу и передал ее для изготовления зарядов пришедшему стрельцу, действительно чрезвычайно интересен и для изучения принципов приказного делопроизводства, и для выяснения отношения служащих одного из центральных государственных учреждений к поступавшим в столицу иностранным известиям. Остановимся поэтому на некоторых любопытных подробностях. В первую очередь отметим, что использованное подъячим выражение «драная бумага» указывает, по всей вероятности, не на плохую физическую степень ее сохранности,

---

³⁸⁴ Московская деловая и бытовая письменность... С. 273.

³⁸⁵ Не вполне понятно, о ком в данном случае должна идти речь. По имеющимся в справочной литературе данным, с февраля 1639 по 1641 г. псковским воеводой был стольник кн. Михаил Петрович Рыбин Пронский, а дьяком Петр Лутохин, а с июля 1642 и в 1643 г. — окольничий кн. Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский и дьяк Борис Патрикеев (*Барсуков А.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 184). Допрос же Афанасия Науменка, когда он указал на стрельца Г. Казанца как на человека, способного «испортить» царицу, состоялся 6 июля 1642 г. (Московская деловая и бытовая письменность... С. 269–270). Следовательно, стрелец должен был получить листок бумаги с текстами о знамении и пророке от Ф. Семенова до начала июля, однако сведения именно об этом полугодовом промежутке в справочнике А. А. Барсукова отсутствуют.

а на обычный в делопроизводстве XVII в. прием, когда сложенный пополам столбцовый лист более или менее глубоко разрывали сверху, отсюда выражение «подранные кабалы», указывающее на уплату займа, то есть на утрату составленным ранее долговым документом, который вполне можно было и выбросить, своего юридического или любого другого значения. Следовательно, в глазах подьячего вся оказавшаяся у стрельца Г. Казанца «драная бумага», что, по всей вероятности, подразумевало несколько столбцовых листов, не представляла интереса и не имела никакой ценности. Трудно сказать, кем проводилась эта своеобразная «экспертиза ценности» попадавших в Разрядный приказ и не только из Пскова документов — думным дьяком И. А. Гавреневым, дьяками Г. Ларионовым, П. Спиридоновым или самим Ф. Семеновым,³⁸⁶ но факт оценки приказными служителями сведений, содержащихся в документах, поступавших в Москву из подведомственных этому учреждению городов, допускавший возможность уничтожения наименее, по их мнению, важных из них, очевиден. Следовательно, в тех, не столь уж редких, случаях, с которыми сталкиваются исследователи, когда по имеющимся в местных учреждениях указаниям те или иные отписки городской администрации иногда в сопровождении других документов были отправлены в столицу, а в фондах центральных государственных учреждений в настоящее время они не обнаруживаются, причины утраты источников допустимо видеть не только в стихийных бедствиях, организационных реформах государственных учреждений, деятельности архивистов различных столетий и других объективных обстоятельствах, но и в субъективном факторе — особенностях делопроизводственной работы приказных служителей XVII в., подчас совершенно сознательно отказывавшихся хранить в архивах своих учреждений «маловажные», на их взгляд, документы.³⁸⁷

---

³⁸⁶ О руководителях Разрядного приказа в начале 1640-х годов см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 113, 287, 487–488; *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 146; *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 160; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России... С. 128, 311, 530. В приводимых в справочниках данных есть, иногда довольно существенные (особенно это касается книги Н. Ф. Демидовой), различия фактических данных, заставляющие исследователей использовать все четыре справочника вместе.

³⁸⁷ Попутно заметим, что свободное общение стрельца Г. Казанца с подьячим Ф. Семеновым, происходившее, очевидно, рядом с «рабочим местом», столом последнего, свидетельствует или о беспрепятственном посещении помещений Разрядного приказа всеми желающими, или, наоборот, об охране стрельцами этого государственного учреждения.

Второе обращающее на себя внимание в допросных речах Ф. Семенова обстоятельство состоит в том, что не имеющими никакой ценности бумагами служители Разрядного приказа посчитали как раз присланные при отписке псковского воеводы переводы западноевропейских «листочков» с читающимися там сведениями из Священной Римской империи и Калабрии. В Разрядный приказ поступало, конечно, много отписок из подведомственных пограничных городов, в части из них, непосредственно в тексте или в приложенных документах, в виде уже готовых русскоязычных версий, могли сообщаться различные внешнеполитические сведения. Однако, как показывает допрос Ф. Семенова, далеко не все они представлялись приказным служителям ценными. Скорее всего, достойными внимания считались сообщения о событиях в Речи Посполитой, Крымском ханстве, Османской империи, которые так или иначе касались пограничных территорий или повествовали о военных действиях. Поэтому ни случившееся в отдаленной Священной Римской империи знамение, ни появление пророка, пусть даже «сына мессии», в еще более далекой Калабрии, несмотря на любую, познавательную-развлекательную или мировоззренческую, суть этих сообщений, приказных ни в малейшей степени не заинтересовали, и листок был формально-юридически «уничтожен», скорее всего, рукой самого подъячего Ф. Семенова после доклада дьяку.

Если наши рассуждения справедливы, то нельзя не придти к выводу, что корпус попадавших в Москву в XVII в. переводов сообщений западноевропейских газет был в действительности несколько большим, чем стало представляться позднее на основании документов искусственно сформированного фонда-коллекции «Иностранные ведомости (куранты) и газеты» даже с учетом сохранившихся в других фондах-коллекциях Посольского приказа по взаимоотношениям с различными иностранными государствами «вестей». Из-за отсутствия должной согласованности в работе различных высших государственных учреждений XVII столетия часть поступавших в иные, помимо внешнеполитического ведомства, переведенных иноязычных сообщений могла почти сразу же утрачиваться, причем служители самого Посольского приказа вообще не знали о существовании такого рода документов.

Возвращаясь же к случайно оказавшемуся в руках Г. Д. Казанца и, тем самым, ненароком сохранившемуся листку с сообщениями о знамении и пророке, рассмотрим справедливость утверждения С. М. Шамина о том, что это «письмо» стало для стрельца и его жены как «людей „Нового времени“ — интересующихся всем необычным» и «склонных к собирательству редкостей, которые не приносили никакой практической пользы», некоей «очередной диковиной» (С. 82).

Напомним, что, как следует из документов дела 1642–1643 годов, «письмо» с известиями о случившихся в Священной Римской империи и Калабрии событиях вкуче с другим текстом — апокрифом «Сон богородицы» — было изъято у Гришки и его супруги вместе с довольно большим количеством других предметов, которым составили специальную роспись.³⁸⁸ Из 23 пунктов этой росписи в 11 перечислены различные растительные препараты (травы, цветы, корни, семена) для лечения болезней сердца, расстройств желудочно-кишечного тракта, грыжи, зубной боли; две травы использовались при хранении или приготовлении некоторых продуктов и напитков — «божья трава», которой окуривают квашню, и корень айра, что «кладут в вино для духу», еще две — для получения синей и желтой красок, и только про один «травяной сбор» из четырех трав «розных цветов», который муж привез из Архангельска, Катерина сказала, что не знает о его предназначении. Всего, таким образом, большая часть переписи, 16 пунктов, посвящена применявшемуся в быту для лечения различного рода болезней растительному сырью, что уже опровергает утверждение С. М. Шамина об отсутствии свойства «практической пользы» у изъятых на стрелецком дворе предметах. Наоборот, Григорий и его жена Катерина собирали лекарственное растительное сырье вполне целенаправленно. Видимо, оба они как «травники» были хорошо известны в своей среде, об их занятиях знал и некогда служивший в одном полку с Г. Казанцем бывший стрелец А. Наумов, обвинивший Гришку в хранении некоего предназначавшегося для порчи царицы «корени», который в том или ином виде обязательно нашелся бы у занимающихся знахарством людей. Следовательно, не столько «любопытство», как считал С. М. Шамин, «подвело» стрельца Г. Казанца и его жену, сколько их привычная для окружавших знахарско-лечебная деятельность, о которой, судя по всему, был наслышан А. Наумов, решивший воспользоваться этими сведениями для оговора.

Вполне вероятно, что Григорий и Катерина могли заниматься теми или иными «колдовскими» манипуляциями, отсюда и отмеченные в четырех пунктах росписи «чортовы пальцы» и «громовые стрелы», действительно употреблявшиеся, по справедливому замечанию С. М. Шамина, на протяжении столетий в магических практиках. Однако и это обстоятельство, выводя конечную цель подобных действий за рамки повседневности, не делает применявшиеся при этом опять-таки вполне практическим образом предметы собиравшимися из чистого любопытства коллекционными диковинами. Не случайно, что именно для собственных житейских нужд, чтобы изготовить че-

---

³⁸⁸ Московская деловая и бытовая письменность... С. 270–271.

ренок к ножу, стрелец Гришка предполагал использовать указанную еще в одном пункте росписи «кость говяжью».

И только в отношении одного пункта росписи, про не имевший практического применения обломок «камня», Катерина сказала, что это «дуб, лежал в воде и окаменел, а она держала у себя для *дииковины* (выделено нами. — Л. Т.)». ³⁸⁹ Трудно сказать, шла ли в данном случае речь о древесине произрастававших в отдаленные геологические эпохи деревьев, превратившихся с течением времени в кремнезем, ³⁹⁰ или жена стрельца подразумевала мореный дуб. Второе предположение выглядит более убедительным, так как, несмотря на довольно частые находки окаменелых фрагментов деревьев различных хвойных и лиственных пород, вряд ли вдова стрельца смогла бы точно определить, что речь идет именно о дубе. Однако и этот предмет, действительно охарактеризованный как «дииковина», не позволяет признать справедливым умозаключение С. М. Шамина о собирании Г. Казанцем и его женой некоей «естественноисторической коллекции» редкостей. Наоборот, лечение разнообразных болезней, приготовление напитков или хлеба, изготовление предметов обихода или даже магическо-колдовские действия как раз и составляли насущные потребности, определяли, если и не каждодневные, то, безусловно, более или менее постоянные заботы, сопровождавшие именно этот самый, отрицаемый С. М. Шаминам, повседневный быт людей. Конечно, вполне возможно, что, постоянно используя в своих разнообразных целях различные природные объекты, стрелец и его жена в гораздо большей степени, чем многие другие люди, интересовались окружающим их растительным и животным миром во всех его проявлениях, отсюда и повышенное внимание к чему-то необычному, доселе не виденному, пусть и не так уж часто встречающемуся. А для окружающих такие, превосходящие их собственные познания интересы вполне могли выглядеть, как чаще всего и случалось, если и не связанными напрямую с потусторонними черными силами, то, во всяком случае, весьма подозрительными. ³⁹¹

---

³⁸⁹ Московская деловая и бытовая письменность... С. 271 (орфография и пунктуация в цитате наша). Интересно, что рассказ Екатерины с выделением слова «дииковина» был использован, среди прочих источников, для изучения лексем просторечного характера в русском языке XVI–XVII вв. (*Генералова Е. В.* Лексико-семантические характеристики разговорного русского языка XVI–XVII вв. // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2015. Вып. 2. С. 89).

³⁹⁰ См.: *Шуман В.* Мир камня в двух томах. Т. 1. Горные породы и минералы. М., 1986. С. 48.

³⁹¹ В. Кивельсон, занимаясь делами о колдовстве, выявила 227 таких процессов за период 1601–1701 годов (*Кивельсон В.* Магия отчаяния. С. 413–428). В своей работе исследовательница уделяла внимание более общим вопросам — понятию «колдовства»

Таким образом, все эти используемые в лечебных, хозяйственных или магических целях предметы никак не характеризуют их обладателей как людей именно «Нового времени»; интерес к медицинским средствам природного происхождения или неким сверхъестественным действиям был свойственен жившим в самые разные эпохи, в том числе, разумеется, и в XVII столетии.³⁹² Скорее, влияние этого самого «времени», не столько хронологическое, сколько ментальное, можно усмотреть в том обстоятельстве, что, судя по материалам дела 1642–1643 годов, стрелец Г. Казанец и его жена Катерина после проведенных допросов не подверглись никакому наказанию, в отличие от А. Наумова, приговоренного сначала к отсечению рук и ног, а в случае, если после такой экзекуции он все еще останется жив, еще и к сожжению, замененных по царскому указу от 20 мая 1643 г. ссылкой в Тару в Сибирь.³⁹³ Следовательно, ни занимавшиеся выяснением конкретных обстоятельств дела боярин кн. Б. А. Репнин, окольный В. И. Стрешнев, думный дьяк И. Гавренев и дьяк Г. Леонтьев, то есть те, кого С. М. Шамин назвал «следователями» (С. 81),³⁹⁴ ни вы-

---

в реалиях русской жизни XVII в. и его отличием от западноевропейских дефиниций, целям, задачам, техническим приемам, свойственным «русской магии», системе судопроизводства по делам о колдовстве, возможным связям магических ритуалов с ересями, предательством, бунтовскими действиями. В будущем было бы интересно проанализировать, сколько обвиняемых на этих процессах являлись одновременно и использовавшими различное растительно-животное лекарственное сырье знахарями, чтобы понять, насколько часто применение во вполне благих, лечебных целях подобных средств воспринималось как способность «уморить», «наслать порчу» и т. д. Иными словами, до какой степени представление бывшего стрельца А. Наумова о возможности оговорить Г. Казанца только на основании известного доносчику факта хранения у него в избе и на дворе трав, корней и некоторых других предметов было характерно для умонастроения других людей, живших в Русском государстве XVII в.

³⁹² См., например: Сапожникова О. С. 1) Лицевой травник Сергия Шелонина: список с перевода русского врача XVI в. // ВВА. Вып. 15. М.; СПб., 2016. С. 11–38; 2) Лицевой травник Строгановых-Шелонина и род Салтыковых // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, 29 марта 2017 г. Самара, 2017. С. 30–48; 3) «Лечебник Строгановых лекарей» и Лицевой травник Сергия Шелонина // Историк и источник. Сборник статей к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. СПб., 2018. С. 439–485; и др. работы этого автора. Пользуясь случаем, отметим появившийся недавно русский перевод трактата 1651 г. английского врача и алхимика Джона Френча: *Френч Д. О дистилляции, сублимации и кальцинации*. СПб., 2022.

³⁹³ Московская деловая и бытовая письменность... С. 275–276. Подробнее о виде изначально ожидавшего А. Наумова наказания см.: Тимошина Л. А. Апокриф «Сон пресвятой богородицы...». С. 157, примеч. 117.

³⁹⁴ Не вполне понятно, почему, говоря о пришедших на двор стрельца Г. Казанца дьяке Г. Леонтьеве и человеке И. Стрешневе А. Наумове, С. М. Шамин употребляет термин «следователи» во множественном числе (С. 81) и при рассказе об обыске

носившие приговор бояре кн. Д. М. Черкасский, Ф. И. Шереметев, кн. Б. А. Репнин, И. В. Морозов, В. П. Шереметев, М. М. Салтыков, окольные кн. А. Ф. Масальский, Ф. В. Волинский, В. И. Стрешнев³⁹⁵ не увидели в хранении стрельцом и его женой ряда предметов медицинско-бытового назначения ничего предосудительного и не вынесли в отношении этих людей обвинительного приговора (впрочем, вернули ли им после допросов все эти травы, корни, раковины, «громовые стрелы» и т. д., из материалов дела остается неясным), что противоречит заявлению автора книги о том, что кости, раковина, «громовая стрелка» и «чортов палец» «показались проводившим обыск очень подозрительными» (С. 82). Может быть, в подобном решении проявилось уже сложившееся к середине XVII в., по крайней мере, у части русских людей представление о возможности использования всех этих средств растительно-животного происхождения в обычной жизни в лечебных целях, без намерения причинить кому бы то ни было, включая особ царствующей фамилии, вред или зло?

Проанализировав источники иностранных сообщений о знамении в Священной Римской империи и появлении пророка в Калабрии, остается рассмотреть последние вопросы: что же привлекло, безусловно, грамотного, о чем свидетельствует слова самого Гришки — «прочетчи то писмо, подивился»,³⁹⁶ московского стрельца в предназначенном для использования в сугубо практических целях, в качестве пыжа, листке и почему он решил его сохранить? С. М. Шамин, основываясь, по всей вероятности, на слове «подивился» и опираясь на свое, отмеченное выше, общее суждение о существовании у стрельца и его жены Катерины некоей «естественноисторической коллекции», уверенно, но несколько туманно и не приводя никаких доказательств, пишет: «Вестовое письмо с известием о пророке из Разрядного приказа стало для них очередной *диковиной* (выделено нами. — Л. Т.)» (С. 82). Строго говоря, слово «диковина», как отмечено выше, в документах дела 1642–1643 годов было употреблено только один раз — самой Катериной, охарактеризовавшей подобным образом кусок окаменевшего или мореного дуба, но не «вынутое» «письмо». Поэтому прежде, чем сразу и безапелляционно определять при помощи этого термина

на дворе и в доме стрельца Г. Д. Казанца опять же использует множественное число глаголов — «останавливали» (взгляд), «показались» и т. д. Вряд ли А. Наумову, который сам являлся главным подозреваемым в деле о «порче» царицы Евдокии Лукьяновны, было разрешено изымать различные травы, корни, раковины и др., эти действия, очевидно, проводил дьяк Г. Леонтьев, а бывший стрелец мог всего лишь указывать на хорошо, видимо, известные ему места их хранения.

³⁹⁵ Московская деловая и бытовая письменность... С. 275–276.

³⁹⁶ Там же. С. 273 (пунктуация наша).

причину интереса стрельца, стоило бы задуматься, что же на самом деле могло удивить стрельца в ничуть не похожем на предметы растительно-животного происхождения, необычность которых могла определяться их формой или физическим состоянием, листке с рукописным, не имеющем явных признаков «магического» текстом, который внешне вряд ли сильно отличался от другой, полученной от подьячего Ф. Семенова на заряды «драной бумаги»?

Очевидно, что любопытство стрельца вызвало какое-то из прочитанных им сообщений, и не будет слишком смелым предположить, что таковым явились несколько различающиеся между собой, но посвященные одному и тому же персонажу повествования о появлении в некоем, весьма отдаленном от Русского государства месте (вряд ли московский стрелец отчетливо представлял, где находится «Калабрийская земля», хотя, не исключено, что о Неаполитанском королевстве что-то мог слышать), пророка, представшего в глазах стрельца не «сыном», а самим «мессией». Как раз о таком понимании текста Гришка и заявил на допросе 3 августа 1642 г.: «А што у него вынято письмо, а написано в нем, появился месия».³⁹⁷ Можно полагать, что Г. Казанец «подивился» именно читающемуся на полученной им бумаге свидетельству — повторному «пришествию» «Спасителя», хотя выбранный им для описания своего восприятия текста глагол показывает, что московский служилый человек не столько поверил, сколько поразился такому происшествию. Нельзя, конечно, полностью исключать, что положительное впечатление на московского служилого по прибору произвела «программа» действий объявившегося в Калабрии «сына Христова»,³⁹⁸ связанная с провозглашением «беспошлинной», свободной «от дани» и обид со стороны кого бы то ни было жизни. Впрочем, в материалах дела ни о каких притеснениях Г. Казанца со стороны кого бы то ни было не сказано, а оговор А. Наумова, повторим, не имел для стрельца особых последствий.

Разумеется, сообщение о появившемся в «Калабрийской земле» пророке было не только интересным, но и выходящим за рамки окружающей Г. Казанца повседневности, однако следует учитывать и еще одно обстоятельство, прошедшее мимо внимания С. М. Шамина. Как следует из составленной 6 июля 1642 г. описи других изъятых на дворе стрельца предметов, указанное «письмо» хранилось вместе с еще одним рукописным текстом — апокрифическим «Сном богородицы».

---

³⁹⁷ Московская деловая и бытовая письменность... С. 273.

³⁹⁸ Трудно сказать, задумался ли Г. Казанец, как ранее служители Разрядного приказа, ознакомившиеся с этим текстом, над религиозно-догматическим смыслом читающихся в «письме» слов о том, что новоявленный пророк был «Мисеев сын, а по руски Христов сын».

Этот, состоящий из двух частей документ — описание виденных Марией во сне крестных муках Иисуса Христа и следующая далее молитва-оберег — появился у Г. Д. Казанца намного раньше двух иностранных сообщений о знамении, в конце 20-х — самом начале (до 1632 г.) 30-х годов, и преимущественно использовался им и его женой, исходя из его второй, мистической составляющей, как защита от пуль и ран или средство от болезни, «черной немочи» — эпилепсии, которой страдала Катерина.³⁹⁹ И, несмотря на очевидную для Григория и признанную им вместе с женой во время допросов бесполезность и в том, и в другом случае носимого на теле листка с этим текстом,⁴⁰⁰ стрелец все же не избавился от него.⁴⁰¹ По нашему предположению, основной причиной хранения апокрифа на протяжении, как показывают материалы дела 1642–1643 годов, не менее чем десяти лет послужило осознание стрельцом важности содержания первой части апокрифа с рассказом о распятии, муках и воскресении Иисуса Христа. Допустимо поэтому думать, что, столкнувшись через многие годы с еще одним, явно эсхатологическим текстом, где упоминался приход пророка — «сына Мессии», Г. Казанец, прочитав полученное от подьячего Ф. Семенова среди прочих бумаг «письмо», удивился именно этому обстоятельству. Отсюда и пришедшее ему на ум решение хранить обе рукописи, в том числе и попавший к нему совершенно случайно перевод иностранных известий, вместе.

Таким образом, никаких оснований включать полученное в Разрядном приказе для использования в качестве пыжей «письмо» в число экспонатов некоей мифической, имевшейся, по мнению С. М. Шамина, у стрельца Гришки и его жены Катерины «естественноисторической коллекции», на наш взгляд, не имеется. Что же касается употребления в материалах дела 1642–1643 годов слов «диковина» и «подивился», то этому обстоятельству не стоит придавать особого

³⁹⁹ Подробнее см.: Тимошина Л. А. Апокриф «Сон богородицы»... С. 150–161.

⁴⁰⁰ Московская деловая и бытовая письменность... С. 272; Тимошина Л. А. Апокриф «Сон богородицы»... С. 155–156.

⁴⁰¹ О других разбиравшихся в Разрядном приказе делах, связанных с «заговорными» письмами, в частности, в 1638 и 1651 годах, см.: Булычев А. А. 1) О колдовском заговоре против бубонной чумы (по материалам архива Разрядного приказа) // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27 января — 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 46–48; 2) Несколько замечаний о так называемых разрешительных грамотах // *Russica Romana*. 2009. Vol. 16. P. 23; 3) Два розыска о заговорных письмах во второй четверти — середине XVIII столетия (по материалам Разрядного приказа) // ТОДРЛ. Т. 64. СПб.; Ростов, 2016. С. 111–120; Опарина Т. А. «Чужие» письма в русской магии. Р. 53–54.

значения, так как их смысл в каждом конкретном случае различен: «диковина» при характеристике внешнего вида, скорее всего, куска мореного дуба и «подивился» при описании содержания прочитанного «письма». К тому же нет никаких оснований полагать, что Г. Казанец твердо отдавал себе отчет в том, что одним из источников сведений о появлении «сына Спасителя» было выполнявшее то ли «курьезную», то ли «памфлетную» функцию «западноевропейское информационное издание малых форм», вряд ли он вообще обратил внимание на это обстоятельство. Следовательно, мнение С. М. Шамина о том, что Г. Казанец воспринимал псковское «письмо» наряду с травами, цветами, кореньями, раковинами и т. д. как «коллекционную» «диковину», что якобы характеризовало стрельца вместе с его женой в качестве людей «Нового времени», вкладывая в это определение отчетливо выраженный оценочный смысл и видя появление у них каких-то особых естественно-научных интересов, свойственных именно этому историческому периоду, подтверждения в материалах дела 1642–1643 годов не находит. Использование же автором новейшего сочинения для обоснования своих суждений о входящих в состав этого комплекса документов в большинстве случаев представляется крайне неточным, а иногда — и ошибочным.⁴⁰²

Завершив рассмотрение дела 1642–1643 годов, С. М. Шамин обращается к упоминаниям пророков и пророчеств непосредственно в курантах, куда такие сообщения попадали, по его словам, неоднократно,⁴⁰³

---

⁴⁰² С. М. Шамин не впервые использует документы дела 1642–1643 годов, оно упоминается в статье 2004 г. и монографии 2011 г. (*Шамин С. М.* 1) Вести и куранты вне стен государственных приказов в России XVII столетия // Честному и грозному Ивану Васильевичу. К 70-летию Ивана Васильевича Левочкина. М., 2004. С. 62–63; 2) Куранты XVII столетия. С. 283–285), причем в обеих работах обстоятельства разбирательства изложены гораздо более точно, без совершенно невозможных указаний на «сына Иоисея». Однако в этих двух более ранних работах есть характерная особенность: и в статье 2004 г., и монографии 2011 г. стрелец характеризуется как человек «неординарный» и «любопытный» (*Шамин С. М.* 1) Честному и грозному Ивану Васильевичу. С. 63; 2) Куранты XVII столетия. С. 285), но эти черты его личности никак не соотносились с определенным историческим периодом — «Новым временем». Небезынтересен и читающийся в более ранних работах, несколько отличающийся от книги 2020 г. вывод: «Как видно, Казанца привлекло сообщение о чуде, а не какая-то внешнеполитическая информация» (*Шамин С. М.* 1) Честному и грозному Ивану Васильевичу. С. 63; 2) Куранты XVII столетия. С. 285). Такое указание на причину интереса Г. Казанца к «письму», кроющуюся в его содержании, в сообщении о «чуде», гораздо больше, на наш взгляд, соответствуют действительности. К сожалению, С. М. Шамин в новейшем сочинении не посчитал необходимым отметить изменение своей авторской позиции и объяснить его.

⁴⁰³ Для читателей рецензии перечислим, опираясь на опубликованные тексты, некоторые из них: сообщение от 25 февраля 1620 г. из Франкфурта (ВК I. С. 33);

впрочем, подчеркивая, что в данном случае он остановится только на свидетельствах о появившемся в Газе в 1665 г. еврейском пророке Саббатае Цви (С. 82–83), и отмечая, что «сотрудники Посольского приказа перевели все оказавшиеся доступными для них брошюры и газетные статьи на данную тему» (С. 83). Никаких конкретных доказательств своего суждения в виде, например, перечисления комплекса поступивших в русское внешнеполитическое ведомство иноязычных брошюр и статей и соответствующих русских вариантов их текстов автор книги не привел, однако уверенно констатировал, что «интерес московского правительства к Саббатаю Цви связан как с общим вниманием к политической жизни Османской империи, так и с собственными эсхатологическими ожиданиями» (С. 83).⁴⁰⁴ Трудно сказать, какого рода «эсхатологические ожидания» существовали у возглавлявшего Посольский приказ думного дьяка Алмаза Иванова, служивших там дьяков Е. Юрьева, Д. Шубина, Л. Голосова⁴⁰⁵ или неких, остав-

---

относящиеся к 1627–1628 годам свидетельство из Бремена (ВК I. С. 104); вести от 23 июля 1633 г. из Шлезвига (ВК I. С. 165); сообщение от 28 февраля 1644 г. из Гамбурга (ВК II. С. 135).

⁴⁰⁴ О том, что заинтересованность сообщениями о Саббатае Цви в «курантах» объяснялась естественным и постоянным интересом «московского правительства» к положению дел в Османской империи («...naturally involves the Ottoman Empire, whose stability (or lack thereof) was a source of continuing interest to the Muscovite government»), с одной стороны, а с другой — эсхатологическими ожиданиями («eschatological expectations») в русской православной церкви, писал некогда Д. К. Уо (*Waugh D. K. News of the False Messiah: Reports on Shabbetai Zevi in Ukraine and Muscovy // Jewish Social Studies. 1979. Vol. 16. № 3–4. P. 307–308*). С. М. Шамин в более ранних работах ссылался на мнение Д. К. Уо, указывая, правда, не эту статью, а монографию американского историка 1972 г. (*Waugh D. K. Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting. Harvard University, Cambridge, Massachusetts, March, 1972; Шамин С. М. 1) Новости о церковной жизни Европы... С. 252; 2) Куранты XVII столетия. С. 258*). В новейшем сочинении указаний на это мнение предшественника нет.

Отметим, попутно, появившийся совсем недавно русский перевод подробной биографии пророка: *Шолем Г. Шабтай Цви: мессия-мистик. 1626–1676 гг. Т. 1, 2. Касталия, 2022*.

⁴⁰⁵ См.: *Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 123, 203, 584–585, 594; Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат... С. 132–133; Лузейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. С. 135; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России... С. 139, 221, 635, 643 (Д. Шубин в 1664 г. отмечен как дьяк Печатного приказа).*

Скорее, стоит думать, что их внимание гораздо больше привлекали начавшиеся 1 июня 1664 г. в Дубровичах очень нелегкие переговоры с польской стороной об условиях «вечного мира», которые в апреле 1666 г. продолжились в деревне Андрусово (Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 516–517; *Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006. С. 41–44*).

шихся анонимными представителей «московского правительства», тем не менее, в опубликованных переводах иностранных известий действительно имеются пять свидетельств 1665–1666 годов об этом еврейском лжемессии-мистике и его учителе Нафане Леви.⁴⁰⁶ Однако ни на одном из этих переводов, представленных черновыми или белыми текстами, если судить по количеству отмеченных в публикациях исправлений, нет никаких указаний на то, что эти свидетельства или хотя бы одно из них были прочитаны царю Алексею Михайловичу, боярам или каким-либо другим лицам, входившим в состав московского правительства. В таком случае, каким же образом С. М. Шамин мог придти к выводу о существовании у этих лиц интереса к Саббатаю Цви? или у автора монографии имелись некие дополнительные данные, которыми он не посчитал нужным поделиться с читателями, позволившие ему сделать подобное заключение? Вопросы остаются без ответа.

Впрочем, мнения о том, царь Алексей Михайлович был хорошо знаком с сообщениями о Саббатае Цви придерживается не только С. М. Шамин. Так, И. Майер, анализируя сведения о еврейском лжемессии в русских переводах 1665–1666 годов, привлекая для лингвистического анализа печатавшиеся в Западной Европе брошюры и летучие листки и снабжая их своими комментариями, отметила, что именно для царя Алексея Михайловича была частично переведена немецкоязычная брошюра объемом в 12 страниц и для него же «был также сделан сокращенный перевод» еще одной брошюры на немецком языке.⁴⁰⁷ Однако, несмотря на огромную, проделанную И. Майер работу с иноязычными текстами, которая может послужить необходимой основой для проведения настоящего источниковедческого исследования находящихся в ф. 155 документов, нельзя не заметить, что ни в одном из русских сокращенных или более полных переводов, а иногда пересказах всех этих свидетельств нет помет «государю

---

⁴⁰⁶ ВК VI-1. № 36а (повторно опубликован с уточнением датировки фрагмент текста о Нафане Леви из предыдущего тома — ВК V, № 26), 37 (повторно этот текст воспроизведен в Приложении, № 3), 44, 46, 48.

⁴⁰⁷ ВК VI-2. С. 112–113. О готовившихся для царя Алексея Михайловича в 1666 г. переводах иностранных газет и брошюр со сведениями о Саббатае Цви ранее писал Д. К. Уо (*Waugh D. K. News of the False Messiah*. P. 301). «Явный интерес» царя к курантам с сообщениями о «мессии» со ссылкой на указанную статью Д. К. Уо отмечала Т. А. Опарина (*Опарина Т. А. Число 1666 в русской книжности середины — третьей четверти XVII в. // Человек между Царством и Империей. Сборник материалов международной конференции*. М., 2003. С. 287–317). Совсем недавно вышел сборник статей Т. А. Опариной, куда была включена и эта статья: *Опарина Т. А. Русский человек XVII века: выбор веры*. М., 2023. С. 300–328. В дальнейшем мы будем цитировать работу исследовательницы по последнему из указанных изданий.

чено», «государю чтено и бояром», которые бы доказывали знакомство царя и членов Боярской думы с этими свидетельствами.⁴⁰⁸ Возможное возражение, что археографы, занимавшиеся воспроизведением соответствующих текстов, осознанно или по невнимательности, пропустили именно эти пометы, не кажется серьезным, так как, во-первых, в других случаях подобные указания не прошли мимо внимания современных публикаторов,⁴⁰⁹ а во-вторых, соответствующие ремарки не читаются и в представленных Д. К. Уо 30-ю годами ранее текстах, касающихся Саббатаея Цви.⁴¹⁰

Таким образом, никаких прямых, базирующихся на соответствующих пометах в текстах русских переводов доказательств обязательного ознакомления царя Алексея Михайловича или других, составляющих правящую верхушку лиц с сообщениями о появлении в Газе нового еврейского мессии, а, тем более, особой предназначенности подобных свидетельств для монаршей особы нет. Появляется, однако, возможное возражение, что отсутствие прямых доказательств еще не означает того факта, что Алексей Михайлович действительно ничего не знал о Саббатае Цви. И здесь стоит обратить внимание на замечание И. Майер о том, что из целого ряда нидерландских, в частности, гарлемских газет, как показывает проведенное исследовательницей текстологическое сравнение иноязычных оригиналов с русскими вариантами, переводились только сообщения о лжемессии. Таковыми, по ее мнению, являются корреспонденции от 6 марта 1666 г. из Вены, 12 марта из Лондона и 19 марта этого же года из Амстердама.⁴¹¹ Допустимо было бы думать, что доказательством знакомства царя и его окружения с сообщениями о Саббатае Цви могли быть довольно часто сопровождавшие в этот период русские переводы пометы о том, что те или подборки были «снесены в Посолской приказ ис Приказу тайных дел», и указание на личную канцелярию Алексея Михайловича для некоторых исследователей являлось бесспорным аргументом в пользу безусловного знакомства царя с переводившимися отсюда текстами.⁴¹² Однако при такой логике рассуждений не вполне понятно, кто же из сотрудников приказа Тайных дел⁴¹³ мог бы самостоятельно

⁴⁰⁸ ВК VI-1. № 37. С. 159–160; № 38. С. 163–164; № 40. С. 167; № 43. С. 171; № 44. С. 172–176; № 46. С. 180–182; № 48. С. 185; № 49. С. 190.

⁴⁰⁹ См., например: ВК VI-1. № 7. С. 91; № 8. С. 93; № 17. С. 109; № 19. С. 112; и др.

⁴¹⁰ *Waugh D. K. News of the False Messiah. P. 310–317.*

⁴¹¹ ВК VI-2. С. 115, 496–497.

⁴¹² См., например: *Шамин С. М. Введение // ВК VI-1. С. 10–11.*

⁴¹³ С 16 июля 1664 г. по 14 августа 1671 г. это учреждение возглавлял дьяк Федор Михайлов (*Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие в XV–XVII вв. С. 342; Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат... С. 188–189; Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. С. 215).*

переводить иноязычные сообщения. Поэтому стоит полагать, что из Тайного приказа в Посольский «сносились» поступившие в царскую канцелярию иностранные оригиналы, чтобы служители именно внешнеполитического ведомства занялись изготовлением их русскоязычных вариантов. Тем не менее, вопрос о том, какие именно и все ли переводы возвращались обратно в приказ Тайных дел, требует дальнейшего изучения. Кроме того, подобных помет на подборках со сведениями о Саббатаи Цви (см. примеч. 408) нет.

Разумеется, царь Алексей Михайлович мог узнать «о смуте еврейского народа и о востании нового их царя и пророка»⁴¹⁴ другим путем, например, из устного пересказа прочитанных переводов дьяком Тайного приказа Ф. Михайловым, если эти тексты после проведенной в Посольском приказе работы действительно отправлялись обратно в царскую канцелярию,⁴¹⁵ или тем же Алмазом Ивановым, но и этот вывод требует более развернутой системы доказательств.

Еще меньше оснований говорить, пусть даже просто повторяя суждения предшественников, как это делает С. М. Шамин, о каких-то эсхатологических ожиданиях в середине 1660-х годов в Русском государстве, связанных с 1666 годом, как причине этого самого «интереса московского правительства» к корреспонденциям об еврейском пророке. Конечно, подобные утверждения довольно популярны в современной историографии,⁴¹⁶ независимо от того, в какой степени «связь апокалиптизма и еврейского мессианства отразилась в движении Саб-

---

По данным Н. Ф. Демидовой, был дьяком Тайного приказа в 1669–1671 годах (*Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России... С. 363).

⁴¹⁴ ВК VI. Ч. 1. № 37. С. 159; Приложения. № 3. С. 551.

⁴¹⁵ Точно такую же последовательность работы с иностранными изданиями отмечает С. М. Шамин: сначала газеты поступали в Тайный приказ, а затем передавались для перевода в Посольский приказ. Правда, затем автор книги утверждает, ссылаясь на опубликованную опись дел, переданных из Тайного приказа после расформирования этого учреждения, что «оттуда переводы вновь отправлялись в приказ Тайных дел» (*Шамин С. М.* Введение. С. 11). Однако в этой описи учтены не все имеющиеся в настоящее время в ф. 155 документы — русские переводы иностранных известий за 1660-е годы, то есть часть переводов все-таки оставалась в Посольском приказе.

⁴¹⁶ См., например: *Лурье В. М.* Три эсхатологии. Русская эсхатология до и после Великого Раскола // Мир православия. Сборник научных статей. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 150–178; *Опарина Т. В.* Число 1666 в русской книжности... С. 300, примеч. 1–2; С. 303, примеч. 9–12; *Гранин Р. С.* Эсхатологические представления в русской религиозно-философской традиции: от апокалиптики к утопизму. Ч. 1 // Пространство и время. 2016. № 3–4 (25–26). С. 149–155 (= *Гранин Р. С.* Эсхатология как феномен русской религиозно-философской метафизики. М., 2016. С. 33–37); *Титова Л. В.* Противники церковной реформы об антихристовой сущности патриарха Никона // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 252–258.

батаи Цви», как писала Т. А. Опарина,⁴¹⁷ но вряд ли обоснованны. Главная причина сомнений состоит в том, что сакральное число «1666» (на самом деле точнее было бы говорить о собственно «числе зверя» — «666»), каким бы путем оно ни было получено различными теологами, очень плохо соотносится с 1666 *годом* по принятому в России летоисчислению от Сотворения мира, а не от Рождества Христова. Поэтому ни изучение свойственных западному христианству вычислений, сочинений английских, греческих и даже португальских авторов, ни привлечение известного произведения антикатолической направленности представителя Киевской митрополии Зиновия Копыстенского «Палинодия», ориентировавшегося на принятое в западной церкви летоисчисление, несмотря на то, что впоследствии этот текст неоднократно использовался и в других, в том числе издававшихся на Московском печатном дворе, сочинениях,⁴¹⁸ никак не могут служить доказательством того, что русские люди ожидали в 7174 или 7175 (если предполагали бедствие в осенне-зимний период) годах неких ужасных потрясений, то есть, изменив систему летоисчисления, действительно воспринимали 1666 год временем вселенской катастрофы. Видимо, автор наиболее интересной, по нашему мнению, и основанной на широком круге источников статьи об этом сакральном числе,⁴¹⁹

⁴¹⁷ Опарина Т. А. Число 1666 в русской книжности... С. 317–318.

⁴¹⁸ Подробнее см., например: Опарина Т. А. Число 1666 в русской книжности... С. 300–316.

⁴¹⁹ Почти исключительно на статье Т. А. Опариной основан весьма небольшой раздел «Историко-эсхатологические концепции в контексте религиозного раскола XVII в.» (в изложении событий до 1666 г. включительно) в одной из более поздних работ (Гранин Р. С. Эсхатологические представления... С. 152–155 (= Гранин Р. С. Эсхатология как феномен... С. 33–37). Конечно, внимательное отношение к работам предшественников вызывает только уважение, однако в данном случае несколько настораживает не только совпадение мыслей, но и, в значительной степени, формы их выражения. Ср.: «Собор 1666–1667 гг., ставший своеобразным аналогом православного Вселенского собора, положил конец межпатриаршеству и дал оценку старообрядчеству. Никон был окончательно удален с кафедры и лишен сана, а старообрядцы преданы анафеме, выведены из-под церковной юрисдикции и поставлены вне закона (Опарина Т. А. Число 1666 в русской книжности... С. 319) — «Московский Собор 1666 г. (и подтвердивший его Собор 1667 г.) стал своего рода аналогом православного Вселенского собора, на нем был избран глава церкви, положен конец межпатриаршеству и дана оценка старообрядчеству. Никон был лишен сана и удален окончательно с кафедры. Старообрядцы преданы анафеме, выведены из-под церковной юрисдикции и поставлены вне закона» (Гранин Р. С. Эсхатологические представления... С. 154). Интересно, что Р. С. Гранин в подтверждение процитированных слов сослался только на статью В. М. Лурье (Лурье В. М. Три эсхатологии. С. 159; Гранин Р. С. Эсхатологические представления... С. 154, примеч. 1). На указанной странице работы В. М. Лурье действительно упоминаются Соборы 1666 и 1667 гг. и говорится об отрешенном от престола Никоне, однако полностью совпадающие

почувствовав существование некоторого противоречия между западноевропейскими или западнорусскими (киевскими) религиозно-полемическими сочинениями XVII в. и русской жизнью этого же периода, задался справедливым вопросом, «насколько царь (Алексей Михайлович. — Л. Т.) ... верил пророчествам о числе 1666». Прямого ответа Т. А. Опарина не дает, однако из следующего далее, весьма точного, замечания о том, что Алексей Михайлович «не побоялся собрать в предреченный год Освященный церковный собор», призванный решить вопрос с главой русской церкви,⁴²⁰ для чего, добавим мы, были предприняты все возможные, правда, не во всем успешные, усилия для приглашения в Москву в этот самый год вселенских патриархов для их участия в указанном Соборе, отрицательный смысл такого ответа ясен.⁴²¹

Что же касается завершающего фрагмент о Саббатае Цви рассуждения С. М. Шамина о том, что «...царь Алексей Михайлович оказал финансовую поддержку украинскому духовному писателю Иоанникию Галытовскому, составившему по следам событий труд „Мессия правдивый“...» для издания этого сочинения на польском и латинском языках, причем на польском языке указанный труд действительно вышел (С. 83), то автору работы о познавательных-развлекательных и мировоззренческих функциях «европейских информационных текстов малых форм» стоило бы, в первую очередь, показать, что эти самые тексты, не говоря уже об их русских переводах, хоть в какой-то степени могли послужить источником или одним из таковых для антииудейского сочинения Галытовского «Мессия правдивый Иисус Христос сын божий...». Сам И. Галытовский в предисловии отметил, что книга действительно направлена против учения Саббатая Цви, широко распространившегося в Польше, Литве и на Украине, однако ни о каком возможном влиянии на создание полемического сочинения сообщений в западноевропейских газетах или их русских переводов не сказал. Не вполне точным представляется и изложение

или отличающиеся только формой глагола фрагменты (выделены курсивом), а также предложения с простой перестановкой слов соответствуют статье Т. А. Опариной, ссылки на которую в данном фрагменте работы Р. С. Гранина нет.

⁴²⁰ Опарина Т. А. Число 1666 в русской книжности... С. 319.

⁴²¹ В. М. Лурье отмечает, что в глазах старообрядцев, хотя в 1666 г. Антихрист и не явился, «но пророчество сбылось — ведь недаром и Захария Копыстенский, и его московский последователь допускали, что и на этот раз дело может ограничиться лишь явлением каких-то особенно явных антихристовых предтеч» (Лурье В. М. Три эсхатологии. С. 159; см. также: Титова Л. В. Противники церковной реформы... С. 252–254). Однако переводные «Вести-Куранты» в круг старообрядческой книжности не входили, а царь Алексей Михайлович никоим образом не был сторонником этого направления религиозной мысли.

С. М. Шаминам событиям, связывавших русского царя с этой книгой. Впервые полемический трактат «Мессия правдивый Иисус Христос сын божий...» был напечатан в Киево-Печерской типографии «на простой мове» в 1669 г. Некоторое количество экземпляров издания были посланы в Москву царю Алексею Михайловичу и для продажи, за что Иоанникий Галятовский получил 100 рублей. По приезде же в Москву на состоявшейся 3 октября 1670 г. царской аудиенции он преподнес свой труд царю лично, однако просил не о средствах для издания книги на других языках, а о денежном вспомоществовании Черниговскому Елецкому монастырю, архимандритом которого был сам Иоанникий. Что же касается «финансовой поддержки» для повторной печати книги на польском и латинском, то с такой челобитной Галятовский обратился в Малороссийский приказ. Его просьба была удовлетворена, и ученый монах получил на издание не менее 100 рублей, но уверенно, как делает С. М. Шамин, считать, что царь лично распорядился выдать деньги или, по меньшей мере, действительно знал об этом обращении, опрометчиво, по той простой причине, что все поступавшие в государственные учреждения челобитные адресовались на имя верховного правителя и, соответственно, распоряжения по ним исходили от имени монарха. Однако это обстоятельство, как уже не раз указывалось в серьезных исследованиях, никак не свидетельствует о том, что царь, будь то Алексей Михайлович или кто-то другой, лично знакомился со всеми поступавшими на его имя бумагами. По личному царскому распоряжению в соответствии с высказанной Иоанникием Галятовским просьбой о милостыне в черниговский монастырь были посланы книги, а самому архимандриту на отпускной аудиенции пожалованы рыдван и лошади,⁴²² что же касается денег на издание его труда, то о них в записях царских аудиенций не упоминалось.

Второе повествование эсхатологического характера, перевод которого С. М. Шамин относит к 1660-х годам или, точнее, к 1664 г. (С. 83–84), касается «Пророчества из Кракова о гибели Польши». Автор книги отметил, что этот текст «...ввел в научный оборот еще А. И. Соболевский. Он обнаружил текст в уже упоминавшейся рукописи из собрания Археологического общества № 43 с материалами курантов» (С. 83),⁴²³ и основываясь на предшествующем тексту заго-

---

⁴²² *Эйнгорн В. О.* Пребывание в Москве Иоанникия Галятовского в 1670 году // ЖМНП. 1896. Ч. 308. Ноябрь. С. 93–95. Подробнее об И. Галятовском с приложением соответствующей библиографии см.: *Левченко-Комисаренко Т. Л., Пидгайко В. Г.* Иоанникий (Галятовский) // ПЭ. Т. 25. М., 2010. С. 78–100.

⁴²³ Уточним, что А. И. Соболевский опубликовал начальный фрагмент этого текста (*Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси... С. 245–246), описание

ловке «перевод с немецкого печатного листа, объявление», подчеркнул: «Это позволяет сделать вывод, что оригиналом для него (пророчества. — Л. Т.) послужил европейский „летучий листок“ или брошюра» (С. 84). При этом С. М. Шамин дополнительно указал, что под «немецким языком» никак не мог подразумеваться польский, так как это «противоречит практике работы сотрудников Посольского приказа» (С. 84, примеч. 9). Другими словами, он связывает это пророчество с тем или иным по форме западноевропейским информационным изданием, а перевод — с Посольским приказом, однако эти суждения не представляются убедительными.

Не беря на себя смелость судить о языке оригинала, не можем не обратить внимание на лексику и стилистику русского перевода хотя бы на примере одного предложения из опубликованного А. И. Соболевским фрагмента: «Лета 1595 году, когда время исполнится и еще пять прибавится, тогда не все, еже посеяно будет, возростет, но пропадет совсем и плоды земные не созреют».⁴²⁴ Вряд ли такие фразеологизмы мог использовать переводчик Посольского приказа, неважно с какого именно, немецкого или польского, языка. Гораздо более вероятно, что над этим текстом (скорее всего, над переписанным в сборник антиграфом) потрудился человек, хорошо знакомый с русской книжностью, возможно, представитель духовенства, но никак не светский государственный чиновник. Сам же сборник № 43 представляет собой, судя по описанию Д. И. Прозоровского, конволют из двух частей:

1) написанные скорописью XVII в. л. 1–42, где среди прочих материалов (списки с грамоты турецкого султана римскому цезарю и ответа на нее, послания Ивану IV от турецкого султана 1545/46 г. и князя А. Курбского из Польши, сказание о погребении польских королей Яна Казимира и Михаила Вишневецкого, «славном въезде» следующего монарха Яна III и др.) действительно есть перевод от 13 октября 1669 г. «с печатных с цесарских и з галанских писем» о коронации Яна III;

2) выполненные полууставом XVI в. л. 43–73, включавшие, по определению археографа, отрывки «из литовской летописи».⁴²⁵

Такое содержание сборника № 43, демонстрирующее безусловный интерес его составителя к посвященным истории Речи Посполитой и Великого княжества Литовского материалам самого разного харак-

---

же всего сборника, содержащего и пророчества из Кракова, было сделано ранее (*Прозоровский Д. И.* Описание древних рукописей, хранящихся в музее императорского Русского Археологического общества. СПб., 1879. С. 66–69).

⁴²⁴ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси... С. 245.

⁴²⁵ *Прозоровский Д. И.* Описание древних рукописей... С. 66–69.

тера, уже не позволяет принять данную автором новейшего сочинения характеристику этой рукописи, как содержащей только куранты. Видимо, С. М. Шамин не посчитал необходимым ознакомиться с этим источником в полном объеме, но и не использовал описание Д. И. Прозоровского, ссылок на которое в книге 2020 г. нет. Кроме того, если сравнить указанный выше перевод от 13 октября 1669 г. действительно связанных с западноевропейскими информационными изданиями сообщений⁴²⁶ и повествования о пророчестве, то стилистическая разница между ними совершенно очевидна, что никак не позволяет причислять подготовивших их людей к одной и той же переводческой «школе». Более того, осмелимся высказать предположение, что этот интересовавшийся касавшимися Польско-Литовского государства материалами человек, видимо, с Посольским приказом и не был связан, принадлежа, скорее всего, к многочисленным, появившимся в Москве в 1660-х годах выходцам с польских или литовских земель, хотя некоторый интерес к «польским» источникам проявляли и служители внешнеполитического ведомства.⁴²⁷

Трудно полностью согласиться и с попыткой С. М. Шамина определить точную дату составления оригинала «краковского пророчества» как 1664 год (С. 84), так как, по его мнению, именно в этот момент стало очевидно, «что в борьбе за Украину ни Россия, ни Польша не могут одержать верх, а татары, пользуясь войной, разоряют владения обоих противников» (С. 84). Даже оставляя в стороне вопрос, что именно автор книги подразумевал под «верхом», остающимся недоступным ни Русскому государству, ни Польскому королевству, обратим внимание на процитированные самим автором книги слова о времени исполнения пророчества: «... когда время или сто лет, в них же мы живем, совершится, и то время исполнится в 1665 году» (С. 84). Если учесть, что проповедь определившего этот срок пророка — «благоговейного человека» проходила, как отмечено в самом начале текста, в Кракове летом 1558 г.,⁴²⁸ то указанные сто лет должны были истечь летом 1658 г., после чего действительно в скором времени, но не сразу, и могли бы сбыться его предсказания. Следовательно, нет никаких оснований определять время написания оригинала этого

⁴²⁶ См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси... С. 242.

⁴²⁷ О существовавшем в 1670-е годы интересе к культуре и истории Польши свидетельствуют делавшиеся в это время переводы стихотворений польских поэтов (*Николаев С. И.* 1) «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе // *Источниковедение литературы Древней Руси.* Л., 1980. С. 251–258; 2) Поэзия и дипломатия: из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-х гг. // *ТОДРЛ.* Т. 42. Л., 1989. С. 143–173).

⁴²⁸ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси... С. 245.

текста как именно 1664 г., тем более, что и в 1658 г. русско-польская война формально не прекращалась, а набеги крымских татар были постоянными.

Бряд ли, на наш взгляд, оправданно включение в главу «Пророки и пророчества», входящую в состав книги, посвященной западноевропейским информационным изданиям, фрагмента о немецком писателе-мистике, поэте, проповеднике Квирина Кульмане, даже если учитывать замечание С. М. Шамина о «личном появлении» в России (весна — осень 1689 г.) одного «из европейских пророков» (С. 87). Конечно, употребленное Кульманом в расспросных речах для характеристики своих намерений слово «пророчествовать» и рассказ о явлении ему ангела в белых одеждах, что могло свидетельствовать о непосредственной связи Квирина с некими высшими божественными силами, дают автору книги некоторые основания для определения немецкого мистика как «пророка». Однако никакой связи Квирина Кульмана с появлявшимися в «Вестях-Курантах» переводами иностранных сообщений нет, а привезенные им книги различных западноевропейских авторов, как и его собственные сочинения, не имели никакого отношения к газетам или «летучим листкам», да и по своему объему никак не подходили под определение «малые формы». Характерно, что в более ранних трудах о переводах корреспонденций, отражавших религиозную жизнь в Западной Европе или посвященных «пророкам», С. М. Шамин совершенно справедливо ни разу не упомянул это имя.⁴²⁹ Не было никаких оснований, как представляется, вводить рассказ о Квирина Кульмане и в новейшее сочинение, по крайней мере, без необходимых, но отсутствующих пояснений читателю сложно догадаться о мотивах обращения к этой личности.

Никак нельзя согласиться и с высказанным суждением о том, что Квирина привез в Россию, кроме книг, «...специально (здесь и далее выделено нами. — Л. Т.) изданные брошюры, в которых говорилось о скором падении Пап под ударом Москвы и ее союзников. Это был первый в истории случай публикации таких текстов специально для распространения в Московском государстве» (С. 87). Такое двойное употребление одного и того же слова, подчеркивающего особое предназначение попавших в Москву сочинений, как нельзя лучше выражает мнение автора книги об исключительности привезенных К. Кульманом изданий. Однако в следственном деле упомянуты книга Я. А. Коменского «Lux e tenebris» и мистическое сочинение Х. Бартута,⁴³⁰

⁴²⁹ Шамин С. М. 1) Новости о церковной жизни Европы... С. 251–252; 2) Куранты XVII столетия. С. 257–258.

⁴³⁰ Цветаев Д. Памятники к истории протестантства в России. Ч. 1 // ЧОИДР. 1883. Кн. 3. Отд. I. Материалы исторические. С. 134–136, 145–147.

которые ни при каких обстоятельствах не могут характеризоваться как подготовленные «специально» для Русского государства. Кроме того, сам К. Кульман на первом же допросе, состоявшемся 26 мая 1689 г. сказал, что хотел подать великим государем «писма и книги печатные, какие наперед сего здесь, на Москве, не бывали и зело Московскому государству нужные». ⁴³¹ Очевидно, что речь шла об уже появившейся в Западной Европе печатной продукции, которая, как полагал приезжий немец, могла бы оказаться полезной в России, но отнюдь не о предназначенных исключительно для Москвы изданиях. Далее К. Кульман заявил, что уже 19 лет, как ему начали являться во сне различные видения «о тайнах божиих, и о новой вере, и о всех вещах, что на свете деется, также и о войнах, которые напредь сего были и впредь деятца будут», и об этих пророчествах у него есть «печатные тетради и книги, а печатаны они в Амстрадаме и в иных городех», ⁴³² то есть и в этом случае ни о какой «специальной», для распространения именно в Москве, подготовке печатных изданий речи не шло.

Крайне трудно принять следующее далее за словами о «специальных» брошюрах определение двух причин неуспеха предсказаний Квирина Кульмана, приведших самого немецкого мистика к трагическому концу:

...пророчества Кульмана не укладывались в господствовавшую тогда политическую линию на участие России в антиосманской коалиции европейских государств. Вскоре после приезда в Немецкую слободу на Кульмана поступил донос. С его брошюрами и книгами ознакомились лишь переводчики Посольского приказа и следователи. Под пытками пророк и покровительствовавший ему купец К. Нордерман сознались, что их конечная цель — создать общество всеобщего равенства и справедливости, в котором не будет никаких властей. Реформаторов приговорили к сожжению вместе с книгами (С. 87).

Иными словами, С. М. Шамину главное видится в конкретной *русской* внешнеполитической и социально-общественной обстановке. Однако, если еще раз обратиться к самому судебному делу, которое, несмотря на довольно частое упоминание в различных исследованиях, ⁴³³ требует, на наш взгляд, серьезного источниковедческого изучения, а не простого пересказа содержания, то картина будет другой.

⁴³¹ Цветаев Д. Памятники к истории протестантства в России. Ч. 1. С. 107.

⁴³² Там же. С. 107–108.

⁴³³ См., например: Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 2. М., 1898. С. 305–375 (= Русский вестник. 1867. Ноябрь. С. 183–222; Декабрь. С. 560–594); Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 73; Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII века. М., 1998. С. 179–181; Хьюз Л. Царевна Софья. С. 172–173;

Прежде всего, необходимо отметить, что начало делу по обвинению последователя голландского теософа Я. Беме и чешских хилиастов-мистиков Х. Коттера, Н. Драбиция⁴³⁴ было положено поданной московскому патриарху Иоакиму жалобой проживавшего в Немецкой слободе лютеранского пастора Иоахима Мейнке на приехавшего 27 апреля 1689 г.⁴³⁵ в Москву Квирина Кульмана, потому что лютеранский священник опасался влияния вновь прибывшего на свою паству.⁴³⁶ Обращение, как показывает сравнение дат приезда и первого допроса — 27 апреля и 26 мая 1689 г. — было подготовлено достаточно быстро, так как уже 26 мая этого же года, то есть через месяц после появления в столице немецкого мистика, в Посольском приказе уже состоялся первый допрос К. Кульмана,⁴³⁷ следовательно, челобитная Иоахима Мейнке московскому патриарху была подана и того раньше. Вряд ли за столь короткий срок приехавший писатель и поэт своими проповедями сумел увлечь столь большое число живших в Немецкой слободе людей, чтобы лютеранский пастор, оценив степень исходящей от Квирина опасности, настолько испугался последствий, что решил как можно скорее обратиться к Иоакиму. Предпочтительнее полагать, что сам И. Мейнке уже был знаком с творчеством тех теософов-мистиков, последователем которых выступал К. Кульман. В первую очередь — с работами Я. Беме, которые при жизни немецкого теософа расходились, в основном, в виде рукописных списков (единственное печатное издание одного из сочинений, «Путь ко Христу», появилось в свет в начале 1624 г.), а после смерти Беме 18 ноября 1624 г. в течение следующих десятилетий XVII в. стараниями его последователей были напечатаны и другие труды.⁴³⁸ Показательно, что лютеранские церковные власти, в частности, старший пастор города Герлиц, где Я. Беме прожил всю свою жизнь,

---

Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 154–155; *Коллманн Н. Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016. С. 450. Ни на одну из этих работ ссылок в книге С. М. Шамина нет.

⁴³⁴ См.: *Панченко А. М.* Квирин Кульман и «чешские братья» (1651–1689) // ТОДРЛ. Т. 19. М.; Л., 1963. С. 330–347; *Ковригина В. А.* Немецкая слобода... С. 181; *Орленко С. П.* Выходцы из Западной Европы... С. 154.

⁴³⁵ *Цветаев Д.* Памятники к истории протестантства в России. Ч. 1. С. 124.

⁴³⁶ См.: *Хьюз Л.* Царевна Софья. С. 172–173; *Орленко С. П.* Выходцы из Западной Европы... С. 154.

⁴³⁷ *Цветаев Д.* Памятники к истории протестантства в России. Ч. 1. С. 107.

⁴³⁸ Подробнее см.: *Вер Г.* Якоб Беме сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (с приложением фотодокументов и иллюстраций). Челябинск, 1998. С. 39, 49–50, 178–185.

Грегор Рихтер и его приверженцы постоянно преследовали не только самого философа, но и его семью,⁴³⁹ а сменивший его старший пастор Николаус Томас отказался читать проповедь и сопровождать тело умершего мистика. В конечном итоге Н. Томас был вынужден исполнить свои должностные обязанности, но произошло это по распоряжению городского магистрата, причем воздвигнутый на могиле друзьями Я. Беме крест был сломан местными жителями, обвинявшими теософа «в ереси и чародействе».⁴⁴⁰ Допустимо поэтому думать, что И. Мейнке действительно крайне обеспокоили привезенные с собой приехавшим немцем «безумные, злоплевельные и ложные», по словам пастора,⁴⁴¹ книги и возможность личной проповеди К. Кульмана, направленной на пропаганду уже хорошо известного жившему в Немецкой слободе духовному лицу учения, против которого представители лютеранской церкви яростно выступали со второй половины 1610-х годов. Следовательно, сам конфликт начался на религиозной почве и был связан исключительно с борьбой, пусть и проходившей в данном случае в Москве, лютеран против распространения учения немецкого теософа и чешских хилиастов, но отнюдь не с какими-то направлениями внешней политики Русского государства в 1689 г., в которые «не укладывались» пророчества К. Кульмана, почему и поступивший на него, по определению С. М. Шамина, «донос» вряд ли имел отношение к участию России «в антиосманской коалиции европейских государств». Только потом, исходя из судебной подведомственности ответчика — иностранца и светского лица — дело было передано из патриаршего ведомства в Посольский приказ, где и проходило дальнейшее разбирательство.

Показательно, что во время расспросов в Посольском приказе немецкий теософ сказал, что он «по откровению ведает, что в нынешнем походе войска царского величества учинят», но при этом подчеркнул, что о таком «видении» он никому ничего не скажет «и на письме не даст», а только лично объявит государям, то есть доведет до их сведения некие полученные свыше, тайные, важные сведения исключительно в устной форме.⁴⁴² Под словами о «нынешнем походе» рус-

⁴³⁹ Вер Г. Якоб Беме... С. 49–61.

⁴⁴⁰ См.: Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 335; Вер Г. Якоб Беме... С. 63–65; О жизни и философских взглядах Я. Беме см., например: Фокин И. Л. *Philosophus Teutonicus* Якоб Беме: возвешение и путь немецкого идеализма. СПб., 2019.

⁴⁴¹ Цветаев Д. Памятники к истории протестантства в России. Ч. 1. С. 148.

⁴⁴² Там же. С. 107–108. Это заявление еще раз подчеркивает отмеченную ранее несообразность утверждений С. М. Шамина о «специально» подготовленных для Московского государства брошюрах, то есть *печатных* произведениях.

ских войск, безусловно, подразумевался Второй Крымский поход,⁴⁴³ направленный как раз против вассала Османской империи Крымского ханства, о котором живший в Немецкой слободе Квириин Кульман не мог не знать и, судя по контексту сказанного, относился к этому военному предприятию, скорее, положительно. Такую свою позицию, никак не противоречащую «господствующей политической линии» на участие Русского государства в антиосманской коалиции, а, наоборот, вполне «укладывавшуюся» в нее, К. Кульман подтвердил на втором допросе 28 мая 1689 г., объясняя смысл заявленного пророчества в отношении русских войск: «Турской де солтан и войско ево от христианских войск, а именно от московских, трижды побежден будет великими язвы».⁴⁴⁴ Что же касается написанного К. Кульманом на немецком языке и действительно адресованного царям Ивану, Петру и царевне Софье письма, то документ этот был им подготовлен не в Западной Европе, а по пути в Москву в Новгороде, где, помимо общих мистико-теософских рассуждений, в последних строках говорится о поляках, которые приняли «царя московского яко своего правителя», чтобы он защищал их от татар⁴⁴⁵ (справедливость этого мнения сейчас обсуждаться не будет). Таким образом, и в этом случае никаких противоречий с общей русской внешнеполитической линией, проводившейся после заключения Вечного мира с Польшей 1686 г., нет.

И, наконец, необходимо отметить одну любопытную особенность процесса. К оценке найденных в доме голландского купца Кондратия Нордермана,⁴⁴⁶ где жил Квириин Кульман, различных мистических сочинений, в том числе и произведения самого Кульмана «Kühl-Psalms», были привлечены лютеранские пасторы Иоганн Мейнке и Бартольд Фагетий, голландский кальвинистский пастор Федор Шондервурт, переводчики Посольского приказа Иван Михайлович Тяжкогорский и Юрий Михайлович Гибнер,⁴⁴⁷ находившиеся в Москве иезуиты Товий

---

⁴⁴³ Подробнее об этом военном предприятии см., например: *Соловьев С. М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 7. М., 1991. С. 395; *Лавров А. С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999. С. 150–151; *Хьюз Л.* Царевна Софья. С. 267–268; *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 161–162; *Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М.* Русско-турецкая война 1686–1700 годов. С. 168–256.

⁴⁴⁴ *Цветаев Д.* Памятники к истории протестантства в России. Ч. 1. С. 128.

⁴⁴⁵ Там же. С. 124.

⁴⁴⁶ О нем см.: *Ковригина В. А.* Немецкая слобода Москвы... С. 70, 180–181. Любопытно, что сын Нордермана Юрий и после сожжения отца вместе с К. Кульманом (4 октября 1689 г.) никуда не уехал, а остался в Москве (Там же. С. 281), видимо, не чувствуя никаких неудобств жизни в Русском государстве и не опасаясь за свое собственное существование.

⁴⁴⁷ О них см.: *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа... С. 99, 199–200.

Тихоновский и Иржи Давид,⁴⁴⁸ то есть, вопреки мнению С. М. Шамина, с этими сочинениями знакомились не только переводчики и следователи, а более широкий круг людей. Все они, за исключением кальвинистского пастора Ф. Шондервурта, отозвались о сочинении К. Кульмана и других книгах резко отрицательно, единодушно подчеркнув ту или иную «противность» всех этих писаний христианской вере. Однако никто из них ни словом не обмолвился о возможности существования какой-либо связи рассматриваемых трудов, в том числе и сочинения приехавшего в Москву немца, с несколько изменившимся после 1686 г. направлением внешней политики Русского государства. Конечно, все эти «эксперты» отвечали, не отклоняясь от темы, на заранее сформулированный вопрос о соответствии рассматриваемых книг христианской доктрине в любом ее виде. Тем не менее, отсутствие каких-либо других вопросов со всей очевидностью доказывает, что сотрудники Посольского приказа, не говоря уже о патриархе Иоакиме, никак не связывали ни привезенные К. Кульманом сочинения, ни проповедование им своих собственных идей с участием России в антиосманской коалиции или отказом от оногo, обвиняя его, а заодно, и К. Нордермана, только в богохульстве и еретичестве.⁴⁴⁹ Отсюда и применение к ним в соответствии с первой статьей первой главы Соборного уложения «О богохульниках и о церковных мятежниках» наказания — сожжение, подкрепленное в приговоре от 30 сентября 1689 г. ссылкой на точно такую же меру, принятую в «Цесарском государстве» в отношении авторов «еретических» и «богомерских» книг Христофора Коттера, Николая Драбича, Стефана Мелиша и некоторых других.⁴⁵⁰

И наконец, по словам самих обвиняемых, их всеобъемлющей задачей являлось создание некоего чудесного общества, но без применения военно-насильственных, политических деяний. Речь, конечно, шла о некоем вневременном и внегосударственном образце общественного устройства, утопическом по своей сути, что, скорее всего, заметили и сотрудники Посольского приказа, не обратившие поэтому на эти заявления ни малейшего внимания. Таким образом, подводя итоги рассмотрения небольшого фрагмента, связанного с Квирином

---

⁴⁴⁸ Цветаев Д. Памятники к истории протестантства в России. Ч. 1. С. 120, 135, 142–143, 145–149.

⁴⁴⁹ Показательно, что в недавно вышедшей, совместной, посвященной внешнеполитическим вопросам монографии К. Кульман с его «не укладывавшимися» в «господствующую политическую линию» пророчествами не упомянут вообще (Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов).

⁴⁵⁰ Богоявленский С. 1689 г. Приговор по делу Квирина Кульмана и Кондратия Нордермана // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. IV. Смес. С. 22–23.

Кульманом, приходится с сожалением сказать, что почти все высказанные С. М. Шапиным в отношении немецкого теософа-мистика и его пророчеств суждения не имеют подтверждений в документах дела и представляются голословными.

Вместе с тем, помимо отдельных неточностей и ошибок при рассмотрении конкретных вопросов третья глава, особенно сюжеты, связанные со стрельцом Г. Казанцем и свидетельствами об иудейском лже-мессии Саббатае Цви, заставляет задуматься над более общей проблемой о степени распространения переводов «европейских информационных текстов малых форм» в России, их доступности представителям различных социальных групп, имевших возможность использовать их в тех или иных целях. Казалось бы, автор монографии, изучающий познавательно-развлекательные и мировоззренческие функции таких текстов, должен был, в первую очередь, задаться именно этим вопросом, так как выполнение любой из указанных функций отдельно или их обеих вместе обязательно предусматривало знакомство с этими текстами более широкого, чем служители Посольского приказа, занимавшиеся подготовкой русскоязычных вариантов, или доставлявшие различного рода «листки» в Москву иностранцы, круга людей.

Между тем, даже если принять мнение С. М. Шамина, с которым мы (см. выше) не согласны, что причиной сохранения стрельцом Гришкой и его женой Катериной листка о знамении в Священной Римской империи и появлении пророка в Калабрии являлся их интерес как «людей Нового времени» ко всему необычному и редкому, то и тогда получается, что перевод иноземных информационных изданий был для этих жителей Москвы чем-то из ряда вон выходящим и совершенно незнакомым, что уже отрицает доступность такого рода текстов, по крайней мере, для этих двоих людей, а, может быть, и для других представителей служилых по прибору. Если же добавить к Г. Казанцу и его жене подьячего Разрядного приказа Ф. Семенова и иных, занимавших более высокое положение сотрудников этого учреждения, посчитавших присланный из Пскова перевод «неаполитанского листка» вообще не имеющим никакого значения, то становится очевидным совершенно безразличное отношение к этим самым «европейским текстам малых форм» представителей и другой категории населения.⁴⁵¹

---

⁴⁵¹ Авторы Введения к первому выпуску «Вестей-Курантов» с опубликованным там фрагментом дела Д. Ребицкого и А. Науменко писали о знакомстве с этими материалами «приближенных царя» и представителей других кругов общества (Сумкина А. И., Тарабасова Н. И. Введение // ВК I. С. 9), но никаких доказательств своего мнения не привели.

Точно так же очень большие сомнения вызывает возможность знакомства не только с известиями о Саббатае Цви, но и с большинством переводов других иноязычных корреспонденций московского правительства, как, равным образом, и занимавших престол в XVII в. русских монархов, на что неоднократно указывал и С. М. Шамин (С. 47, 49, 77, 163 и др.). Однако насколько справедливы эти, характерные не только для рецензируемой книги, но и работ других исследователей, утверждения?

Для ответа на этот вопрос проанализируем только опубликованные в семи, вышедших в 1972–2017 годах выпусках «Вестей-Курантов» тексты, чтобы дать читателю возможность проверить наши выводы без обращения к архивным материалам, тем более, что фонд-коллекция 155, откуда и черпалось большинство документов для книги 2020 г., по словам ее автора, явился «базовым» для его работы. Почти во всех предисловиях к печатным выпускам «Вестей-Курантов» в той или иной форме подчеркивается, что «Вести-Куранты» предназначались для царя и его приближенных,⁴⁵² для «чтения царю и его окружению»,⁴⁵³ отмечается важность зарубежной информации для «правительственных кругов», под которыми опять-таки подразумеваются царь и бояре,⁴⁵⁴ подчеркивается, что «вестовые листы находились в активном обращении» все у тех же царя и бояр «как источник информации»,⁴⁵⁵ указывается на «заинтересованность царя в иностранной прессе»⁴⁵⁶ или сообщается, что курантами «лично интересовался царь Алексей Михайлович».⁴⁵⁷ Однако, если обратиться к опубликованным текстам и рассмотреть количество помет, указывающих на чтение переводов царям и членам Боярской думы, по отношению к общему количеству изданных в том или ином выпуске документов,

⁴⁵² Сумкина А. И., Тарабасова Н. И. Введение // ВК I. С. 9.

⁴⁵³ Тарабасова Н. И., Демьянов В. Г. Введение // ВК III. С. 10.

⁴⁵⁴ Демьянов В. Г., Бахтурина Р. В. Введение // ВК IV. С. 5. Любопытно, что, стремясь подтвердить свое утверждение о чтении переводов государю и боярам, авторы сослались на выходящий за хронологические рамки этого выпуска документ 1652 г., который будет опубликован только через 13 лет, в следующем выпуске «Вестей-Курантов» (ВК V. № 21. С. 89). Между прочим, эта неточность явно указывает на изначально существовавший план публикации «вестей» за 1648–1652 годы в одном выпуске, от которого впоследствии сотрудники Института русского языка отказались.

⁴⁵⁵ Демьянов В. Г. Введение // ВК V. С. 6.

⁴⁵⁶ Шамин С. М. Введение // ВК VI-1. С. 10, 11. Стоит заметить, что в доказательство своих утверждений С. М. Шамин ссылается на указанную выше страницу Введения к ВК IV (Там же. С. 10, примеч. 4), не обращая внимания на отмеченную выше хронологическую и структурную несообразность (см. примеч. 454).

⁴⁵⁷ Шамин С. М. Историко-археологическое введение // ВК VII. С. 7.

то картина получится следующей:⁴⁵⁸ в ВК I из 55 номеров основного текста пометы «государю чтено» (№ 35, 37, 44–48, 51) или «государю и святейшему патриарху чтена» (№ 16) имеются на девяти «вестях», к которым можно добавить один из пяти опубликованных в Приложении текстов (№ 1) с пометой «чтена», правда, без указания кому именно был представлен перевод; в ВК II из 100 опубликованных в основной части документов царю Михаилу Федоровичу были прочитаны также девять текстов (№ 55, 64, 76–78, 82, 98–100); в ВК III из 65 документов царю и боярам оказались «чтены» всего два (№ 8, 54); в ВК IV из 60 документов царю и боярам были представлены шесть документов (№ 2–4, 13, 14, 55), только боярам или только царю — два (№ 6, 7), то есть всего восемь свидетельств; в ВК V из 43 документов два перевода были зачитаны боярам (№ 13, 29), один — сначала царю, а затем сам Алексей Михайлович читал его боярам (№ 21), еще на двух есть пометы «чтено», но без указания на слушателей (№ 8, текст на л. 17; № 12), то есть всего пять свидетельств; в ВК VI-1 из 211 документов пометы о чтении царю имеются на пяти (№ 5, 7, 8, 20, 143), Алексею Михайловичу и боярам — на четырех (№ 17, 19, 26, 34) и на одном — помета без указания слушателей (№ 6), то есть всего десять свидетельств; в ВК VII из 56 документов основного текста царь ознакомился только с одним (№ 40), а из Приложения с включенными туда 13 документами Алексею Михайловичу и боярам также был прочитан только один (№ 12).

Таким образом, из чуть более чем 600 опубликованных в семи выпусках ВК текстов только 46 переводов, то есть около 7,5%, были представлены царям Михаилу Федоровичу или Алексею Михайловичу и членам Боярской думы, всем им вместе или по отдельности. При-

---

⁴⁵⁸ При подсчетах мы абстрагируемся от предположений о неточностях в работе приказных служителей, забывавших делать соответствующие пометы. Обозначения о чтении тех или иных документов царю и членам Боярской думы встречаются и в других случаях, например, при переписке приказов с органами местного управления (отписки воевод), в судебных делах (докладные выписи) и т. д., они всегда делались не писцом основного текста, а другим почерком, как правило, рукой справно подъячего, дьяка (иногда думного дьяка), который действительно зачитывал их текст вышестоящим лицам. Поэтому предполагать небрежность приказных служителей в столь важном вопросе нет оснований. Не будет учитываться и то обстоятельство, что не все опубликованные под отдельными номерами в различных выпусках ВК тексты в настоящее время находятся в ф. 155, часть из них, вследствие проводившегося в конце XVIII — начале XIX в. разбора документов единого фонда Посольского приказа, осталась в других, точно таких же, искусственно созданных фондах-коллекциях, и, не исключено, что отдельные пометы «государю чтено» могут находиться и там. Однако эта работа, сама по себе очень интересная, требует сплошного просмотра большого количества столбцов различных фондов, что не входит в наши задачи.

близительность проведенных подсчетов не может скрыть того очевидного факта, что до представителей высшего правящего слоя подготовленные в Посольском приказе русскоязычные варианты различного рода «вестей» доходили в весьма малой степени. И даже если к этим 46 прочитанным монархам и боярам текстам добавить часть переводов, поступавших из Посольского приказа в приказ Тайных дел в относительно недолгий период существования этого учреждения, которые, возможно, устно пересказывались царю без соответствующих помет на столбцовых листах, что, впрочем, требует дальнейшего изучения, то и тогда вряд ли количество известных царю Алексею Михайловичу и его «приближенным» текстов с иностранными свидетельствами существенно изменится. Что же касается служителей Посольского приказа, которые, конечно, имели возможность (вопрос о желании остается открытым) познакомиться с переводами, то заинтересованность в этих текстах, а соответственно, и степень влияния прочитанного на кругозор, жизненную позицию и отношение к окружающему миру штатных переводчиков, подъячих и дьяков этого учреждения нуждается в очень серьезных исследованиях. О какой же в таком случае познавательной-развлекательной или мировоззренческой функциях «европейских текстов малых форм» в их русскоязычных вариантах в отношении много повидавших, со вполне сложившимися характерами людей может идти речь? Представляется, что без максимально подробного изучения процесса образования фонда-коллекции 155, внимательного источниковедческого исследования существующих в настоящее время столбцов для воссоздания истории их формирования понять место и действительное предназначение этих документов в XVII в. невозможно. Приводить же случайно выбранные примеры и создавать некие теоретико-отвлеченные построения без проведения предварительного палеографо-текстологического и «кодинологического» изучения столбцов с переводами вряд ли имеет смысл, по крайней мере, научный.

* * *

В четвертую по счету главу С. М. Шамин выделил так называемое «Сказание о двух старцах», подчеркнув, что оно «является наиболее ярким образцом европейского известия о пророках и пророчествах, попавшего в Россию в XVII столетии» (С. 91). Если исходить из объема напечатанного в этой главе текста, то она действительно занимает самое большое пространство, 40 страниц (С. 90–130) и, можно полагать, представляется автору новейшего сочинения весьма важной. Впрочем, сразу же оговоримся, что не менее 15 страниц (С. 115–130), то есть более трети от всего объема, заняты повествованием о собы-

тиях 1730 г. и последующих десятилетий XVIII в. Такое очередное отступление от заявленных во Введении хронологических рамок, по-прежнему не сопровождающееся какими-либо объяснениями, заставляет нас вообще отказаться от рассмотрения заключительной части главы, сосредоточив внимание на начальных фрагментах. Сразу же стоит сказать, что основой для разделов, повествующих об известии о двух пророках 1620 г. и текстах, относящихся к 1661, 1678 и 1680 годам, послужила, в значительной степени, статья С. М. Шамина 2008 г., снабженная, что очень ценно, публикацией семи фрагментов,⁴⁵⁹ которая в сопровождающей новейшую книгу библиографии (С. 384–385) осталась по совершенно непонятной причине неупомянутой.⁴⁶⁰ А содержание «срединной» части, посвященной текстам 1694 и 1695 годов, было рассмотрено, что, впрочем, отмечается в книге, в двух, написанных в соавторстве с Ю. С. Белянкиным, работах (С. 108–109, примеч. 37).

На первый взгляд, четвертая глава, несмотря на хронологическую неуместность ее заключительной части, производит довольно серьезное впечатление. В частности, обращает на себя внимание проведенный автором книги в несколько ином, чем в статье 2008 г., виде текстологический анализ пяти, по мнению С. М. Шамина, редакций «Сказания о двух старцах» по спискам из коллекции Е. В. Барсова (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 83), из собраний М. П. Погодина (ОР РНБ. № 1560), В. М. Ундольского (ОР РГБ. № 611), из фонда-коллекции «Приказные дела старых лет» (РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1652 г. № 122) и из «Летописи» Самуила Величко (Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского, 1720. Т. 2. Киев, 1851) (С. 92–97, 101–102). Вместе с тем, более внимательное прочтение и этой главы вызывает, как и в отношении трех предшествующих, недоуменные вопросы. Не проводя полного разбора представленного читателю повествования, что требовало бы обращения к архивным источникам и их специального изучения, обратим внимание только на некоторые, читающиеся в книге суждения.

Прежде всего, не совсем понятно, почему в книге С. М. Шамин называет «Сказание о двух старцах», объединяя тем самым все тексты

---

⁴⁵⁹ Шамин С. М. «Сказание о двух старцах». С. 221–248.

⁴⁶⁰ Точно так же в библиографии не отмечены еще две работы самого автора книги, связанные с изучением «Сказания о двух старцах»: Шамин С. М. 1) В ожидании конца света в России (конец XVII — начало XVIII в.) // ВИ. 2002. № 6. С. 134–138; 2) Вести и Куранты вне стен государственных приказов в России XVIII столетия // Честному и грозному Ивану Васильевичу. К 70-летию Ивана Васильевича Левочкина. М., 2004. С. 64–65.

в нечто единое, памфлетом (С. 90), несмотря на то, что в трех предшествующих, указанных выше статьях и в двух, написанных совместно с Ю. С. Белянкиным, такого определения нет; в этих работах говорится об эсхатологических повествованиях, пророчествах и т. д. Появившийся же в новейшем сочинении термин выглядит тем более странным, что «основой для данного произведения («Сказание о двух старцах». — Л. Т.) явилось, — по словам автора книги, — „Откровение Иоанна Богослова“» (С. 90). Что же такого политического, обличительного или остро-сатирического содержалось в библейском тексте, чтобы на его основе можно было создать произведение «памфлетного» характера, остается совершенно непонятным. Видимо, в данном случае С. М. Шамин ориентировался на предложенное им самим в самом начале книги понимание этого определения как текста, связанного с ожиданием конца света, религиозным реформированием, неприязнью к врагу, верой в союзника и т. п., то есть трактовкой, которую, как отмечено выше, очень трудно принять вообще и применить к конкретному, рассматриваемому в четвертой главе сочинению.

Не меньшее удивление вызывает и еще один, читающийся в начале главы пассаж: «Сочинение («Сказание о двух старцах». — Л. Т.) относится к числу памфлетов, которые в Европе целенаправленно запускались в оборот снова и снова, лишь с небольшими изменениями, призванными актуализировать устаревшие детали» (С. 90). Значит ли это, что приводимые далее примеры из западноевропейской прессы, в частности, из «вестовой немецкой тетради» 1620 г. и немецких же «курантов» 1661 г. с хронологически разновременными сообщениями о двух пророках⁴⁶¹ являются, пользуясь современной журналистской терминологией, на самом деле газетными «утками», и никакие реальные события, связанные с появлением неких старцев сначала в Марбурге, а через сорок лет в Неаполе, не отражают? Вряд ли на самом деле это так.

Далее автор книги пишет, что при чтении этих пророческих предсказаний «всякий человек, знакомый со Священным писанием», вспоминал евангельских пророков, а наиболее начитанные «могли даже понять, что речь идет об Илие и Енохе, которых Господь забрал на небо живыми, дабы они перед концом света вернулись на землю и обличили антихриста», ссылаясь в доказательство своего суждения на такие произведения древнерусской книжности как апокрифические «Евангелие Никодима», «Откровение Мефодия Патарского», «Сказание како убиена будет Илия и Енох Антихристом» и записи

---

⁴⁶¹ ВК I. С. 29–35; ВК VI-1. С. 98.

об этих же ветхозаветных персонажах на некоторых рядовых пасхалиях, которые, по мнению С. М. Шамина, хорошо подготовили «читателя для восприятия этого текста (Сказания о двух старцах». — Л. Т.)» (С. 91). Оставим в стороне вопросы о том, каким образом эти гораздо более хронологически ранние произведения, конкретная среда распространения которых требует дальнейшего изучения,⁴⁶² могли «хорошо» подготовить читателей XVII в., и действительно ли автор книги⁴⁶³ имел в виду преемственность аудитории, то есть определенное единство людей, обращавшихся одновременно и к произведениям древнерусской литературы, и к дошедшему из Европы «памфлету», обратим внимание на другое. Стремясь во что бы то ни стало доказать постоянное восхождение «Сказания о двух старцах» к «европейским информационным текстам малых форм», С. М. Шамин пишет, что «впервые рассматриваемый текст был переведен на русский язык в 1620 г. в составе „Перевода с вестовой немецкой тетради“... Этот черновой перевод отложился среди документов фонда 155 РГАДА», с последующей цитатой текста этого свидетельства по имеющейся

⁴⁶² В частности, А. А. Романова отметила всего три рукописи — Псалтирь толковая 1410–1420 годов (ЯМЗ, инв. № 15231), рукописи первой четверти XV в. с таблицами рядовых пасхалий из Вологодского собрания и Главного собрания Троице-Сергиевой лавры РГБ (Ф. 354. № 4; Ф. 304.I.17), где «...имеется пространная запись, красочно описывающая обличение пророками Илией и Енохом антихриста» (Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002. С. 82, 93, 109). Поэтому указание С. М. Шамина, что записи о пророках Илии и Енохе имеются только на рядовых пасхалиях, неточно. С. В. Минеева, на исследование которой С. М. Шамин также ссылается (С. 91, примеч. 2), рассказывая об апокрифах, кратко упомянула только одну рукопись первой половины XVI в. — «Сказание како убиена будета Илия и Енох Антихристом» (Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). В двух томах. Т. 1. М., 2001. С. 69).

⁴⁶³ Пользуясь случаем, не можем не заметить допущенные С. М. Шаминым в сносках неточности. В опубликованном В. В. Мильковым тексте «Откровения Мефодия Патарского», на монографию которого ссылается автор современного труда, на указанной в сноске (С. 91, примеч. 1) странице публикации — с. 702 — помещен рассказ о пришествии Антихриста, а его обличение Илией и Енохом читается на следующей странице, что может объясняться простой опечаткой. Гораздо существеннее неточности, связанные с «Евангелием Никодима»: во-первых, на указанной С. М. Шаминым (С. 91, примеч. 1) странице — с. 827 — имена Илии и Еноха вообще отсутствуют, там описывается Ад как персонифицированный образ преисподней, царь-воитель Давид, вывод праведников и т. д., а во-вторых, единственное упоминание имени Илья в этом произведении древнерусской книжности связано с кратким замечанием о том, что пророк был вознесен живым на небо (Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. С. 821), но ни о каких эсхатологических ожиданиях, появлении Илии да еще вместе с Енохом второй раз на земле и обличении Антихриста не говорится. Тем самым, включать «Евангелие Никодима» в число текстов, где сообщалось о появлении перед концом света двух пророков-обличителей, нет оснований.

публикации⁴⁶⁴ и кратким комментарием о неполной сохранности расклеенного архивистами столбца (С. 91–92). Впрочем, это обстоятельство не помешало автору книги сделать, пусть и с небольшой оговоркой, вывод: «Несмотря на утрату окончания известия, можно с большой долей уверенности сказать, что перед нами один из сокращенных для европейской газетной публикации вариантов „Сказания о двух старцах“» (С. 92).⁴⁶⁵ Следовательно, исходя из мнения С. М. Шамина, в конце 1610-х годов где-то в Европе, по крайней мере, в ее немецкоязычной части, уже существовал некий «сакральный», восходящий к «Откровению Иоанна Богослова» и никак не связанный с действительностью текст о двух пророках. Читателю, правда, остается совершенно непонятным, какое же конкретное произведение, если отвлечься от библейских текстов, было сокращено и использовано в европейской газете. Однако мысль о бытовании единого для различных времен и народов творения недвусмысленно выражается еще раз, когда автор книги пишет: «В отличие от перевода 1620 г. редакция „Сказания о двух старцах“ 1660-х гг. с пророчествами на 1661–1670 гг. представлена довольно широко» (С. 92).

Чтобы разобраться в сказанном, стоит еще раз обратиться к уже упоминавшемуся выше свидетельству 1620 г. о происшедшем в «Немецкой земле» событии и процитировать это сообщение еще раз: «В Марпурге два духовного чину засажены, называются пророци, а говорят, что оне посланы проповедати покаяние и что будет единая вера, турки и жида обрятытся (так!) в христьянскую веру, только будет наперед страшная война, голод и мор, то исход нечестивым будет, которых есть з две трети вселенные, а учение и житье их что безверник». ⁴⁶⁶ Очевидно, что основной смысл имевших место в немецком университетском городе в земле Гессен пророчеств двух, уже, видимо, посаженных в тюрьму или помещенных в какое-то другое место заключения, людей духовного чина, скорее всего, монахов, состоит в предсказании скорого наступления для всех «безверников»,

---

⁴⁶⁴ ВК I. С. 33.

⁴⁶⁵ Это весьма важно для оценки позиции автора книги суждение высказывалось и ранее: «В книжной традиции данный текст пока не обнаружен, хотя нельзя исключить возможность таких находок в будущем» (*Шамин С. М.* «Сказание о двух старцах». С. 222).

⁴⁶⁶ ВК I. С. 33 (орфография и пунктуация наши). С. М. Шамин, цитируя этот же фрагмент архивного дела, отметил утрату одного или нескольких листов «расклеенного архивистами столбца» (С. 92), но, к сожалению, не привел никаких доказательств сказанного. В осуществленной в 1972 г. полной публикации столбца отметок об утрате листов нет (ВК I. С. 29–35). Поэтому проверить справедливость утверждений современного автора или публикаторов 70-х годов XX в. без обращения к архивному оригиналу не удастся.

составляющих, по мнению этих провозвестников, две трети населения, царства единой, причем христианской, веры, в которую обратятся все, в том числе, исповедовавшие ислам или иудаизм.

Если сравнить подготовленный в Посольском приказе перевод сообщения из европейского информационного издания 1620 г. с приведенными С. М. Шаминам в текстологических таблицах фрагментами «Сказания о двух старцах» из указанных выше рукописей (С. 95–97, 101–102),⁴⁶⁷ то сразу же становятся видны две группы отличий.

Во-первых, лексико-стилистические: в приказном переводе, написанном вполне узнаваемым «делопроизводственным» языком, весьма похожим на язык других, воспроизведенных в русскоязычном варианте свидетельств из этой «вестовой немецкой тетради», не встречаются характерные для текстов «Сказания о двух старцах» «художественные», гораздо более свойственные церковно-книжному стилю слова и выражения — «...да акаянного своего житья престанут...», «...сказываючи но (так!) всю вселенную бога прогневанна, и наш Палерминский город другою Содомою быти извещают...», «...молятца, руце роспростерши и на небо вознещи...» и др. (С. 95–96). Очевидно, что возвести эти тексты один к другому при любом их сокращении или «редактировании» нельзя, следовательно, подготовленный в 1620 г. перевод западноевропейского известия отношения к «Сказанию о двух старцах» не имеет.

Во-вторых, что гораздо более важно, перевод 1620 г. корреспонденции из Марбурга и тексты по всем выявленным С. М. Шаминам рукописям «Сказания о двух старцах», действие которого происходит на Сицилии в Палермо (очевидная разница в географии мест действия старцев также весьма показательна) имеют принципиальные, по нашему мнению, различия в содержании. Смысл сообщения из «Немецкой земли» состоит в призыве к утверждению единой для всех народов, независимо от их этнической принадлежности, христианской веры. Ни о каком конце света, Судном дне, рождении Антихриста, превращении Палермо в Содом и т. д. (С. 95–96) в известии о «марбургских» старцах не говорится. Следовательно, хронологически более ранний и более поздний тексты имеют различную идеологическую направленность — религиозно-духовную, как борьба за веру, или ярко выраженную эсхатологическую. Соответственно, коренным образом отличаются и провозглашавшиеся двумя парами пророков

---

⁴⁶⁷ Полную публикацию текстов некоторых «редакций» этого сочинения (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Коллекция Е. В. Барсова. Д. 83. Л. 91–91а; «Летопись...» С. Величко. С. 16–17), приведенных в таблицах в виде фрагментов см.: *Шамин С. М.* «Сказание о двух старцах». С. 241–242.

бедствия. В первом случае — война и сопутствующие ей голод и эпидемии, причем по контексту информационного сообщения представляется, что речь идет о вполне реальных вооруженных столкновениях наподобие религиозных войн XVI в., в полной мере затронувших территорию немецких княжеств. Не стоит, к тому же, забывать, что за два года до появления в Марбурге старцев началась Тридцатилетняя война, на первом своем этапе представшая как религиозное столкновение между протестантами и католиками Германии.⁴⁶⁸ Трудно, конечно, сказать, насколько призыв к единой христианской вере выражал завуалированный протест против развязавшегося конфликта, но различные конфессиональные вопросы действительно горячо обсуждались в этом университетском городе и ранее, стоит вспомнить «Марбургское собеседование» реформаторов Германии и Швейцарии с участием Мартина Лютера и Ульриха Цвингли в начале октября 1529 г.⁴⁶⁹ Что же касается текстов «Сказания о двух старцах», то в них тоже говорится о «войне великой», «большом и великом бое» и т. д. (С. 101), правда, под этими словами подразумевается, скорее, некое метафорическое описание борьбы сил добра и зла, сопровождаемое, в частности, разрухой по всей земле, гневом Божиим, будет «горети Офрека» и кровью реки восстанут, приходом «великого мужа» и т. д. Разница описанных в информационном источнике и «Сказании о двух старцах» бедствий очевидна.

Кстати, опубликованные С. М. Шаминам полностью в статье 2008 г. или в виде фрагментов в таблицах в книге 2020 г. тексты не позволяют, на наш взгляд, однозначно связывать появившихся на юге Италии пророков с ветхозаветными старцами. Причина все та же: несовпадение основного смысла двух повествований. Если главная цель посланных на землю библейских пророков Илии и Еноха, что очевидно и из приведенных С. М. Шаминам примеров из древнерусской книжности, состояла в их борьбе с Антихристом, то в «Летописи» С. Величко только кратко упомянуто рождение в «стороне Вавилонской» этого могущественного противника,⁴⁷⁰ а содержание

---

⁴⁶⁸ См., например: *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 57–114; *Прокопьев А. Ю.* Тридцатилетняя война. С. 36–69.

⁴⁶⁹ См., например: *Соловьев Э.* Непобежденный еретик. Мартин Лютер и его время. М., 1984. С. 245–246; *Фаусель Г.* Мартин Лютер. Жизнь и дело. Биографический очерк и источники к биографии Лютера. Т. 2. 1522–1546. Харьков, 1996. С. 160–177; *Гобри И.* Лютер. М., 2000. С. 383; *Исаев С. А.* Реформация в Европе, 1517–1660 гг.: хронологический обзор // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С. 106. Библиографию посвященных Реформации работ см.: *Бобылев А. В.* Дореформенный период и Реформация. Библиографический список. Т. 1–2. М., 1999.

⁴⁷⁰ *Шамин С. М.* «Сказание о двух старцах». С. 242.

пророчеств связано с призывами к людям прекратить свое «акаянное» житье, так как в противном случае бог прогневается «на всю вселенную» и только после десяти испытаний будет «едино стадо и един пастыр». ⁴⁷¹ Имена же Илии и Еноха появляются только в рукописях конца XVII в. ⁴⁷² Поэтому стоит думать, что переосмысление и перенос ветхозаветного сюжета в литературное произведение произошел позднее, возможно, в старообрядческой среде.

Таким образом, представляется, что в сообщении из «немецкой вестовой тетради» описывалось вполне реальное, никак не связанное ни с «Откровением Иоанна Богослова», ни с позднейшими текстами «Сказания о двух старцах», действительно произошедшее в Марбурге событие: появление в «Немецкой земле» в сложной общественно-политической и религиозной обстановке двух людей «духовного чина» со своей проповедью единой веры, вызвавшее отрицательное отношение местных светских властей, что повлекло за собой наказание в виде заключения проповедников в какое-то узилище. Следовательно, говорить о существовании не поддающегося хоть сколько-нибудь четкому определению некоего протографического текста, неизвестно, когда, как, где и кем созданного, который в своем сокращенном или полном виде мог бы объединить информационное сообщение 1620 г. и текст «Сказания о двух старцах» в «редакции 1661 года», не приходится.

Более сложным является вопрос о соотношении текстов «Сказания о двух старцах» «редакции 1661 года» в пяти выделенных С. М. Шамина рукописях: из собраний Е. В. Барсова, М. П. Погодина, В. М. Ундольского, фонда-коллекции 155 РГАДА и «Летописи» С. Величко.

Остановимся, прежде всего, на бесспорно связанном с «европейскими информационными изданиями малых форм» сообщении, которое было почерпнуто, как отмечено в заголовке к русскоязычной подборке текстов, из «немецких курантов, что привез Иван Желябужской», переведенных в Москве 27 мая 1661 г. ⁴⁷³ С. М. Шамин, повторно, по сравнению с публикацией, процитировав эту корреспонденцию о появлении в Неаполе двух старцев-пророков, отметил, что в начале 1661 г. И. Желябужский сопровождал как пристав посольство А. Мейерберга, и высказал допустимое предположение о том, что куранты были получены Желябужским от кого-то из членов этой делегации (С. 98–100). Впрочем, такое объяснение вызывает несколько

⁴⁷¹ Шамин С. М. «Сказание о двух старцах». С. 241.

⁴⁷² Там же. С. 230–233.

⁴⁷³ ВК VI-1. С. 94, 98.

вопросов, в частности: почему члены отправленного в Россию от императора Священной Римской империи Леопольда I с предложением посредничества в возобновившейся русско-польской войне посольства посчитали необходимым, выехав из Вены 16 февраля 1661 г.,⁴⁷⁴ захватить с собой, хранить на протяжении всего пути или каким-то способом приобрести в дороге информационные издания с мало связанными с событиями в Малой России известиями за январь-март 1661 г. из Константинополя, Амстердама, Стокгольма, Венеции, Гамбурга? почему в заголовке русских переводов указано, что И. Желябужский *привез* в Москву, а не просто передал в Посольский приказ от прибывших в столицу в Москву 24 мая 1661 г. имперских представителей «немецкие куранты»?

Ответы находятся, если вспомнить, что еще в октябре 1660 г. в Москве было решено отправить Ивана Афанасьевича Желябужского к бранденбургскому курфюрсту с предложением выступить посредником между царем Алексеем Михайловичем и королем Яном Казимиром в той же самой русско-польской войне. С некоторым опозданием, 31 декабря 1660 г., И. А. Желябужский получил наказ, в самом начале 1661 г. отправился в путь и 18 января этого года приехал в Кукенойс к воеводе А. Л. Ордину-Нащокину. «Бранденбургская» миссия закончилась неудачей, однако Желябужский остался в этом городе в ожидании А. Мейерберга с товарищами (сообщение о поездке которых Ордин-Нащокин получил 5 февраля 1661 г. от курляндского герцога Якоба), чтобы сопровождать их в качестве пристава по дороге в Москву.⁴⁷⁵ Следовательно, пробыв в Кукенойсе три месяца, Желябужский мог и самостоятельно обрести немецкие куранты,⁴⁷⁶ и получить их от А. Л. Ордина-Нащокина. Тем самым, использованное в заголовке слово «привез» действительно обозначает, что куранты были доставлены в Москву самим И. Желябужским, и имперские послы не имели к появлению в столице этих информационных изданий никакого отношения.

Гораздо труднее согласиться с другим суждением С. М. Шамина, который выделяет как «документ Посольского приказа» некий текст

⁴⁷⁴ Утверждение династии. М., 1997. С. 52–63.

⁴⁷⁵ Подробнее см.: *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). С. 630–635.

⁴⁷⁶ А. Мейерберг отметил, что встретивший их пристав был «не глуп» и «...получил придворную должность благодаря покровительству канцлера», то есть главы Посольского приказа думного дьяка Алмаза Иванова. Почему бы не предположить, что И. Желябужский в приобретении «немецких курантов» мог руководствоваться как собственным интересом, так и распоряжением или просьбой руководителя внешнеполитического ведомства?

о старцах-пророках из хранящейся в коллекции Е. В. Барсова рукописи (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 83. Л. 91, 91а) (С. 92). Краткую характеристику этого документа автор книги начинает рассуждением, вызывающим в очередной раз, возможно, из-за крайней небрежности в выражениях, недоумение: «Один список (второй — указанная выше публикация в ВК VI-1. — Л. Т.) издан Е. В. Барсовым (без указания источника). В настоящее время в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) в коллекции Е. В. Барсова обнаружен его рукописный оригинал, переписанный на 2 столбцах аккуратной скорописью, характерной для подъячих Посольского приказа» (С. 62 и примеч. 6). Впрочем, вряд ли известный коллекционер знал о начальной истории происхождения этого текста, а сообщать, где и как он приобрел конкретную рукопись не было в традициях ни у Елпидифора Васильевича, ни у других археографов последней четверти XIX в., ни в печатных изданиях (первая публикация — ЧОИДР⁴⁷⁷). Разумеется, «Сказание о дух старцах», как следует из публикации текста самим С. М. Шаминым⁴⁷⁸ и сноски в книге (С. 92, примеч. 7), написано не на двух *столбцах*, а на двух столбцовых листах — л. 91, 91а, причем ранее они, возможно, представляли один, разорвавшийся с течением времени лист, на что указывает используемая в настоящее время литерная нумерация. Совершенно непонятно, какой вид текста имеется в виду: если Е. В. Барсов издал «список», а в собрании коллекционера вдруг обнаружился «его», то есть списка «рукописный оригинал», значит ли это, что в ф. 455 ОПИ ГИМ имеются два текста?

Впрочем, все эти замечания можно было бы расценивать как придирки и не обращать на указанные неточности внимания, если бы не дальнейшие рассуждения автора книги, которые уже очень трудно принять. Обосновывая свою позицию, что текст «Сказания о двух старцах» из рукописи в коллекции Е. В. Барсова является документом внешнеполитического ведомства, С. М. Шамин пишет: «Дело, в состав которого входит интересующий нас текст, озаглавлено „Документы Посольского приказа 1587–1678 гг.“ и содержит материалы, извлеченные из приказного архива. Это позволяет видеть в данном списке беловую копию перевода, выполненного приказными переводчиками» (С. 92–93), затем утверждение, что «барсовский» текст «является чистовым списком перевода, выполненного в Посольском приказе», повторено еще раз (С. 97). Однако этих кратких и высказанных в самой общей форме замечаний явно недостаточно.

⁴⁷⁷ ЧОИДР. 1884. Кн. 3. V. Смесь. С. 13–14.

⁴⁷⁸ Шамин С. М. «Сказание о двух старцах». С. 241.

Если обратиться к тексту из коллекции Е. В. Барсова, то можно только повторить сказанное ранее, при сравнении его с информационным сообщением 1620 г.: присущая «рукописному» тексту книжно-церковная лексика и стилистика никоим образом не соответствует делопроизводственному стилю языка служителей Посольского приказа, тем более, что С. М. Шамин настаивает на беловом, то есть отредактированном русскими подьячими и дьяками, характере перевода. Кроме того, свойственные тексту «Сказания о двух старцах» из коллекции Барсова, как, равным образом, из собраний Погодина и Ундольского, обращение «Наилутчи государь» или употребление слова «господарь» показывает его «немосковское» и, соответственно, не приказное происхождение. Интересно, что на полонизмы, вряд ли характерные для служителей Посольского приказа, в тексте из собрания Ундольского обратил внимание А. И. Соболевский, отметив, что оригинал был, по-видимому, написан на латинском языке.⁴⁷⁹

Что же касается общего для подборки материалов в коллекции Е. В. Барсова, составленного гораздо позднее, на что указывает обозначение лет от Рождества Христова, а не от Сотворения мира, заголовка, то он свидетельствует только об одном: в какой-то момент времени эти документы, соединенные в некий комплекс не ранее конца 70-х годов XVII в., *находились* в Посольском приказе, но не обязательно были там же и *созданы*. При этом цель формирования этой совокупности и общий состав вошедших в нее документов, без чего невозможно понять причину включения туда «Сказания о двух старцах», остаются для читателей книги неизвестными, так как С. М. Шамин не посчитал необходимым не только изучить историю формирования всей подборки, но, хотя бы, перечислить вошедшие в нее документы. Каким же путем этот текст попал в Посольский приказ? Не проводя подробного исследования этого вопроса, осмелимся предложить свой, сугубо предварительный, требующий дальнейшего изучения целого комплекса архивных материалов ответ.

Нетрудно заметить, что читающиеся в рукописях из трех собраний (Барсова, Погодина, Ундольского) тексты в обеих своих частях, повествовательной (по С. М. Шамину — описательной) с рассказом о появлении старцев-пророков и эсхатологической с перечислением грядущих в 1661–1670 годах бедствий, лексически, структурно, по последовательности изложения событий, по содержанию весьма, даже с использованием только в одном списке полонизмов, близки, что заставляет с большой долей уверенности говорить об их едином про-

---

⁴⁷⁹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси... С. 240. С. М. Шамин указал мнение предшественника, но без каких-либо комментариев (С. 93).

тографе. Показательно начало всех текстов с одинаковым упоминанием нескольких географических объектов — Сицилийское (с некоторой вариативностью написания) государство, Палермо (с некоторой вариативностью написания), Угорская земля: «Из Палермы государства Свиццлийского отпущен к наилутчему достоинности Угорские земли подкоролю ... Наилутчи государь, в небольшом времени нынешних числ к нашему Палермитанскому городу пришли два старца, которые себя пророками были известили» (С. 95).⁴⁸⁰ Понятно, что речь идет об одной и той же интересной новости, сообщаемой правителю «Угорской земли», то есть Трансильванского княжества, одной из государственных структур, образовавшихся после раздела в 1526 г. королевства Венгрия на несколько частей,⁴⁸¹ из одного и того же географического региона. Причем имеющееся во всех трех списках, но никак не согласующееся с контекстом слово «отпущен» является, на наш взгляд, искаженным словом «отписка», что хорошо соотносится с продолжением фразы «к ... подкоролю». Показательно, что в списке из собрания Ундольского после процитированного выше своеобразного «заголовка» читается уточнение — «начало отписки сице», не вполне понятно, кем и когда сделанное, так как ни А. И. Соболевский, ни С. М. Шамин не проводили палеографического анализа этой рукописи (С. 95).⁴⁸² Однако очевидно, что так определил вид документа некто, обращавшийся к нему в XVII в., причем, вряд ли эта запись существовала в оригинальном тексте, на каком бы, латинском или другом, языке он ни был написан. Использовать такой термин мог только человек, более или менее знакомый с русским приказным делопроизводством или, по крайней мере, слышавший, что именно так обозначают документы, поступающие от низших должностных лиц в более высокие сферы. Крайне важна и еще одна, заключительная, помета, также читающаяся только в списке Ундольского, где помимо уточнения, что «списание сие» пришло из Палермо в Угорскую землю, отмечено: «И из Угорския земли прислано в Великую Русию к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси». ⁴⁸³ Не будем сейчас задаваться вопросом, действительно ли правитель «Угорской земли» получил донесение от некоего, находящегося в Палермо, видимо, знакомого ему лица, или форма послания использовалась как своеобразный художественный прием для придания большей «достоверности» сугубо эсхатологическому сочинению, важнее другое. Во-первых, «Сказание о двух стар-

⁴⁸⁰ ЧОИДР. 1884. Кн. 3. V. Смесь. С. 13.

⁴⁸¹ История Венгрии в трех томах. Т. 1. М., 1971. С. 193–201, 230–245.

⁴⁸² Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси... С. 240.

⁴⁸³ Там же.

цах» попало в Москву в виде отдельного текста, не входящего в какие-либо европейские информационные издания. Во-вторых, сочинение было специально направлено царю Алексею Михайловичу и в результате попало в Москву при посредстве некоего лица, представителя то ли «Угорской земли», то ли России. Независимо от языка оригинала, латинского или какого-то другого, в русской столице оказался, по всей вероятности, уже переведенный текст, отсюда и читающиеся в нем, как отметил А. И. Соболевский, «полонизмы», и две, начальная и конечная, пометы, указывающие, с одной стороны, на вид документа, а с другой — уточняющие обстоятельства появления документа в «Великой Руси». Поэтому стоит попытаться, хотя бы в самых общих чертах, определить пути попадания «Сказания о двух старцах» в период с лета 1645 г., начала царствования Алексея Михайловича, и не позднее 1660 г., так как первое пророчество, о великой войне, относится к 1661 г., следовательно, само сочинение должно было появиться ранее этого года.

Нельзя сказать, что за указанные 15 лет русско-венгерские контакты были очень тесными:

— 4 августа 1656 г. к царю Алексею Михайловичу от «венгерского князя Ракоция Георгия», то есть от Дьердя II Ракоци, под Динабург приехал, вместе с отправленным от молдавского воеводы Стефана Иванов Родионовым, посланник Георг Рач (Рац) с грамотой с просьбой о «любви и приязни»;

— 2 октября 1656 г. к Дьердю II Ракоци из-под Риги был послан подьячий Григорий Волков⁴⁸⁴ с объявлением, что государь «приемлет его в свою приязнь», посылает в подарок соболей на 1060 рублей и просит не помогать польскому королю и крымскому хану;

— 26 мая 1657 г. к нему же отправились И. А. Желябужский, подьячий Александр Титов⁴⁸⁵ и толмач Дмитрий Остафьев, чтобы выразить царское недовольство заключенным Дьердем II Ракоци союзом со шведским королем;

— в апреле 1660 г. в Киев от этого трансильванского князя был направлен Юрий Степанов с грамотами к царю и к Василию Борисовичу Шереметеву и с посылаемым уже в шестой раз извещением, что

---

⁴⁸⁴ В справочниках С. Б. Веселовского и Н. Ф. Демидовой такого имени нет (*Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие в XV–XVII вв. С. 103–104; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России... С. 119–120*).

⁴⁸⁵ О нем см.: *Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие в XV–XVII вв. С. 515; в справочнике Н. Ф. Демидовой Александр Титов указан как подьячий Поместного приказа в 1648–1676 годах, о его поездке с И. А. Желябужским не упоминается (Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России... С. 559)*.

при необходимости князь соединит свои войска с русскими, чтобы бороться «противу врагов имени христианского».⁴⁸⁶

Было бы очень заманчиво предположить, что человеком, доставившем «Сказание о двух старцах» в Москву был уже упоминавшийся И. А. Желябужский, несколько позднее имевший, по нашему мнению, отношение к появлению в Посольском приказе упомянутых выше «немецких курантов» с сообщением о появлении двух старцев-пророков в Неаполе. К сожалению, это допущение несостоятельно, так как Желябужский со своими попутчиками, отправившись 1 июня 1657 г. из Москвы, 26 июля, находясь еще в пути, узнал о разгроме войск трансильванского князя и был вынужден вернуться в Киев.⁴⁸⁷ Не слишком правдоподобной выглядит и версия с действительно побывавшим в «Угорской земле» подьячим Г. Волковым, так как его миссия, по сути — простого гонца, заключалась в передаче Дьердю II Ракоци царской грамоты и жалованья, и вряд ли трансильванский князь мог посчитать удобным передать в ответ русскому монарху такое эсхатологическое сочинение. Кроме того, если бы «Сказание о двух старцах» действительно привез в Москву вернувшийся гонец, то в заключительной помете было бы, скорее всего, указано его имя, а не использован глагол в безличной форме.

Более привлекательным видится вариант с приездом Георга Раца (Раца) в 1656 г., причем в этом случае хорошо объясняется читающийся в заключительной помете «неполный» царский титул «...великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси», без включения «Малыя» и «Белыя», что, как известно, произошло в сентябре 1655 г.⁴⁸⁸ Относительно небольшой, меньше года, временной промежуток между этими событиями мог привести к тому, что в Трансильванском княжестве о произошедших важных изменениях еще не знали. Кстати, отсутствие этих элементов царского именования является еще одним доказательством того, что помета с серьезнейшей опиской в царском титуле, за что полагалось самое суровое наказание, не могла быть сделана, как считает С. М. Шамин, в «приказных стенах». Впрочем, при таком варианте ответа не вполне ясен

---

⁴⁸⁶ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. М., 1894. 158–159; Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. М., 1990. С. 112, 501, 502.

⁴⁸⁷ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 158–159. Подробнее о военных действиях летом 1657 г. см.: История Венгрии... Т. 1. С. 398–399.

⁴⁸⁸ Подробнее о появлении в ходе русско-польской войны новых элементов в царском титуле см., например: Андреев И. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 293–294; Козляков В. Царь Алексей Тишайший. М., 2018. С. 130–131, 197.

побудительный мотив князя Ракоци при отправлении в Москву этого сочинения, кроме того, как и в случае с подьячим Г. Волковым, настораживает отсутствие имени побывавшего в русской столице человека.

Остается последний, на наш взгляд, наиболее вероятный вариант попадания «Сказания о двух старцах» в Москву через Киев в 1660 г. Для подтверждения этого предположения стоит вспомнить сложившееся в Трансильванском княжестве внешне- и внутривластное положение. Как отмечают исследователи, Дьердь II Ракоци считал, что «упрочит позиции Трансильвании, если овладеет польской короной», для чего и заключил 10 декабря 1656 г. отмеченный выше союз со Швецией, чтобы начать совместные военные действия.⁴⁸⁹ Однако 31 июля 1657 г. войска трансильванского князя, попав в устроенную татарским войском засаду, оказались в плену. 2 ноября 1657 г. по распоряжению турецких властей был избран другой князь — Ференц Редей, но Ракоци, не отказавшись от борьбы за власть, 25 января 1658 г. «снова занял трон вопреки воле турок», в результате чего турецкая армия под командованием везира Мохаммеда Кепрюлю выступила против Трансильвании.⁴⁹⁰ Военные действия шли с переменным успехом, однако, когда в начале осени 1658 г. турецкие и татарские войска заняли несколько венгерских крепостей, 14 сентября 1658 г. везир опять назначил другого князя, Акоша Барчаи, который «в ноябре был избран государственным советом».⁴⁹¹ Тем не менее, Дьердь II Ракоци продолжал сопротивляться, собрал войско и летом 1659 г. отправился с ним в Трансильванию, а 27 сентября государственное собрание опять выбрало его князем, и в октябре этого года он сумел организовать антитурецкий союз Трансильванского, Молдавского и Валахского княжеств, но, как считают историки, «все же сил было недостаточно, тем более, что Габсбурги и не думали помогать Трансильвании».⁴⁹² Понятно, что в таких условиях Дьердь II Ракоци искал поддержки других стран, прежде всего, Русского государства, отправив незадолго до собственной гибели⁴⁹³ в Киев Юрия Степанова и подчеркнув свои уже неоднократные обращения к «государю» с призывом к совместной борьбе против врагов «имени христианского».⁴⁹⁴

⁴⁸⁹ История Венгрии... Т. 1. С. 398.

⁴⁹⁰ Там же. С. 400.

⁴⁹¹ Там же. С. 401.

⁴⁹² Там же. С. 402.

⁴⁹³ 2 мая 1660 г. Дьердь II Ракоци потерпел поражение при Сасфенеше и 6 июня умер от ран (Там же).

⁴⁹⁴ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 159.

В этих обстоятельствах отправление царю Алексею Михайловичу эсхатологического сочинения с пророчествами о «большом — великом» бое в 1661 г., в чем можно было бы видеть, в частности, намек на военные действия объединившихся вооруженных сил Трансильванского княжества и Русского государства, и с возвещением о наступлении, пусть и не в самом скором времени, того момента, когда будет «едино стадо и един пастырь», что, подразумевая торжество христианства, хорошо соотносится с главной, объявленной Ю. Степановым целью объединения русского и трансильванского правителей для борьбы с врагами «имени христианского», с одной стороны, а с другой — намекает на испытанное Дьердем II Ракоци противодействие от исповедовавших совершенно другую религию турок — «неверных». Допустимо поэтому полагать, что «Сказание о двух старцах» могло явиться, по крайней мере, по замыслу трансильванского правителя, дополнительным, выходящим за рамки повседневных военно-экономических условий и внешнеполитической ситуации и, в силу своей необычности, весьма действенным инструментом для принятия царем соответствующего решения. Высказанное предположение неплохо объясняет лексико-стилистические особенности текста и встречающиеся в нем «полонизмы», так как перевод мог быть сделан именно в Киеве и отнюдь не в приказной среде, а кем-то из представителей многочисленного киевского духовенства. При отправлении же этого сочинения в Москву, скорее всего, при отписке воеводы В. Б. Шереметева, кем-то из подьячих первоначальный текст перевода был, как обычно, переписан, а к нему уже «от себя» добавлены соответствующие начальная и заключительная пометы. Возможно, поэтому в сопровождающей записи отсутствует указание на человека, доставившего «Сказание о двух старцах» в Киев: подьячий воеводской избы мог просто не знать имени посланника, если оно не было указано в сделанном, скорее всего, вне стен приказной избы, переводе. Остается, конечно, вопрос с царским титулом, но, не исключено, что именно так он был «прописан» в некоем сопровождающем оригинальный текст этого сочинения сопроводительном документе и потом повторен.

Появление «Сказания о двух старцах» в Киеве весной 1660 г. с учетом того обстоятельства, что Дьердь II Ракоци в течение нескольких лет претендовал до этого на польскую корону, а следовательно, тем или иным способом, в том или ином виде поддерживал, по меньшей мере, через своих людей отношения с проживавшими на территории Речи Посполитой собственными сторонниками, объясняет и еще одну, характерную для этого сочинения черту — его появление не только в Русском, но и в Польско-Литовском государстве. И здесь стоит еще раз обратить внимание на «Летопись» С. Величко. Очевидно, что при

подготовке, пусть и гораздо позднее, своего труда⁴⁹⁵ бывший канцелярист Генеральной канцелярии войска Запорожского использовал бытовавший во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. на тамошних землях текст. Доказательством служит упоминание Польши и Малой России в начале фрагмента, содержащего «Сказание о двух старцах»⁴⁹⁶ и несомненная близость, несмотря на некоторые, обусловленные языковой средой и хронологическим разрывом различия, сохранившегося в «Летописи» С. Величко и читающегося в рукописях из собраний Ундольского, Барсова и Погодина текстов, что свидетельствует о наличии общего для всех первоисточника. Вторым показательным моментом является уточнение, что старцы-пророки ходят в таком «худом» платье, «как в Польше жида бедные» в переводе сообщения из Неаполя из «немецких курантов».⁴⁹⁷ Очевидно, что такое замечание проистекало из непосредственного наблюдения за одеждой разных слоев населения на польско-литовских землях, поэтому С. М. Шамин, также обративший внимание на эти слова, справедливо отметил, что «составители» «...жили в Польше или непосредственной близости от нее» (С. 99). Однако, продолжая рассуждать о существовании некоей «обычной версии» «Сказания о двух старцах», автор книги считает сообщение из «курантов» ее «сильно сокращенным вариантом», «редакцией памфлета», когда «при наборе газеты, в случае нехватки места, печатники могли опустить наименее ценную информацию» (С. 99). Только в таком случае получается, что эти самые, не слишком искусные или не очень радивые, «печатники» совершенно ненужными посчитали большинство сведений о предсказанных старцами бедствиях в каждом из следующих друг за другом 1661–1670 годов, то есть сократили основное содержание эсхатологической части сочинения, оставив только указание о «преставлении света» в 1670 г., о предшествующем этой катастрофе «многом кровопролитии», о не имеющих хронологической привязки сведениях о появлении некоего человека «в великой чести» и о том, что «Африку огонь пожрет». Показательно, что в текстах рукописей из трех собраний и «Летописи» С. Величко эти пророчества следуют в другом порядке: сначала, в 1666 г., Африка «бу-

⁴⁹⁵ С. М. Шамин, на основании двух небольших заметок в справочных изданиях, отмечает, что «Величко занялся летописанием» «оказавшись не у дел» после казни В. Л. Кочубея в 1708 г. (С. 97–98 и примеч. 15). Можно добавить, что исследователи установили дату завершения работы над этим сочинением — 1720 г. (см., например: *Таирова Т. Г.* К биографии автора казацкой летописи Самойло Величко // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2 (20). С. 81).

⁴⁹⁶ *Шамин С. М.* «Сказание о двух старцах». С. 242.

⁴⁹⁷ ВК VI-1. С. 98.

дет горети», а потом, в 1667 г., «встанет великий муж» (С. 101). Иными словами, специалисты газетного дела не только почти уничтожили главное в эсхатологической части, но и почему-то поменяли упоминавшиеся там события местами. Тоже из-за нехватки места?

Следовательно, говорить о проведенном кем бы то ни было «редактировании» *текста* «Сказания о двух старцах» для немецких курантов не приходится, речь идет о его кардинальной переработке и, тем самым, о создании нового произведения. Вместе с тем, очевидно, что корреспондент немецкого информационного издания с *содержанием* этого сочинения в целом, видимо, был знаком, но недостаточно хорошо. Доказательством служат три отмеченные выше совпадения, особенно указание на «Африку», географическое определение не то чтобы совсем незнакомое, но не так уж часто использовавшееся в различных сообщениях.⁴⁹⁸ Поэтому осмелимся предположить, что корреспондент немецких курантов, постоянно проживавший на польско-литовских землях, или, что представляется более вероятным, приехавший в Речь Посполитую по своим надобностям, услышав интересную новость о старцах-пророках, поспешил сообщить об этом в информационное издание, чтобы сделать любопытные сведения доступными более широкому кругу людей. Однако путаница в последовательности предсказаний, хронологическая привязка только одного из них к конкретному году, сокращение числа пророчеств, как, равным образом, и существенного фрагмента с описанием особенностей отношений старцев с иезуитами и Римом, дают основание полагать, что этот человек не прочитал некий текст «Сказания о двух старцах», наподобие того, что был прислан к царю Алексею Михайловичу, а услышал от кого-то устный, уже кочевавший на территории Польско-Литовского государства, видимо, в сильно сокращенном и искаженном виде пересказ эсхатологического сочинения, и именно в такой форме и передал услышанное. Конечно, можно думать, что все эти искажения и сокращения исходили от самого будущего корреспондента немецкой газеты, невнимательно слушавшего рассказчика, тем не менее, отмеченные выше характерные черты сообщения в курантах говорят об отсутствии у него письменного текста. Исходя из сказанного, можно предложить более взвешенное объяснение изменения названия города — с Палермо на Неаполь, представляющееся крайне странным, если речь идет об уменьшавших текст немецких «печатниках». С. М. Шамин совершенно справедливо отметил, что такое изменение «не могло возникнуть при механическом сокращении текста» (С. 99), но не задался вопросом о причинах, сподвигших издателей указать вместо

---

⁴⁹⁸ ВК VI-1. С. 217, 405, 509, 557, 559.

одного города другой. Между тем, нет ничего удивительного в том, что воспринимавший на слух чей-то рассказ человек, хорошо уловив знакомое ему географическое обозначение — Сицилийское государство, впервые услышал название города, не сумел запомнить его и решил изменить на другое, видимо, уже известное и находившееся в том же самом государственном образовании.

Таким образом, самое поверхностное рассмотрение «Сказания о двух старцах» из рукописей в собраниях Ундольского, Барсова, Погодина и «Летописи» С. Величко и сообщения из Неаполя в «немецких курантах» показывает, что во всех этих текстах действительно описывается одно и то же происшествие — появление в Сицилии двух старцев и их пророчества. Первичным при этом являлось распространявшееся на территории Речи Посполитой, возможно, в связи с действиями Дьердя II Ракоци, в устной или письменной форме эсхатологическое сочинение, которое в период 1656–1660 годов (определение точной даты требует обращения к архивным материалам) попало в Москву, видимо, в Посольский приказ. Содержащийся же в «немецких курантах» зимы-начала весны 1661 г., привезенный в Россию И. А. Желябужским и переведенный 27 мая этого года, сокращенный и искаженный пересказ этих сведений представляется вторичным. Однако возвести «книжно-эсхатологический» и «информационный» тексты один к другому путем проводившегося теми или иными людьми их редактирования (сокращения) не представляется возможным. Повествующие об одном и том же *событии*, произведения разных жанров являются различными, не связанными между собой *источниками*. Следовательно, и в отношении «Сказания о двух старцах» также никак нельзя утверждать, что «приказная документация», как и в случае с повествованиями о землетрясениях, извержениях вулканов и различных «небесных знаках», выступала «фоном для книжной традиции», и высказанный *a priori* во Введении тезис не находит своего подтверждения.

Не считаем необходимым проводить дальнейший разбор содержания четвертой главы книги, так как, во-первых, все дальнейшие, выделяемые С. М. Шаминам «редакции» — 1678, 1680, 1694 и 1695 годов (С. 104–118) — относятся только к тексту собственно «Сказания о двух старцах», причем пути распространения этого текста из Посольского приказа и его попадания в старообрядческую среду в новейшем сочинении не указаны даже предположительно, во-вторых, заканчивающие эту главу более поздние «редакции» 1731 и 1761 годов (С. 118–130) выходят за заявленные в книге хронологические рамки работы.

Нет, на наш взгляд, нужды подробно анализировать и дальнейшие главы книги (5–17), которые в целом оставляют впечатление случай-

ных и совершенно не связанных друг с другом тематических подборок, так как понять, несмотря на наличие во Введении специального раздела о «Структуре исследования» (С. 20–22), что же объединяет «Назидательные тексты» (Глава 5, почему-то включающая произведение конца XV в. «Прение живота и смерти»), «„Фряжские листы“ — лубок — политическая гравюра» (Глава 12) и, например, «Выучить государя» (Глава 15), нам не удалось.

В последней из указанных глав содержится пересказ подготовленных А. Виниусом в 1690 и 1692 годах подборок различных корреспонденций, предназначенных, по мнению С. М. Шамина, специально для царя. Правда, в эти годы Петру I исполнилось уже или 18, или 20 лет, почему глагол «выучить» в отношении молодого монарха кажется не совсем уместным, но дело в другом. В отношении первой выборки, составленной 9 июня 1690 г., автор книги отмечает, что она была зачитана царю 16 июня. Ссылаясь при этом на документ, хотя, к сожалению, не приводя цитаты, С. М. Шамина указывает два листа, в том числе — один с оборотом (С. 275, примеч. 4), что дает основание думать о наличии пометы о прочтении, которая довольно часто делалась именно на оборотной стороне листа. Однако в отношении подборки 1692 г. с описанием редакторской работы А. Виниуса и постоянными указаниями, что «...информацию о международной ситуации для Петра готовили постоянно», выписки делались для Петра и т. д. (С. 275–279), никаких, даже косвенных, доказательств таких утверждений в книге не приведено. Не может не вызвать удивление и еще одно, также не подтвержденное ни документальными аргументами, ни логическими построениями суждение: «Надо полагать, что пацифистский материал (подборка 9 июня 1690 г. — Л. Т.) был подготовлен, чтобы убедить царя во вреде войны для государства. Разумеется, сделать это без прямого указания Натальи Кирилловны почтмейстер не мог» (С. 275). Стоит вспомнить, что в конце 1680-х — первой половине 1690-х годов А. Виниус, а именно о нем идет речь, ведал не только почтой, то есть был, по несколько пренебрежительному выражению автора книги, «почтмейстером», но и занимал гораздо более заметную должность, являясь дьяком Посольского и соединенных с ним четвертных приказов,⁴⁹⁹ деятельностью которого в это время вряд ли могла руководить даже ближайшая родственница

---

⁴⁹⁹ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 92; *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат... С. 134; *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. С. 136; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России... С. 113; *Юркин И. Н.* Андрей Андреевич Виниус. М., 2007. С. 191–205.

царя.⁵⁰⁰ Неточна и трактовка С. М. Шаминам собранных вместе переводов. По его же собственному описанию, вошедшие в комплекс 9 июня 1690 г. сведения указывают на примере Франции, стран Габсбургской коалиции, Швеции, Голландии на вред, наносимый военными действиями международной, в частности, хлебной торговле, то есть в подобранных материалах имеются указания только на возможные экономические последствия столкновений армий разных стран. Где же здесь осуждение войны вообще и проповедь мира? Более чем странным представляется завершающий эту главу фрагмент о формировании практики «использования прессы в процессе обучения» на примере Петербургского сухопутного шляхетского кадетского корпуса, ОСОАВИАХИМА и советских школ, где школьники «собирали газетные вырезки, делали доклады и обсуждали злободневные политические вопросы» (С. 291; об общей неуместности подобных примеров в исследовании, посвященном XVI — началу XVIII столетия говорить уже не стоит). Конечно, и будущие офицеры царской армии, и советские военные знакомились с прессой, а в школах проходили политинформации, правда, как помнится, с использованием целых газет, а не вырезок, и вопросы были, скорее, не «злободневными», а касались общей текущей внешне- и внутривнутриполитической ситуации, однако сравнивать это, основанное на массовом использовании газет явление с доступными крайне узкому кругу лиц переводами «вестей-курантов» не приходится.

Вряд ли целесообразно серьезно анализировать такие главы, как «Празднества и публичные церемонии» (Глава 9), «Смех и юмор: мир, вывернутый наизнанку» (Глава 11), «Переводы прессы как фактор европеизации русской знати...» (Глава 13), «Трансмутация читателя»⁵⁰¹

---

⁵⁰⁰ В литературе отмечается, что в начале 1690-х годов царица могла влиять на сына, но в своеобразной сфере: «Можно заметить даже, — писал М. М. Богословский, — что в 1690 и 1691 гг. Петр, очевидно, под воздействием настояний матери, соблюдает, по крайней мере, во внешности все требования кремлевского ритуала строже, чем в предыдущее время...» (*Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии.* Т. 1. С. 95). Вряд ли стоит думать, что такое «руководство» со стороны Натальи Кирилловны было характерно и для внешнеполитической сферы, во всяком случае ничего подобного не отмечают авторы новейшей монографии, посвященной, в частности, проходившим в начале 90-х годов военным действиям (*Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов.* С. 257–296).

⁵⁰¹ Не можем не заметить искусственную вычурность использованного в названии этой главы слова. Трансмутация обозначает превращение одного объекта в другой, в отношении человека — полное изменение организма, в частности, путем генных преобразований. Вряд ли даже самая потрясающая новость или поражающее воображение литературное произведение способны на такое, использование же этого термина с достаточно строгим смыслом в иносказательном плане, для характеристики

(Глава 16), где рассматриваются, в частности, описания празднеств, коронационных торжеств, погребальных церемоний и т. д. в переводных документах, прежде всего, курантах; читающиеся в одном из рукописных сборников «Юмористические куранты» и пародийная переделка молитвы «Отче наш», находящаяся в польском «вестовом» письме; панегирические отзывы иностранной прессы, в том числе в поэтической форме; восприятие античной культуры через лексемы «античного происхождения» в переводах различных европейских информационных текстов. Очевидно, что сколько-нибудь аргументированно исследовать все эти вопросы можно только после изучения главного — степени распространения среди различных слоев населения готовившихся в Посольском приказе переводов иноземной корреспонденции или русских рукописных сборников, то есть после выяснения социального и количественного состава той воспринимающей среды, которая и должна была «европеизироваться», знакомиться с античностью и т. д. Однако, как было отмечено выше, вопрос о круге возможных читателей «европейских информационных текстов малых форм» автором книги, не считая периодических, но бездоказательных упоминаний «государя» и «бояр», не рассматривался, без чего бо́льшая часть изложенного в указанных главах представляется крайне поверхностным и малоубедительным, а предпринятый нами самый поверхностный анализ опубликованных переводных текстов и сыскного дела стрельца А. Науменка показал их весьма малое распространение вне стен Посольского приказа среди правящей элиты, полное небрежение со стороны служителей других приказов и использование в совершенно иных, отнюдь не информационных, целях представителями прочих категорий населения.⁵⁰²

Более чем странной представляется завершающая книгу небольшая (С. 312–321) 17 глава с довольно длинным названием «Судьбы допетровских текстов, сюжетов и образов в XIX–XXI столетиях» (С. 312). Никакая преемственная связь этих поздних текстов с какими бы

изменений, происшедших в человеческом сознании, при наличии большого количества других, более подходящих определений, никак не кажется удачным.

⁵⁰² Характерно, что сам С. М. Шамин в отношении античного наследия справедливо подчеркивает «образовательный потенциал» делавшихся в Посольском приказе «русских переводов европейской прессы» (С. 298), что подразумевает под собой, прежде всего, самих переводчиков. О значении деятельности переводчиков Посольского приказа для развития «литературного репертуара» см.: *Буланин Д. М.* Переводчики Посольского приказа: Школа литературы и литературная школа // *Русская литература.* 2023. № 1. С. 257–260; о степени влияния античного наследия на различные, не только литературу, стороны русской культуры XVII в. см.: *Бусева-Давыдова И. Л.* Античность в русской художественной культуре XVII в. // *Мир Кондакова.* Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2004. С. 306–330.

то ни было произведениями газетного или литературного жанров XVI — начала XVIII столетия в главе не показана. Автор книги просто обращает внимание на несколько, видимо, пикантных, по его мнению, фактов. Большая часть главы посвящена переписке турецкого султана с чигиринскими казаками и картине И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» с упоминанием того, что репродукция живописного произведения, по воспоминаниям С. Аллилуевой, висела на даче И. В. Сталина,⁵⁰³ подчеркиванием на основании запросов в поисковую систему Google роста популярности «писем турецкому султану» «после начала конфликта с Турцией в ноябре 2015 г., когда самолет российских ВВС был сбит в небе над Сирией» (С. 315) и т. д. Однако все эти наблюдения, к которым, при желании, можно было бы добавить много других примеров, остаются не более чем, возможно, любопытными для некоторой части читательской аудитории казусами, а не элементами научного исследования, так как, повторим это уже в который раз, никакая зависимость разновременных текстовых посланий или картины известного художника именно от распространявшихся в последней трети XVII в. антитурецких памфлетов автором книги не показана. То же самое относится и к двум другим, затронутым в этой главе сюжетам — о пророках и пророчествах и о различных «небесных знаменьях» (С. 318–321). Так, теперь уже на основании поисковой системы Yandex, С. М. Шамин в качестве примера привел 163 русскоязычных сообщения 2018 г., связанных с предсказаниями о гибели Земли от столкновения с планетой Нибиру 16 августа этого года (С. 319) или о появлении над хутором Кокичев Ростовской области знаков на небе — «четыре светлых квадрата с языками пламени внутри» (С. 320). Очевидно, однако, что обращение к различным предсказаниям было характерно для истории человечества, начиная с древнейших времен и до наших дней, почему и требует самого серьезного изучения социальных и психологических причин этого явления. Равным образом, люди всегда занимались наблюдениями за различными природно-климатическими и атмосферными явлениями и совершенно по-разному трактовали увиденное. И не приведено никаких доказательств, что именно «европейские информационные тексты малых форм» или небольшие произведения русской книжности XVI — начала XVIII в. играли в этих процессах особую или даже хоть сколько-нибудь заметную роль, почему и включение такой беллетристически-популярной главы в исто-

---

⁵⁰³ Зададимся риторическим вопросом, а если бы эта картина висела на даче не генерального секретаря ЦК ВКП (б), а любого другого гражданина СССР, обратил бы С. М. Шамин внимание на это факт? Ответ, как кажется, понятен.

рическое исследование, если таковое действительно задумывалось, выглядит совершенно неоправданным.

* * *

Мы отказываемся от какой-либо характеристики оставшихся пяти глав (рецензент, разумеется, имеет право выбора объекта разбора) и теперь обратимся к сопровождающим основной текст дополнениям и научно-справочному аппарату. Прежде всего, отметим, что издание лишено минимально-необходимых указателей — именного и географического, к которым неплохо было бы добавить указатель шифров использованных рукописей, коль скоро автор книги обращался не только к опубликованным текстам, но и к различным архивным материалам.⁵⁰⁴ Трудно объяснить причину подобного решения, тем более, что в более раннем труде С. М. Шамина и в коллективной монографии, в подготовке которой он принял участие, наличествуют хотя бы именные указатели.⁵⁰⁵ Отсутствие же таковых, во-первых, создает определенные неудобства для читателей, которые ознакомившись сначала со всей книгой, затем, при повторном обращении будут вынуждены пролистывать ее еще раз или составлять ту или иную свою собственную поисковую систему, а во-вторых, оставляет впечатление некоторой неуместной допущенной в книге небрежности.

Это ощущение усиливается при обращении к библиографии (С. 360–389). На первый взгляд, занимающий немалое количество страниц список внушает доверие, но более внимательный просмотр выявляет ряд недочетов. Сразу же бросается в глаза крайне странное указание на «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (С. 381). Мало того, что выходные данные каждого выпуска занимают отдельную строчку, составляя в целом почти страницу, хотя в других случаях сведения о томах из многотомных изданий даются в подбор, например, «Письма и бумаги императора Петра Великого» (С. 376), но и порядок их перечисления является крайне сумбурным, без какой-либо принятой в библиографических указателях ориентации — год и номер выпуска. В предложенном читателям списке выпуск 1 (с ошибочно указанной датой выхода — М., 1984; следует: М., 1975) находится между выпусками 9 (М., 1982) и 10 (с ошибочно указанной датой выхода —

---

⁵⁰⁴ Заметим, кстати, что в довольно часто упоминаемой в книге С. М. Шамина монографии Д. К. Уо имеются четыре указателя: именной, географических и этнических названий, названий произведений и шифров рукописей (*Уо Д. К. История одной книги*. С. 357–386).

⁵⁰⁵ *Шамин С. М.* Куранты XVIII столетия. С. 336–344; *Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М.* Русско-турецкая война 1686–1700 годов. С. 509–526.

М., 1998; следует: М., 1983), выпуск 2 (М., 1975) между выпусками 19 и 20 (М., 1994 и 1995), выпуск 3 (М., 1976) — после выпуска 28 (М., 2008) и т. д. Кроме того, указания на выпуски 6, 9, 10, 12, 14 и 16 повторены дважды — с правильным указанием года выхода книги и с неточным.

Точно такое же нарушение хронологии в датах выхода, а заодно — и в алфавитном порядке характерно, например, при перечислении работ Д. К. Уо — 1977, 2003, 1985, 2014, 2016 годы; «Одоление...» (приводим только первое слово названия), «История...», «Текст...», «Увлечения...», «Истоки...» (С. 382).

Нельзя не отметить, что статья А. И. Тощева в сборнике «XVIII век» занимает не одну, 193, как следует из библиографии (С. 382), а несколько страниц — с. 184–199.

Удивляет двойное указание на одну из статей самого автора книги со ссылкой на одно и то же периодическое издание, но с разными названиями и страницами (выделено курсивом): 1. Шамин С. М. Новости о *религиозной* жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й половине XVII в. // ВЦИ. 2009. № 3–4. С. 227–265; 2. Шамин С. М. Новости о *церковной* жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й половине XVII в. // ВЦИ. 2009. № 3–4. С. 247–254. На самом деле правильная ссылка: Шамин С. М. Новости о церковной жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й половине XVII века // ВЦИ. 2009. № 3–4. С. 227–265.

Невозможно понять, какими соображениями руководствовался автор книги, включая в библиографию указание на любимую многими повесть В. К. Арсеньева «Дерсу Узала»⁵⁰⁶ (С. 362), тем более, что в сносках основного текста это замечательное произведение, как будто, ни разу не упоминается.

По странной, на наш взгляд, прихоти автора книги 2020 г. в общем библиографическом списке, а заодно и в конкретных сносках, фамилии его соавторов указываются, вопреки заголовкам изначальных журнальных статей, в обратном порядке — «Богданов А. П., Шамин С. М. Природные явления в царствование Федора Алексеевича и человеческое сознание (по газетной информации Посольского приказа) // Историческая экология и историческая демография. Сборник статей. М., 2003. С. 239–255» (С. 72. Примеч. 48; С. 365); «Белянкин Ю. С., Шамин С. М. „Светящий яростный луч“: русский перевод сочинения доктора Якова Розера о комете 1680–1681 гг. // Древняя Русь. Вопросы

---

⁵⁰⁶ В первом издании повесть имеет подзаголовок (*Арсеньев В. К. Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 году. М., 1923*), который впоследствии издатели часто опускали. Полное название воспроизведено: *Арсеньев В. К. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 1. Владивосток, 2007.*

медиевистики. 2015. № 4 (этот выпуск имеет, как и другие, двойной номер — № 4 (62). — Л. Т.). С. 126–133» (С. 65, примеч. 26; С. 363). На самом деле следует «Шамин С. М., Богданов А. П. ...», «Шамин С. М., Белянкин Ю. С. ...». Такое произвольное изменение элементов библиографического описания представляется недопустимым, так как будет мешать поиску этих работ в каталогах библиотек и в различных поисковых системах, а читатель станет задаваться вопросом, об одних и тех же или о разных статьях идет речь.

Впрочем, гораздо бóльшим недостатком библиографического указателя, чем отмеченные выше огрехи, является его неполнота. В первую очередь, это касается, как ни странно, нескольких статей самого автора: *Шамин С. М.* 1) В ожидании конца света в России (конец XVII — начало XVIII в.) // ВИ. 2002. № 6. С. 134–138; 2) Вести и куранты вне стен государственных приказов в России XVII столетия // Честному и грозному Ивану Васильевичу. К 70-летию Ивана Васильевича Левочкина. М., 2004. С. 62–68; 3) «Сказание о двух старцах»: К вопросу о бытовании европейского эсхатологического пророчества в России // ВЦИ. 2008. № 2 (10). С. 221–248; 4) Крест над Святой Софией: знамения и пророчества о падении Османской империи в годы войны Священной лиги 1683–1700 гг. (по материалам курантов) // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 10. М., 2012. С. 134–143; 5) «И в ту же ночь было трясение великое от Божия разгневания»: Переводы европейских известий о землетрясениях и извержениях вулканов в русской духовной культуре XV–XVIII вв. // ВЦИ. 2016. № 1–2 (41–42). С. 139–158; 6) «Чудо» сопротивляется научному знанию: переводные известия о «небесных знамениях» в русских рукописных сборниках XVI — первой половины XVIII в. // Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени. К 80-летию со дня рождения Анатолия Евгеньевича Иванова. М., 2018. С. 32–42.

Нет указаний на целый ряд работ, относящихся к изложенному в различных главах материалу (см. примеч. 115, 116, 118). Из них можно специально упомянуть некоторые:

Алпатов С. В. «Роспись дивным вещам Саббатая Цви» в русской рукописной традиции и фольклоре XVII–XIX вв. // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей. М., 2013. С. 55–65;

Бусева-Давыдова И. Л. Античность в русской художественной культуре XVII в. // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2004. С. 306–330;

Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955. С. 251–252;

Кобзарева Е. И. Организация в России XVII в. сбора информации о западноевропейских событиях // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1988. № 3. С. 13–22;

Маркелов Г. В., Сиренов А. В. Иконография Лицевого летописца о небесных явлениях // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 320–336;

Сиренов А. В. Кодикологические особенности «Летописца о небесных явлениях» // Сборник в честь В. К. Зиборова. Опыты по источниковедению. Выпуск 5. СПб., 2017. С. 251–275.

Сумникова Т. А. Два датированных известия русской рукописи XVI в. о стихийных бедствиях в Европе // Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 24–25;

Таурова Т. Г. К биографии автора казачьей летописи Самойло Величко // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Петербургские славянские и балканские исследования. 2016. № 2(20). С. 76–88.

Эйнгорн В. О. Пребывание в Москве Иоанникия Галятовского в 1670 году // ЖМНП. 1896. Ч. 308. Ноябрь. С. 93–95;

Svane G. Slavonic manuscripts in the Roayl Library: A Catalogue // *Hendskrifttafdelingens arkivregistraturer*. № 4. Copenhagen, 1993. P. 80–89.

Нельзя, к тому же, не сказать, что при наличии специальной главы «„Курьезы“ и рождение русской прессы» (С. 259–263; вторая часть этой главы (С. 264–272) рассказывает о календарях) литература, посвященная возникновению периодической печати, в указателе по большей части отсутствует. Интересующихся отправляем к библиографическим сноскам во Введении к первому выпуску «Вестей-Курантов».⁵⁰⁷

По нашему мнению, отмеченные недостатки библиографии являются прямым следствием недостаточной заинтересованности автора книги в серьезном анализе работ предшественников, явственно отраженной в разделе Введения под названием «История изучения русских переводов европейских памфлетов» (С. 22–33). Оставляя в стороне вопрос, почему основное внимание, судя по заголовку раздела, автор книги решил уделить именно памфлетам, причем, отсутствие кавычек при этом термине как будто говорит об употреблении этого понятия в общепринятом смысле, обратимся к рассмотренным там персоналиям и их трудам. Начинается обзор историографии с работы А. Н. Попова о хронографах русской редакции. Среди прочих С. М. Шамин выделяет такие входящие в них тексты, как родословия царей, Сказание о Сибирской стране, Летописец вкратце, Космографию и цикл

⁵⁰⁷ ВК I. С. 13, примеч. 27–30.

посланий турецким султанам и их ответов (С. 22–23). И если тексты последней группы при некотором допущении можно определить как памфлеты, то первые четыре произведения к таковым никак не относятся, не менее трудно понять и их связь с «европейскими информационными текстами малых форм». Далее следует краткая характеристика известной работы А. И. Соболевского по истории переводной литературы XIV–XVII вв. (С. 24), обзор работ В. П. Адриановой Перетц (С. 24–27), затем несколько неожиданно повествуется о «судьбе» «Сказания о Дракуле» (С. 27–28), тогда как понятие «малых форм» к этому произведению никак не относится, да и хронология его создания связана с XV в., «Повести о споре жизни и смерти» (С. 28–29), коллективной монографии ленинградских филологов о русской беллетристике (С. 28–29), три предложения посвящены работам Э. Малек (С. 29), более пространно описаны исследования Д. К. Уо (С. 29–31), после чего опять-таки в нескольких предложениях охарактеризованы труды Н. А. Казаковой и С. И. Николаева (С. 31), полтора абзаца посвящены И. Майер (С. 32), половина абзаца — С. В. Алпатову (С. 32) и в заключение следует перечисление фамилий историков или лингвистов, которые писали о курантах и их переводах или сделали «интереснейшие открытия» (А. В. Сиренов, А. Г. Сергеев, И. А. Поляков, Т. А. Базарова), но без какой-либо характеристики самих этих находок.

Между тем, исследования Н. А. Казаковой, С. И. Николаева, С. В. Алпатова и, особенно, И. Майер, которая своим изучением иноязычных оригиналов переводившихся в Посольском приказе информационных сообщений положила начало действительно научному, источниковедчески обоснованному рассмотрению этого вида документов, заслуживают гораздо более подробного анализа (цели, задачи, методы, источники, результаты), а не сверхкраткого пересказа содержания, замечаний об организаторском таланте И. Майер или о том, что автор книги имел «счастлившую возможность» работать со шведским историком «более чем над десятком различных публикаций» (С. 32). Крайне странным кажется отсутствие среди исследователей фамилии Е. И. Кобзаревой, которая непосредственно занималась изучением известий о Западной Европе в документах Посольского приказа, почему оценку ее творчества стоило бы в любом случае дать.

Кроме того, из указанных выше страниц понятно, что наиболее крупные фрагменты этого раздела посвящены двум исследователям — В. П. Адриановой-Перетц и Д. К. Уо. И если в отношении американского исследователя есть более или менее последовательное и чуть более подробное по сравнению с другими персоналиями изложение содержания его работ, и даже делаются некоторые, не то чтобы новые, но хоть какие-то выводы, в частности о том, что удачный выбор

объекта исследования — вятской рукописи — позволил Д. К. Уо «отказаться от привычной схемы изучения истории культуры, как некоего линейного пути от древности к современности, от первобытной отсталости к прогрессу», и показать, как «современность и не-современность ..., причудливо переплетаясь, живут в сознании одного человека» (30–31), то в случае с В. П. Адриановой-Перетц повествуется совершенно о другом. Большая часть изложенного на этих страницах посвящена не анализу творчества В. П. Адриановой-Перетц и выяснению причин, почему она обратилась к легенде об Агасфере, трактуемой С. М. Шаминам как переводной памфлет, хотя сама исследовательница этот термин не использовала, или к связанным с иностранными оригиналами «юмористическим курантам», а рассуждениям о борьбе «с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом» в конце 1940-х — начале 1950-х годов, в результате которой «...тема европейских литературных заимствований оказалась, — по мнению С. М. Шамина, — если не под официальным запретом, то в числе нежелательных», а сама В. П. Адрианова-Перетц «подверглась острой критике в печати» и ради собственной безопасности перестала заниматься этими сюжетами (С. 26–27). Не будем спорить с безапелляционно высказанными на основании всего только одной статьи⁵⁰⁸ суждениями о действительно очень сложном и до сих не имеющем серьезных исследований (довольно многочисленные публицистические и откровенно конъюнктурные писания не в счет) периоду советской истории. Зададимся простейшим вопросом: почему же после марта 1953 г. Адрианова-Перетц не вернулась к этим самым «литературным заимствованиям» с Запада, которые, вроде как, перестали быть «нежелательными»? Ответ найдется, если попытаться, не претендуя ни на что особенное, вписать эти работы в общий контекст творчества исследовательницы. Будучи с 1907 г. участником семинара В. Н. Перетца, Варвара Павловна занималась изучением и публикацией источников («Хождение» игумена Даниила, рассказ Софрония о лавре Святого Саввы, «Хождение в Иерусалим» иеромонаха

---

⁵⁰⁸ Дружинин П. Пушкинский дом под огнем большевистской критики // Новое литературное обозрение. 2011. № 4 (110). С. 202–213. Большой заслугой автора статьи является, на наш взгляд, публикация машинописного оригинала письма от 26 декабря 1951 г. сотрудника кафедры русской литературы филологического факультета ЛГУ И. П. Лапицкого секретарю ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкову (у С. М. Шамина — «донос в Секретариат Центрального Комитета ВКП (б)» (С. 26)) с критикой работы ряда сотрудников Пушкинского дома, в том числе В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева. Хотелось бы, конечно, получить от автора статьи более подробное описание этого документа, но то, что П. Дружинин указал его шифр (Там же. Примеч. 4) и полностью, без купюр, опубликовал текст, представляется весьма полезным.

Варлаама Леницкого, «Хождение» Арсения Селунского), причем, как подчеркнуто в современной работе, «особое внимание она уделяла поискам рукописных списков изучаемого памятника», что требовало обращения к множеству рукописей русского, украинского, польского, греческого происхождения, и проявляла при их изучении, в частности, в отношении «Хождения» Арсения Селунского, интерес к апокрифическим легендам.⁵⁰⁹

В 1915 г. увидела свет рецензия В. П. Адриановой на изданное Православным Палестинским обществом с комментариями С. П. Розанова «Путешествие» Ипполита Вишенского, часть которой была посвящена анализу легенд об Афонской горе, услышанных им в дороге.⁵¹⁰ Допустимо предположить, что, встретив в просматриваемых ею рукописях легенду об Агасфере, В. П. Адрианова-Перетц решила посвятить особую работу и этому популярному в русской и европейской литературе XIX — начала XX в. легендарному сюжету. Что же касается влияния поэзии К. Бальмонта, М. Волошина, Н. Гумилева, «культуры Серебряного века», как отметил С. М. Шамин, на выбор темы (С. 25), то доказать такое воздействие трудно, но и заведомо отрицать его не приходится.

Если же говорить о небольшой статье про «юмористические куранты», то стоит вспомнить, что в середине 1930-х — 1950-х годах В. П. Адрианова Перетц изучала произведения русской демократической сатиры. В 1937 г. появилась ее книга о русской сатирической литературе,⁵¹¹ в 1954 г. в серии «Литературные памятники» опубликован целый ряд текстов с исследовательской статьей и комментариями.⁵¹² Причем, возникновение этого жанра она рассматривала, как отмечали исследователи ее творчества, «в связи с историческими особенностями XVII в., способствовавшими ее возникновению — с развитием посада, городскими восстаниями, земскими соборами», разбирая такие формы сатирического жанра, как пародия, преувеличение, гротеск.⁵¹³ Следовательно, статья о «юмористических курантах», как

---

⁵⁰⁹ Подробнее см.: Федорова И. В. Варвара Павловна Адрианова-Перетц... С. 421–428.

⁵¹⁰ Адрианова В. П. Пелгримация Ипполита Вишенского в новом издании Православного Палестинского общества. Пг., 1915. С. 21–31. Подробный анализ рецензии см.: Федорова И. В. Варвара Павловна Адрианова-Перетц... С. 428–432.

⁵¹¹ Адрианова-Перетц В. П. Очерки русской сатирической литературы XVII века. Л., 1937.

⁵¹² Русская демократическая сатира XVII века. М., 1954.

⁵¹³ Демкова Н. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — исследователь русской сатирической литературы XVII в. // Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977. С. 248, 249. Подробнее о работе исследовательницы над указанными изданиями, посвященными сатирическим произведениям статьями и разделами в общих трудах по истории литературы см.: Там же. С. 244–250.

ранее и работа об Агасфере, естественным образом оказывается связанной с более широкими исследовательскими интересами В. П. Адриановой-Перетц, обращавшейся в процессе занятия русской сатирой к самым разным источникам. Таким образом, напрямую объяснять отсутствие других, посвященных иностранным информационным текстам работ сотрудника Пушкинского дома, заведующего сектором древнерусской литературы в 1947–1954 годах, с борьбой именно с «космополитизмом» и «низкопоклонством» нет оснований, и причина представляется гораздо более простой — сосредоточение В. П. Адриановой-Перетц на изучении других источников для разрабатываемой ею большой литературоведческой темы, где статья о курантах явилась интересным, но побочным продуктом, и не требовала никакого продолжения.

Очевидно, что подобный, посвященный историографии раздел с бессистемным перечислением, более похожим на распространенный библиографический указатель исследований по самым разным сюжетам с надуманными, по нашему мнению, объяснениями некоторых процессов, не дает читателям возможность, во-первых, хоть в какой-то степени представить процесс изучения «информационных» или «литературных» текстов «малых форм» на протяжении времени, а во-вторых, понять, каким же образом работы перечисленных исследователей связаны с изучением заявленных во Введении двух функций этих текстов — познавательно-развлекательной и мировоззренческой.

И, в заключение, обратимся к имеющимся в книге и занимающим почти два печатных листа Приложениям (С. 334–359), которые также производят весьма странное впечатление. В чрезвычайно кратком предисловии к публикации документов С. М. Шамин буквально одним предложением определил побудительный мотив своих действий: «Цель данного раздела — представить читателю наиболее интересные переводы разных типов изучаемых текстов» (С. 334). Такая постановка вопроса сама по себе не совсем корректна, так как *любой документ* интересен сам по себе и достоин обнаружения. Тем не менее, если публикатор делает подобное замечание, то читателям, по всей вероятности, хотелось бы знать, чем же вызвана эта избирательность. Почему, например, к таковым отнесена переписка 1697 г. с турками и татарами осажденных в крепости Тавань (Эски-Таван) казаков (С. 341–342), сразу четыре текста, касающиеся Речи Посполитой — описания коронавания Михаила Вишневецкого в 1669 г. (С. 344–345), церемонии перенесения его же сердца в 1677 г. (С. 346–349), появления в Гданьске в 1677 г. подстрекающего к неповиновению властям проповедника (С. 350–351) и фрагмент памфлета против польской королевы Марии Казимиры (С. 352), что составляет несколько более трети от всех опубликованных текстов. Точно так же трудно понять,

чем же интересны именно эти переводы, так как никакого лексико-стилистического анализа действительно отличающихся друг от друга русскоязычных текстов нет, как отсутствуют и имена людей, занимавшихся этим делом, будь то переводчики Посольского приказа или кто-то иной.

Не вполне понятна и принятая в Приложении группировка опубликованных документов. Исходя из прочитанных глав основного текста, читатель вправе был бы ожидать представления рукописных текстов в соответствии с уже имеющимся тематическим делением материала. Тем не менее, в этом разделе источники объединены по географо-политическому принципу — Османская империя (С. 335–343), Речь Посполитая (С. 344–352), к которым почему-то присоединены тексты об азовских походах Петра I (С. 353–357). Внутри же этих трех подборок тексты распределены на две группы: по заимствованным из рукописных книг и приказным документам. Однако и этот, принятый самим составителем Приложения принцип в одном случае оказывается нарушенным. В первой подборке, касающейся Османской империи, к «Материалам рукописных книг» отнесены «Куранты торговых крестьян Шангиных» (С. 337–338), хотя совершенно очевидно, что в их архиве находились самые обычные, написанные в Посольском приказе переводы с характерной для переводчиков этого учреждения лексикой, структурой расположения отдельных сообщений с новой строки и указанием на то, откуда и когда поступило то или иное свидетельство, что требовало бы включения этого текста не в указанный, а в следующий раздел — «Приказные документы».⁵¹⁴

---

⁵¹⁴ Сохранившийся архив крестьян Яренского уезда требует более серьезного палеографо-текстологического исследования, чем просто перечисление входящих в этот не такой уж маленький комплекс документов, пусть даже с публикацией некоторых из них и с краткими источниковедческими заметками (*Морозов Б. Н.* 1) Архив торговых крестьян Шангиных // Советские архивы. 1980. № 2. С. 57–61; 2) Пять писем XVII в. из Яренского уезда (или как найти далеких предков в Архиве древних актов) // Человек архивный. Сборник статей к семидесятилетию Юрия Моисеевича Эскина и 42-летию его архивной деятельности. М., 2021. С. 254–275). При обращении к хранящемуся в РГАДА комплексу (Ф. 188. Рукописное собрание ЦГАДА. Оп. 1. № 369. Л. 1–62) видно, что на чистых оборотах сшитых в несколько тетрадей столбцовых листов (см.: *Морозов Б. Н.* Пять писем XVII в. ... С. 256) с относящимися к собственно торгово-предпринимательской деятельности Шангиных документов, например, помимо опубликованных писем, выписей из таможенных книг Яренского уезда, более поздним почерком были написаны богослужебные тексты, то есть, как это часто и бывало, бумага использовалась дважды. В связи с этим, стоило бы задаться вопросом о причинах и времени попадания в этот комплекс листов с переводами иноземных информационных сообщений: то ли Шангины (или их родичи) так уж заинтересовались описанием битвы при Зенте в августе-сентябре 1697 г., сведениями о подписании испанскими, английскими, голландскими и французскими послами мирных договоров и о действиях «принца Конте» (де Конде), что пожелали иметь их в собственном владении, то ли причина была более простой и практической.

И, наконец, совершенно необъяснимым выглядит включение в Приложение текстов, изначально написанных на *русском* языке: одно из писем казаков туркам и татарам (С. 341–342), сделанное в Москве анонимным русским автором описание триумфального шествия войск по столице после взятия Азова (С. 356–357) и отправленное в Варшаву сообщение за приписью дьяка В. Бобинина об этом же знаменательном событии (С. 358–359). Причем же здесь «особо» (или не очень) «интересные переводы»?⁵¹⁵

Что же касается собственно археографической составляющей, то и здесь дела обстоят не блестяще. Странно выглядит помещение легенды сразу после заголовка документа, а не в конце текста; непонятно, почему в указании на шифр документа из РГБ название фонда (Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского) присутствует, а на фонды РГАДА — нет; в легендах вообще нет сведений о виде публикуемых источников и времени их составления, указывается только дата самого описываемого события, что при публикации текстов некорректно; чрезвычайно трудно поверить в совершенно чистовой, без малейших помарок и исправлений характер написания документов, взятых из различных фондов-коллекций РГАДА, но соответствующие текстологические комментарии практически отсутствуют.

Бросается в глаза и еще одна особенность этого раздела книги: нумерация страниц имеется только на оборотных, четных, сторонах, лицевые же, нечетные, номера не указаны. Конечно, речь в данном случае идет о браке в издательско-типографской работе, упрекать в котором самого публикатора нельзя. Тем не менее, такой дефект только усиливает общее ощущение вторичности, необязательности этого раздела книги. В последние десятилетия подобные дополнения научных или научно-популярных монографий, состоящие из публикаций отдельных документов, подчас случайных, произвольно взятых, без какого-либо источниковедческого исследования содержащих их комплексов, стали довольно популярны. Как представляется, иллюстративный характер подобных «археографических» действий очевиден, а приносимая польза, определяемая, как правило, самыми общими словами о необходимости «введения в научный оборот», если она вообще есть, весьма невелика. К сожалению, то же самое можно сказать и о Приложениях к разбираемому сочинению.

---

⁵¹⁵ Допустимо, конечно, думать, что не раз ездивший в Швецию В. Бобинин (см., например: *Рогожин Н. М.* Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 107) знал тот или иной иностранный язык и именно на нем изначально написал сообщение в Варшаву, которое по получении в Посольском приказе было переведено на русское наречие и в таком виде отправлено в Речь Посполитую, но такое предположение выглядит малоубедительным, если не сказать, фантастическим.

Завершая рассмотрение книги С. М. Шамина,⁵¹⁶ мы, к сожалению, не можем ограничиться обычной при обращении к не слишком удачным работам, будь то монографии, публикации источников, описания документов или рукописей, фразой о том, что всякое появившееся на свет издание способно принести пользу. Выпущенный по рекомендации Ученого совета Института российской истории РАН и под грифом этого научного учреждения при участии четырех уважаемых рецензентов и научного редактора том трудно назвать иначе, чем одним большим «курьезом».

---

⁵¹⁶ Совсем недавно мы узнали о выходе еще одной, весьма объемной монографии, посвященной распространению зарубежных новостей в России в XVII в. (*Waugh D. C., Maier I. Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context.* Uppsala, 2023. 893 p.), внимательное чтение которой — дело будущего.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЮЗР	— Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России
БАН	— Библиотека Академии наук
ВАА	— Вестник «Альянс-Архео»
ВИ	— Вопросы истории
ВЦИ	— Вестник церковной истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДРВМ	— Древняя Русь. Вопросы медиевистики
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ	— Исторические записки
МАКИД	— Московский архив Коллегии иностранных дел
МГУ	— Московский государственный университет
ОПИ	— Отдел письменных источников
ОР	— Отдел рукописей
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности
ОФР	— Очерки феодальной России
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПЭ	— Православная энциклопедия
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГБ	— Российская государственная библиотека
РИО	— Русское историческое общество
РНБ	— Российская национальная библиотека
СККДР	— Словарь книжников и книжности Древней Руси
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тимошина Л. А.</i> Курьез современной отечественной историографии	3
Список сокращений	189

Научное издание

ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»

Вып. 44

Редактор
С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 30.12.2023

ИП Новикова О. Л.
ОГРНИП 319784700175460
194352, Санкт-Петербург, пр. Художников, д. 30, к. 1, пом. 437
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

